

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Е. Н. ДУБРОВКО

**ПОЛЬША В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
1923–1937 ГОДОВ В ОЦЕНКАХ
БРИТАНСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ**

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2026

УДК 94:327(438:410)«1923-1937»

Дубровко, Е. Н.

Польша в европейской политике 1923–1937 годов в оценках британской правящей элиты / Е. Н. Дубровко ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2026. – 231 с.

ISBN 978-985-32-0204-5

В монографии выявлены и охарактеризованы оценки роли и места Польши в европейской политике в 1923–1937 гг. со стороны британской правящей элиты того времени. Исследование основывается на широкой базе документальных и повествовательных источников, отражающих внешнеполитические взгляды британской правящей элиты, в частности, на ситуацию в Центрально-Восточной Европе. Доказывается, что доминирующее влияние на названные оценки оказывали представления правящей элиты Соединённого Королевства о задачах по обеспечению национальной безопасности, экономические интересы, а также принцип выстраивания внешней политики исключительно с учётом отношений с великими державами.

Адресована научным работникам, преподавателям, студентам и всем тем, кого заинтересует затронутая в ней проблематика.

Библиогр.: 262 назв.

Рекомендована к изданию Советом исторического факультета
Белорусского государственного университета
24.02.2026 г., протокол № 7

Рецензенты:

доктор исторических наук Н. Н. Мезга
кандидат исторических наук Л. В. Гавриловец

ISBN 978-985-32-0204-5

© Дубровко Е. Н., 2026

© Учреждение образования

«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2026

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день в мире происходят глобальные сдвиги в системе международных отношений. Их конфигурация, включающая как эпизоды обострения отношений между геополитическими тяжеловесами, так и локальные вооружённые конфликты, уже получила название «Вторая холодная война» или «холодная война 2.0»¹. Вызовы, с которыми приходится сталкиваться малым и средним государствам на международной арене, требуют от них адекватного понимания сути внешней политики крупных акторов, чтобы предотвратить угрозу собственной независимости и суверенитету, обеспечить свою безопасность. При этом анализ исторического опыта взаимодействия по линии «великая держава – среднее/малое государство» в обстановке переформатирования существующей системы международных отношений представляет особый интерес для белорусского общества, так как позволяет его учесть при выстраивании внешней политики сегодняшнего дня.

В годы между Первой и Второй мировыми войнами в число «великих держав» устойчиво входила Великобритания², позиции же её в европейской политике были едва ли не лидирующими. Решения, принимавшиеся её политической элитой³ в межвоенные годы, оказывали

¹ Ford, S. The New Cold War with China and Russia: Same as the Old Cold War? / S. Ford // Case Western Reserve Journal of International Law – 2023. – Vol. 55. – Iss. 11. – P. 423–477; История стран Западной Европы и Америки в XXI веке (2001–2021) : курс лекций : учебное пособие / под ред. Л. С. Белоусова. – М. : Издательство Московского университета, 2024. – С. 79–87.

² Официально государство в начале рассматриваемого периода называлось «Соединённое Королевство Великобритании и Ирландии», с 1927 г. – «Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии». В русском языке используется в качестве синонима этим названиям «Великобритания».

³ Сразу укажем, что объектом нашего интереса является именно этот элемент правящей элиты, непосредственно участвующий в принятии и осуществлении решений, которые связаны с использованием государственной власти. Несмотря на то, что точное содержание понятия «политическая элита» до сих пор является предметом научной дискуссии (см., например, Жуков, И. К. К определению понятия «Политическая элита» / И. К. Жуков // Вестник ОмГУ – 2010. – №3. – С. 179–183), состав этой группы не вызывает споров: люди, обладающие верховной политической властью в государственных и партийных институтах; они, как правило, занимаются разработкой стратегии деятельности возглавляемых ими государственных политических институтов, руководят ими (руководители законодательной, исполнительной, судебной власти, руководящая администрация в министерствах, департаментах, парламентарии и пр.)

влияние на дальнейшую историю в том числе и народов Центрально-Восточной Европы⁴, где формировались и проходили процесс становления молодые национальные государства. Итоги наиболее известных из этих решений, например, появление «линии Керзона», сохраняются по сей день.

Так чем же руководствовалась британская правящая элита, выстраивая политику Соединённого Королевства в отношении государств, оформлявшихся в центрально-восточноевропейском регионе после Первой мировой войны? В конце 1930-х британский дипломат Гарольд Никольсон писал, что дипломатия его страны является выражением таких принципов, как необходимость снабжения продовольствием британских островов и безопасность коммуникаций с имперскими владениями, что требовало морского превосходства над возможным противником. При этом превосходство, по словам британского дипломата, должно реализовываться так, чтобы не было антагонизма с существенными потребностями большинства государств – независимость и торговля⁵.

Однако реализация заявленных принципов приобретала разнообразные формы в отношениях с разными государствами, а принятие решений о пределах допустимого риска при обеспечении безопасности в том или ином случае основывалось на оценках и позиции разных политических фигур.

Принципы политики в отношении непосредственно Центрально-Восточной Европы предложил в начале 20 века британский географ Хэлфорд Маккиндер, сформулировавший теорию географической оси истории. Его известная лекция 1904 года была, правда, нацелена больше на преподавателей и учёных, чем на политические элиты. Однако в начале 1919 года он представил работу «Демократические идеалы и реальность», где сформулировал тезис о том, что в этом регионе (у Х. Маккиндера – в «Восточной Европе» – Е. Д.) необходимо

⁴ Поскольку термин стал использоваться относительно недавно (в 1935 г. его использовали венгерские историки для названия своего журнала), в различных историографических традициях его содержание может несколько отличаться. Распространённый подход к его трактовке, которого мы будем придерживаться, вырос из работы историка О. Халецкого 1939 г., в соответствии с его концепцией ЦВЕ расположена между Германией и Россией (подробнее см. История Центрально-Восточной Европы / Н. Алексюн [и др.]. – Санкт-Петербург : Евразия, 2009. – С. 9–20).

⁵ Никольсон, Г. Дипломатия / Г. Никольсон. – М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – С. 81–82.

наличие пояса независимых государств между Германией и Россией, чтобы там не укрепилось влияние ни одной из этих «континентальных» держав и, соответственно, ни одна из них не могла излишне усилиться и стать соперником Великобритании. На момент подготовки работы британский географ и член парламента видел угрозу прежде всего в Германии. Х. Маккиндер отмечал наличие в регионе между Балтийским и Средиземным морями «семи негерманских народов, каждый из которых, по меркам европейской государственности, можно признать второстепенным»: «поляки, богемцы (чехи и словаки), венгры (мадьяры), южные славяне (сербы, хорваты и словенцы), румыны, болгары и греки». Говоря, в частности, о Польше, он писал, что той желательно приобрести выход к Балтийскому морю, тогда она сможет быть «полноценным территориальным буфером между Германией и Россией»⁶. Созвучие итогов Парижской мирной конференции 1919–1920 годов и указанных тезисов Х. Маккиндера очевидно.

На наш взгляд, особый интерес для белорусских исследователей и в целом белорусского общества представляет именно линия отношений «Великобритания – Польша» в межвоенные годы, поскольку она серьёзно повлияла на ход событий в регионе, где разворачивались процессы белорусского национально-государственного строительства и где белорусский народ был разделён польско-советской границей с марта 1921 до сентября 1939 г.

Учитывая уже имеющиеся научные исследования и доступные исторические источники, о которых подробнее пойдёт речь на следующих страницах, объектом нашего исследования стали концептуальные основы внешней политики Великобритании в межвоенное время. Непосредственно предметом исследования являются оценки британской политической элитой роли и места Польши в европейских отношениях в 1923 – 1937 годах.

Указанная хронология охватывает промежуток времени, начало которого связано с международным признанием восточных границ Польши в марте 1923 г., символизировавшим окончание процесса её территориального оформления после Первой мировой войны и переход к активному поиску путей обеспечения гарантий собственной безопасности. В Великобритании к этому времени распалась либерально-консервативная коалиция времён Первой мировой войны и начался

⁶ Маккиндер, Х. Демократические идеалы и реальность // Маккиндер, Х. Географическая ось истории / Х. Маккиндер. – М. : Издательство АСТ, 2024. – С. 267–270.

период преобладания у власти консервативной партии. В 1920-х гг. консерваторы почти постоянно формировали Кабинеты, за исключением короткого времени в 1924 и 1929 – 1931 гг, когда это делали лейбористы. С начала 1930-х консерваторы составляли большинство в коалиционном правительстве с лейбористами, а с 1935 г. вновь возглавили Кабинет. 1923 год был вехой и в истории европейских отношений. В них после Рурского кризиса и его преодоления начался период стабилизации, выработки и попыток реализации (при непосредственном участии Соединённого Королевства) международных проектов, направленных на корректировку послевоенной Версальской системы международных отношений с учётом выявлявшихся слабых элементов и изменения расстановки сил, а также направленных на создание системы безопасности. Среди этих проектов – «план Дауэса», Женевский протокол 1924 г., Локарнская конференция 1925 г., изменение состава Совета Лиги Наций, подготовка и проведение Женевской конференции в первой половине 1930-х гг., «пакт четырёх», проект Восточного Локарно. В менявшейся международной ситуации Польша, опасавшаяся невыгодного для неё пересмотра положений Версальского договора, стремилась повысить значимость своей роли в европейской политике и занять место, которое, с точки зрения её правящих кругов, обеспечило бы безопасность польского государства. Лондон, выстраивая свою внешнеполитическую тактику, вынужден был постоянно анализировать происходившие в континентальной Европе изменения, оценивать место и роль каждого значимого актора европейских отношений. Оформление польского государства превратило и его в объект такой оценки.

Верхняя хронологическая граница – 1937 г. В начале этого года окончательно провалились попытки создания международной системы безопасности. После ремилитаризации Рейнской зоны Германией прекратили работу последние комиссии Женевской мирной конференции; стал очевиден провал проекта «нового Локарно». Таким образом произошло серьёзное изменение международной ситуации в Европе: доминантой в ней стала экспансионистская политика Германии. В этих обстоятельствах в Великобритании в мае 1937 г. к власти пришёл Кабинет Артура Нэвилла Чемберлена, однозначно сделавший ставку на реализацию политики «умиротворения» в отношении Германии.

Научная новизна и актуальность заявленного предмета исследования обусловлена тем, что, в целом, в историографии европейской политики Соединённого Королевства преимущественно уделялось внимание различным аспектам его отношений с ведущими государствами – Германией, Францией, СССР. Цель этого исследования – выявление

и характеристика оценок роли и места Польши в европейской политике в 1923 – 1937 гг. со стороны британской правящей элиты, – актуальная для белорусской исторической науки, не нашла пока реализации в историографии.

В частности, в английской исторической науке концептуальные основы внешней политики Великобритании в межвоенное время начали анализироваться ещё историками-современниками. В 1920-х гг. они оперировали такими тезисами как влияние на выработку внешнеполитической концепции островного положения государства, вхождение Великобритании в «два мира» – континентальную Европу и англоговорящий мир других континентов⁷, – влияние общественного мнения Великобритании на её европейскую политику⁸.

Обострение политической обстановки в конце 1930-х гг. способствовало возрастанию интереса к международным отношениям времени версальского мирного урегулирования и политике Великобритании в те годы как у профессиональных историков, так и у общества, на запросы которого историческая наука должна была отвечать. Появились работы, отразившие большой интерес к странам Центральной и Южной Европы; но концептуально там присутствовал тот же тезис: в межвоенное время Великобритания продолжала уже через Лигу Наций реализовывать политику «одна нога – в море, одна на берегу», констатировалась «незаинтересованность» Великобритании в регионах Восточной и Центральной Европы⁹. Только нарастание кризиса в международных отношениях в 1939 г. стимулировало размышления о выборе адекватного ситуации внешнеполитического курса. Начали появляться работы, где признавалось, что Великобритания, хоть и не имела жизненной заинтересованности в Восточной Европе, не могла более оставаться безразличной к развитию там событий, так как проблемы Восточной Европы могли через Балканы повлиять на ситуацию в Восточном Средиземноморье¹⁰.

⁷ Toynbee, A. J. A Survey of International affairs 1924 / A. J. Toynbee. – London : Oxford University Press, 1928. – P. 27–28, 36.

⁸ Macartney, C. A. A Survey of International affairs 1925 / C. A. Macartney : in 2 vol. – London : Oxford University Press, 1928. – Vol. II. – P. 1.

⁹ Seton-Watson, R. W. Britain and the dictators. A survey of post-war British policy / R. W. Seton-Watson. – 3d ed. – Cambridge : The University Press, 1939. – P. 82, 103; Carr, E. H. Britain. A study of foreign policy from the Versailles treaty to the outbreak of war / E. H. Carr. – London-New York-Toronto : Longmans, Green and Co, 1939. – P. 34, 124.

¹⁰ Bruce, M. British foreign policy. Isolation or intervention? / M. Bruce. – London : Thomas Nelson and sons Ltd, 1939. – P. 143.

Следующий этап развития научных представлений об английской политике в Европе связан с событиями Второй мировой войны. В те годы сохранялся тезис, что Соединённое Королевство рассматривает внешнюю политику в мировом масштабе, не может концентрировать своё внимание только на Европе, потому что до 1938 г. основной целью было невмешательство в дела континента к востоку от реки Рейн, и только в конце 1930-х гг. рост популярности требований противостояния немецкому милитаризму, идеи защиты малых государств Центральной Европы и активное сотрудничество с Советским Союзом вызвали отказ от этой цели¹¹.

В послевоенные годы появились работы, в которых предпринимались попытки осмыслить международные отношения межвоенного времени, приведшие к самому кровавому конфликту XX века. Английские авторы признавали одной из проблем межвоенного времени польский вопрос, отводили ведущую роль в его развитии «свершившимся фактам», перед лицом которых союзники были бессильны¹².

Во второй половине XX века в трудах по истории британской внешней политики польскому вектору, как и центрально-восточно-европейскому региону в целом, уделено, по-прежнему, мало внимания¹³. Тем не менее можно отметить рост интереса к политике Великобритании в отношении ранее не рассматривавшихся регионов, о чём свидетельствуют работы английских исследователей конца XX в¹⁴. Среди авторов, которые проявили интерес к британской политике в отношении Польши, можно отметить, прежде всего, работы Н. Дэвиса, британского историка, специализирующегося на истории Польши¹⁵.

¹¹ Medlicott, W. N. *British foreign policy since Versailles* / W. N. Medlicott. – London : Methuen and Co. Ltd, 1940. – P. 6–7.

¹² Carr, E. H. *International relations between the two World wars (1919–1939)* / E. H. Carr. – London : Macmillan&Co. Ltd, 1948. – P. 34; Mowat, Ch. L. *Britain between the wars, 1918–1940* / Ch. L. Mowat. – London : Methuen&Co Ltd, 1955. – P. 53.

¹³ *Retreat from power. Studies in Britain's foreign policy of the twenties century* : in 2 vol. / ed. by Dilks D. – London : The Macmillan press Ltd, 1981. – Vol. 1: 1906–1939. – 214 p.; Beloff, M. *Wars and welfare: Britain, 1914–1945* / M. Beloff. – London : Edward Arnold Ltd, 1984. – 281 p.; Ferris, J. R. *The evolution of British strategic policy, 1919–1926* / J. R. Ferris. – London : Macmillan Press, 1989 – 235 p.

¹⁴ Batonyi, G. *Britain and Central Europe* / G. Batonyi. – Oxford : Clarendon Press, 1999. – 240 p.; Latawski, P. *Lewis Namier on chechoslovak and polish political culture* / P. Latawski // *Eastern Europe and the West. Selected papers from the Forth world congress for soviet and East European studies. Harrogate, 1990* / ed. by J. Morison. – London, 1992. – P. 251–264.

¹⁵ Davies, N. *Boże igrzysko. Historia Polski* : w 2 t. / N. Davies. – Kraków : Znak, 1992. – T. 2. – 906 s.

В первой четверти ХХI в. сохраняется интерес к британской политике межвоенных лет¹⁶. Преобладающее внимание уделяется отношениям Великобритании с ведущими державами – США, Францией, Германией, Советской Россией, – и её колониальным интересам. Хоть нельзя не отметить, что тематика работ расширилась, активизировались, например, исследования балтийского вектора¹⁷. При этом, чаще сохраняется апологетический тон. Канадский профессор К. Нилсон, например, подчёркивает исключительно мирный характер британской политики первой половины 1920-х гг.; политика в балтийском регионе оценивается как способствовавшая там экономической стабильности. Вместе с тем в современной английской исторической науке появляются достаточно строгие оценки британской европейской политики, в частности, первой половины 1930-х. Она характеризуется как «недальновидная»¹⁸. Причины такой политики связываются с бóльшим вниманием к имперской безопасности, нежели европейской¹⁹.

Учитывая заявленный предмет исследования, следовало полагать, что польская историческая наука проявляла к нему интерес. Действительно, в польской историографии ещё межвоенного времени уделялось внимание англо-польским отношениям. Вышедшие в то время работы, часто публицистического характера, отстаивали тезис о неприятии Соединённым Королевством идеи создания политически сильной Польши, пытались выделить факторы, предопределившие такую позицию²⁰.

События Второй мировой войны стали этапными для развития польской исторической науки. В ней оформилось два направления – эмигрантская историография и историография Польской народной республики.

¹⁶ Neilson, K. *Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939* / K. Neilson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 379 p.

¹⁷ Hiden, J. *British policy towards the Baltic states: 1939–1945* / J. Hiden // *Lithuanian historical studies*. – 2004. – № 9. – P. 75–87.

¹⁸ Kitching C. J. *Britain and the Problem of International Disarmament 1919–1934* / C. J. Kitching. – London & New York : Routledge, 2003. – 232 p.

¹⁹ Fleming, N. C. *Cabinet Government, British Imperial Security, and the World Disarmament Conference, 1932–1934* / N. C. Fleming // *War in History*. – 2011. – Vol. 18, no. 1. – P. 62–84.

²⁰ Dmowski, R. *Polityka polska a odbudowanie państwa. Z dodaniem memorjału «Zagadnienia środkowo- i wschodnio-europejskie» i innych dokumentów z lat 1914–1919* / R. Dmowski. – Warszawa : Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i Ska, 1926. – 533 s.; Budecki, Zd. *Stosunki polsko-litewskie po wojnie światowej, 1918–1928* / Zd. Budecki. – Warszawa : Nakładem koła naukowego szkoły nauk politycznych, 1928. – 93 s.; Wasilewski L. *Józef Piłsudski. Jakim go znałem*. – Warszawa : Towarzystwo wydawnicze “Rój”, 1935. – 235 s.

В рамках эмигрантской польской историографии авторы, имея доступ к английским исследованиям, документам, имели большие возможности для изучения английской политики, которые многими из них были реализованы. Некоторые исследователи, предпринимая попытки осмысления политической истории Польши межвоенного времени в целом, затрагивали проблему роли в ней европейских держав, в том числе Великобритании; подчёркивалась неприязненная, порой даже враждебная Польше позиция британского руководства²¹. Отдельные работы были посвящены исключительно политике ведущих европейских государств, в том числе Великобритании, по отношению к Польше в первой половине XX в. В них, однако, больше внимания уделено периоду кануна Второй мировой войны и доминирует тезис об «антипольской» позиции Великобритании²².

В Польской народной республике в 1960-х – 1980-х гг. вышло много работ о межвоенном времени – начальном этапе существования так называемой Второй Речи Посполитой. Тогда же появились работы, частично освещавшие британскую политику в отношении Польши в первой половине XX в. Это были работы по истории внешней политики Польши²³, истории её отношений с западноевропейскими державами²⁴. Тогда же стали появляться и работы по польско-английским отношениям²⁵.

В 1990-х – начале 2000-х гг. в условиях методологического плюрализма и расширения проблематики работ польских историков,

²¹ Pobóg-Malinowski, Wł. Najnowsza historia polityczna Polski : w 3 t. / Wł. Pobóg-Malinowski. – 3-e wyd. – Londyn : [s.n.], 1985. – Т. 2: 1914–1939. – 900 s.

²² Karski, J. The great powers and Poland, 1919–1945. From Versailles to Yalta / J. Karski. – New-York; London : University Press of America, 1985. – 698 p.; Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.; Żochowski, St. Brytyjska polityka wobec Polski, 1916–1948 / St. Żochowski. – Lublin : Wyd-wo Retro, 1994 – 360 s.

²³ Krasuski, J. Między wojnami. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej / J. Krasuski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. – 215 s.

²⁴ Kowalski, Wł. Zachód a Polska (XVIII–XX) / Wł. Kowalski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1984. – 218 s.

²⁵ Cieślak, T. Poland in Britain's inter-war policy / T. Cieślak // Polish western affairs. – 1979. – Vol. XX. – № 1. – S. 26–43.; Nurek, M. Polska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1936 – 1941 / M. Nurek. – Warszawa, 1983. – 341 s.; Nowak-Kiełbikowa, M. Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937 / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989. – 587 s.

по-прежнему сохранился интерес к англо-польским отношениям первой половины XX в. Наряду с исследованиями по истории дипломатии и внешней политики Польши²⁶ появлялись отдельные работы, посвящённые непосредственно рассмотрению англо-польских отношений²⁷; закрепился тезис о зависимости польского вектора политики Великобритании от англо-германских отношений.

В исследованиях 2010-х гг. прежде всего продолжает оставаться объектом интереса политика Великобритании в период предвоенного кризиса²⁸.

В целом, можно констатировать, что польские историки подробно рассматривали англо-польские отношения межвоенного времени, но уделяли при этом больше внимания внешней политике Польши, её национальным интересами.

Наиболее доступной для белорусских исследователей и любителей истории, несомненно, является белорусско- и русскоязычная научная историческая литература. Современная белорусская и российская исторические науки формировались на базе советской историографии. В последней уже в 1920-е – 1930-е гг. оценки британской внешней политики обозначены в работах, посвящённых международным отношениям после Первой мировой войны²⁹. Работы эти часто носили научно-популярный характер и отражали британскую политику в польском вопросе крайне фрагментарно.

²⁶ Łossowski, P. Polska w Europie i świecie, 1918–1939 / P. Łossowski. – Warszawa : Książka i wiedza, 1990. – 302 s.; Kamiński, M. K. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939 / M. K. Kamiński, M. J. Zacharias. – Warszawa : Wyd-wo LTW, 1998. – 315 s.; Batowski, H. Między dwiema wojnami 1919–1939, zarys historii dyplomatycznej / H. Batowski. – Kraków : Wyd-wo literackie, 2001. – 574 s.; Tomaszewski, J. Polska w Europie i świecie, 1918–1939 / J. Tomaszewski, Z. Landau. – Warszawa : Warszawa TRIO, 2005. – 336 s.

²⁷ Mazurczak, W. Polska między Niemcami a ZSSR w polityce Londynu w latach 1918–1925 / W. Mazurczak // Polska między Niemcami a Rosją : pr. zbior. / Uniwersytet im. A. Mickiewicza ; red. W. Mazurczak. – Poznań, 1999. – S. 23–40.; Kania, K. Wielka Brytania 1918–1939 w świetle polskich źródeł dyplomatycznych. – Toruń: A. Marszałek, 2007. – 294 s.

²⁸ Jeziorny, D. Dyplomacja brytyjska wobec koncepcji paktu wschodniego (1933–1935) / D. Jeziorny. – Łódź : Wyd-wo Uniw. Łódzkiego, 2011. – 635 s.; Rodzik, M. Polska a Wielka Brytania od kryzysu sudeckiego do 15 Marca 1939 roku / M. Rodzik. – Warszawa : Instytut pamięci narodowej, 2019. – 176 s.

²⁹ Бруксон, Я. От Версаля до наших дней / Я. Бруксон. – Ленинград : Рабочее издательство Прибой, 1927. – 174 с.; Друнин, В. П. Польша, Россия и СССР. Исторические очерки / В. П. Друнин. – М. ; Ленинград : Гос. издательство, 1928. – 220 с.

В послевоенное время в советской исторической науке выделились следующие вызывавшие особый интерес советских исследователей аспекты британской политики в центрально-восточноевропейском регионе. Во-первых, политика эпохи гражданской войны, когда акцентировалось внимание на антисоветском характере внешней политики Великобритании и использовании ею Польши (как и балтийских стран) в качестве орудия³⁰. Во-вторых, при разработке тематики истории внешней политики Великобритании первой половины XX в. в целом, особый интерес вызывал её советский вектор, а в плане хронологии – рубеж 1910-х – 1920-х гг и 1930-е гг. Это проявилось в трудах И. М. Лемин³¹, В. Г. Трухановского³², Ф. Д. Волкова³³.

Если говорить о содержательной составляющей, наиболее обстоятельный анализ внешней политики Великобритании первой половины 20 века провёл советский историк профессор В. Г. Трухановский, уделявший значительное внимание её экономическому фактору. Характеризуя ситуацию 1930-х гг., он писал, что Великобритания была не довольна излишней инициативой Германии, но в британском Кабинете не было единства в оценках её действий, в итоге возобладала линия на соглашение с Германией и игнорирование опасений Франции³⁴. В целом же, советские историки, начиная с 1950-х годов сходились во мнении, что политические деятели Великобритании способствовали узакониванию и росту германских вооружений³⁵. Для объяснения причин

³⁰ Зуев, Ф. Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию, 1919–1920 / Ф. Зуев. – М. : Гос. издат. полит. литературы, 1954. – 232 с.; Штейн, Б. Е. «Русский вопрос» в 1920–1921 гг. / Б. Е. Штейн. – М. : Гос. издат. полит. литературы, 1958. – 334 с.; Кузьмин, Н. Ф. Крушение последнего похода Антанты / Н. Ф. Кузьмин. – М. : Гос. издат. полит. литературы, 1958. – 344 с.; Почс, К. Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929) / К. Я. Почс. – Рига : Знание, 1985. – 176 с.

³¹ Лемин, И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919–1925 / И. М. Лемин. – М. : ОГИЗ, 1947. – 488 с.

³² Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.

³³ Волков, Ф. Д. СССР – Англия 1929 – 1945 гг. Англо-советские отношения накануне и в период второй мировой войны / Ф. Д. Волков. – М.: Издательство «Международные отношения», 1964. – 560 с.; Волков, Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-Стрит / Ф. Д. Волков. – М. : Мысль, 1980. – 462 с.

³⁴ Трухановский, В. Г. Указ. соч. – С. 218–253.

³⁵ Поздеева, Л. В. Англия и ремилитаризация Германии 1933–1936 / Л. В. Поздеева. – М. : Издательство Академии наук, 1956. – С. 59.

такой позиции использовался тезис, что в 1930-е гг. основу внешней политики Соединённого Королевства составляла антисоветская установка. Великобритания, исходя из принципа баланса сил, стремилась создать антисоветский блок во главе с Германией для войны с СССР³⁶. Вплоть до 1980-х гг. английская политика устойчиво определялась как «попустительство и поощрение агрессии»³⁷.

С начала 1990-х гг. в белорусской и российской исторических науках произошли значительные изменения: распространялся идеологический и методологический плюрализм, более разнообразной становилась тематика исследований, стали заполняться имевшиеся в историографии пробелы. Эти обстоятельства обозначили новый этап в развитии научных представлений о концептуальных основах британской политики в центральном-восточноевропейском регионе в межвоенные годы.

Тогда же начали изменяться оценки, которые давали российские историки внешнеполитической концепции Соединённого Королевства межвоенных лет. Был сформулирован тезис о том, что в первой половине 1930-х гг. элита Великобритании была заинтересована в обеспечении мира: экономические интересы требовали стабильности на континенте, сохранение социальной напряжённости побуждало воздерживаться от участия в гонке вооружений и поддерживать финансовое положение³⁸.

К началу 21 века расширилась и тематика исследований британской внешней политики российскими учёными. О проявлении непосредственного интереса к центральном-восточноевропейской политике Великобритании свидетельствовало появление диссертационных исследований, посвящённых британской политике в Балтийском регионе³⁹ и политике в польском вопросе в 1914–1921 гг.⁴⁰

³⁶ Волков, Ф.Д. СССР – Англия 1929 – 1945 гг. Англо-советские отношения накануне и в период второй мировой войны / Ф.Д. Волков. – М.: Издательство «Международные отношения», 1964. – С. 45–118.

³⁷ Десятков, С. Г. Формирование и развитие английской политики попустительства и поощрения агрессии (1931–1940 гг.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.03 / С. Г. Десятков. – Москва, 1983. – 29 с.

³⁸ Кен, О. Н. Великобритания и европейская безопасность 1933 –1935 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.03 / О. Н. Кен. – Ленинград, 1990. – 17 с.

³⁹ Пруцкова, А. В. Политика Великобритании в Прибалтике в период между мировыми войнами : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / А. В. Пруцкова ; СПГУ. – СПб., 2000. – 344 л.

⁴⁰ Колмагоров, К. Н. Польский вопрос во внешней политике Англии (1914–1921 гг.) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / К. Н. Колмагоров ; Калининградский гос. университет. – Калининград, 2004. – 240 л.

К рубежу 2000-х – 2010-х гг. в российской историографии констатировалась необходимость современной интерпретации содержания внешней политики Великобритании межвоенного периода⁴¹. С этого же времени российские историки-англоведы активизировали свою работу.

Большое внимание российские историки в 2010-х уделяли осмыслению политики «умиротворения», при этом нередко присутствовала острая обвинительная риторика, присущая советской историографии⁴². Кроме того для российской исторической науки, в том числе и на сегодняшний день, характерны изучение и анализ британской политики межвоенного времени в рамках преимущественно, по словам исследователя А. Ю. Прокопова, её «главных направлений»: отношений Великобритании с Германией, Францией, Советской Россией⁴³. На это указывает тематика появляющихся статей и диссертационных исследований⁴⁴, а также содержание работ, посвящённых внешней политике Великобритании межвоенных лет⁴⁵. Особое внимание, конечно, уделяется советскому вектору⁴⁶.

⁴¹ Сергеев, Е. Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919–1922 гг. / Е. Ю. Сергеев // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений) : материалы междунар. науч. конф., Тамбов, 11–12 ноября 2008 г. – Тамбов, 2009. – С. 47–50; Фомин, А. М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны / А. М. Фомин // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 72–91.

⁴² Дубровко, Е. Н. Английская «политика умиротворения» в исследованиях российских историков 2010-х годов / Е. Н. Дубровко // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксце падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў (да 75-годдзя Вялікай Перамогі) : зборнік навуковых артыкулаў / Гомельскі дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны; рэдкал. : М. М. Мязга (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – С. 11–16.

⁴³ Прокопов, А. Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х годах / А. Ю. Прокопов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 2. – С. 112–119.

⁴⁴ Рыбаков, С. В. Действия и мотивация британской дипломатии в период между двумя мировыми войнами / С. В. Рыбаков // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 54–59; Василенкова, А. А. Англо-советские отношения в 1918–1924 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А. А. Василенкова ; Владимир. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2007. – 22 с.

⁴⁵ Демидов, С. В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами / С. В. Демидов // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков. – Рязань : Концепция, 2017. – С. 98–136.

⁴⁶ Сергеев, Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию / Е. Ю. Сергеев. – Санкт-Петербург: Наука, 2019. – 831 с.; Сергеев, Е. Ю. Обманчивый рассвет. Советский Союз и Великобритания в 1925 – 1932 гг. / Е. Ю. Сергеев. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2024. – 397 с.

Одновременно происходит переоценка факторов, влиявших на британскую политику в отношении региона Центрально-Восточной Европы. Например, если академик В. Г. Трухановский подчёркивал, что в преддверие Локарнской конференции Великобритания добивалась такого урегулирования, при котором «восточноевропейских союзников Франции» следовало оставить «беззащитными», так как «немцы, получив выход на восток, не будут помышлять о выступлении против Англии и Франции»⁴⁷, то современные российские специалисты в сфере истории внешней политики Великобритании, хорошо знакомые с работами зарубежной историографии и открытыми для анализа английскими документальными источниками отходят от таких однозначных оценок. Так профессор Н. К. Капитонова пишет, что консервативные кабинеты Великобритании стремились прежде всего к поддержанию стабильности в Европе, рассматривая её в качестве залога успешной политики за пределами Европы⁴⁸. Профессор Е. Ю. Сергеев поддерживает мнение, что создание и временная стабилизация Версальско-Вашингтонской системы к середине 1920-х гг. были достигнуты главным образом благодаря усилиям Великобритании⁴⁹. Профессор О. А. Аршинцева также признаёт наличие конструктивных начал британской внешней политики, более того, лидирующую роль Великобритании в экономической и политической стабилизации в Европе в первой половине 1920-х гг.⁵⁰ Профессор С. В. Демидов пишет, что Локарнский договор способствовал уравниванию сил на европейском континенте при посредничестве Великобритании⁵¹. Профессор Е. В. Хахалкина выдвинула гипотезу, что договорённости Локарнской конференции заменили Версальскую систему в роли основного

⁴⁷ Трухановский, В. Г. Указ. соч. – С. 145–146.

⁴⁸ Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании: учебник / Н. К. Капитонова. – М. : Международные отношения, 2016. – С. 338–339.

⁴⁹ Сергеев, Е. Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919–1922 гг. / Е. Ю. Сергеев // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений) : материалы междунар. науч. конф. 11–12 ноября 2008 г. / Федеральное агентство по образованию, Администрация Тамбовской обл., Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина [и др.]. – Тамбов, 2009. – С. 47–50.

⁵⁰ Аршинцева, О. А. Великобритания и проблема стабилизации Версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. / О. А. Аршинцева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 157–162.

⁵¹ Демидов, С. В. От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919–1925) / С. В. Демидов // Российский научный журнал. – 2009. – №6 (13). – С. 108.

механизма поддержания безопасности в регионе, при этом Великобритания выступила в роли «главного архитектора» этой конференции⁵². Указанные авторы также обратили внимание на наличие у представителей британской политической элиты разных подходов к реализации главных направлений европейской политики.

По сравнению с советской историографией также больше уделяется внимания влиянию англо-германских отношений на политику Соединённого Королевства, например, на балтийский вектор британской политики⁵³. Встречаются тезисы, что с середины 1920-х гг. сближение Лондона и Берлина закладывало основы для консенсуса двух держав по вопросу сохранения статус-кво в Северо-Восточной Европе. Великобритания, заинтересованная в сближении с Германией ради сохранения мира в Западной Европе, особенно в условиях разрыва отношений с СССР, и не готовая к активному вовлечению в решение проблем на востоке Европы, демонстрировала определённую готовность пожертвовать интересами безопасности стран региона ради сохранения англо-германского партнёрства по иным вопросам⁵⁴.

В последние годы появился новый аспект в исследованиях современных российских авторов: анализ оценки различных внешнеполитических вопросов со стороны британских правящих кругов⁵⁵. В таких исследованиях уделено некоторое внимание и региону Центрально-Восточной Европы. В частности, по мнению И. Э. Мгадеева немаловажную роль в британских оценках применительно к нему в 1920-е гг. играла «тень империй», то есть представления о возможном возвращении прежней стратегической и экономической ситуации, существовавшей в субрегионе до начала Первой мировой войны⁵⁶.

⁵² Хахалкина, Е. В. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации версальской системы: взгляд из Лондона / Е. В. Хахалкина, В. С. Дзюба // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – №1. – С. 157–195.

⁵³ Мельтюхов, М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.) / М. И. Мельтюхов. – М.: Алгоритм, 2015. – С. 272.

⁵⁴ Родин, Д. В. Проекты «новых Локарно» в англо-германских отношениях во второй половине 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.03 / Д. В. Родин ; МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 2021. – С. 18, 22, 25.

⁵⁵ Романова, Е. В. Перспективы торгово-экономического взаимодействия в Советской России/СССР в оценке британских правящих кругов (первая половина – середина 1920-х гг.) / Е. В. Романова // Чичеринские чтения. СССР на мировой арене: самоидентификация и восприятие : материалы междунар. науч. конф. 24–26 ноября 2022 г. / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.] ; отв. ред. В. В. Романов. – Тамбов, 2023. – С. 53–65.

⁵⁶ Мгадеев, И. Э. «Тень империй»: проблемы стабильности в Центральной и Восточной Европе в оценках британских дипломатов и политиков (1920-е годы) / И. Э. Мгадеев // Новая и новейшая история. – 2021. – № 4. – С. 82–96.

В отечественной историографии история внешней политики Великобритании в межвоенные годы была, как уже подчёркивалось, предметом непосредственного интереса советского историка белорусского происхождения В. Г. Трухановского. Непосредственно в БССР центром исследования истории международных отношений и внешней политики были кафедры Белорусского государственного университета⁵⁷. В то время история внешней политики Великобритании межвоенных лет находила лишь фрагментарное отражение в исследованиях историков-международников, посвящённых другим сюжетам дипломатической истории⁵⁸.

С начала 1990-х гг. в условиях существования независимой Республики Беларусь исследования в сфере международных отношений и внешней политики расширились. В 1992 г. была создана кафедра международных отношений в БГУ, сотрудники которой сосредоточили свои усилия на разработке таких тем, как международные отношения в Центрально-Восточной Европе и внешняя политика отдельных стран Запада⁵⁹. В те же годы активизировались исследования в сфере международных отношений и внешней политики в областных центрах нашей страны⁶⁰.

Различные аспекты внешней политики Великобритании межвоенных лет на сегодняшний день нашли своё отражение в работах белорусских историков. В частности, можно отметить работы А. В. Тихомирова, в которых автор анализировал место белорусской проблематики в политике великих держав в межвоенный период⁶¹. Политика

⁵⁷ Снапкоўскі, У. Е. Традыцыі і навацыі ў знешнепалітычных даследаваннях Беларусі : дапаможнік / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2020. – С. 36–40.

⁵⁸ Климовский, Д. С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений (Из истории зарождения Второй мировой войны) / Д. С. Климовский. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 288 с.

⁵⁹ Снапкоўскі, У. Е. Пазнач. твор. – С. 36–52.

⁶⁰ Кафедра ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны: людзі, падзеі, час (1947–2022 гг.) / М. М. Мязга [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2022. – 245 с.

⁶¹ Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін пасляваеннага ўладкавання Еўропы і перыяду савецка-польскай вайны (1918–1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў. – Мінск : Экаперспектыва, 2003. – 400 с.; Ціхаміраў, А. Беларусь у палітыцы вядучых дзяржаў Захаду (1914–1945 гг.) / А. Ціхаміраў // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2001. – Т. 15. – S. 168–188.; Ціхаміраў, А. В. Беларусь у палітыцы дзяржаў Антанты 1914 – 1921 / А. В. Ціхаміраў // *Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы : матэрыялы міжнар. навука-тэарэт. канф. Мінск, 16–17 сакавіка 2001 г.* / Белдзяржуніверсітэт ; навука. рэд. У.Ф. Ладзеў. – Мінск, 2001. – С. 27–33.

Великобритании в контексте внешнеполитических аспектов истории белорусской государственности находится также в сфере научных интересов профессора В. Е. Снапковско⁶². Эта же тема была затронута в работах гомельских историков: профессора Г. Г. Лазько⁶³, профессора Н. Н. Мезги⁶⁴. Отдельные сюжеты, связанные с политикой Соединённого Королевства в годы Второй мировой войны, нашли отражение в работах историка В. В. Барабаша⁶⁵. Также белорусские исследователи не оставили без внимания советско/белорусско-британские отношения в межвоенный период, в частности историки И. В. Жилинская⁶⁶ и А. И. Осипович⁶⁷.

⁶² Снапкоўскі, У. Е. Пазнач. твор. – С. 232–259; Dubrouka, A. M. The Belarusian People's Republic in the politics of the UK (December 1919 – July 1920): based on documents from the National Archives in London / A. M. Dubrouka, Ul. E. Snapkouski // *The Journal of Belarusian Studies*. – Vol. 13. – 2023. – P. 1–39.

⁶³ Лазько, Р. Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы 1932–1939 гг.) / Р. Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.; Лазько, Р. Пытанне аб “рыжскай” граніцы ў англа-польска-савецкіх адносінах (верасень 1939 – ліпень 1941 г.) / Р. Лазько. // *Великая Победа: героизм и подвиг народов: материалы междунар. науч. конф. 28–29 апреля 2005* / отв. ред. А. М. Литвин : в 2 т. – Т. 1. – Минск : Институт Истории НАН Беларуси, 2006. – С. 66–70.

⁶⁴ Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2010. – 198 с.; Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.

⁶⁵ Барабаш, В. В. Формирование белорусско-польской границы в период второй мировой войны (1939–1945 гг.) / В. В. Барабаш // *Журнал междунар. права и междунар. отношений*. – 2008. – № 2. – С. 36–41.; Барабаш, В. В. «Проблема Беларуси» в политике государств антифашистской коалиции (1941–1945) / В. В. Барабаш // *Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія, Сацыялогія. Эканоміка. Права*. – 2009. – № 3. – С. 24–28.

⁶⁶ Жылінская, І. У. Вялікабрытанія ў знешняй культурнай палітыцы СССР у 1931–1939 гг. / І. У. Жылінская // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2011. – № 3. – С. 20–27; Жилинская И. В. Научные связи СССР и Великобритании в 1931–1939 гг. / И. В. Жилинская // *Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук*. – 2011. – № 3. – С. 80–90; Жилинская, И. В. Англо-советские культурные связи в 30-е гг. XX в.: основные направления / И. В. Жилинская // *Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук*. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 57–68.

⁶⁷ Осипович, А. И. БССР и Великобритания: пролетарская солидарность и гуманитарные контакты, экономические, научные и культурные связи в 1921 – 1938 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / А. И. Осипович. – Минск, 2004. – 130 л.; Осипович, А. И. Британские делегации в БССР в 1924 – 1930-е гг. XX в. / А. И. Осипович // *Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 75-летию образования каф. истории Нового и Новейшего времени / редкол. : В. С. Кошелев (пред.) [и др.]*, – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – С. 148-151; Осипович, А. И. Научно-технический и информационный обмены между Великобританией и БССР в 1924–1939 гг. / А. И. Осипович // *Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. – 2004. – N 3 (33). – С. 30–35.

В целом, однако, приходится констатировать, что заявленная в этой работе цель исследования не нашла пока полной реализации в исторических исследованиях.

Источниковая база исследования включает письменные документальные и повествовательные источники. Первый блок – это материалы делопроизводства Кабинета министров Великобритании (протоколы, меморандумы), протоколы заседаний британского парламента, документы международных конференций, межгосударственные соглашения, материалы делопроизводства Форин Офис. Это как архивные документы, преимущественно из оцифрованных фондов Национального Архива Великобритании, так и опубликованные материалы. Второй блок включает воспоминания политических деятелей, дипломатов Великобритании, Польши, СССР.

Структура работы отражает признанный в историографии тезис, что на развитие отношений между Соединённым Королевством и Польшей преимущественное влияние оказывала международная ситуация⁶⁸. Её развитие подталкивало британских дипломатов и политиков, тесно связанных со сферой международных отношений, формулировать свои оценки роли и места Польши в европейской политике, что нашло своё отражение в исторических источниках. В итоге были выделены важнейшие события и контексты, стимулировавшие обращение представителей британской политической элиты к польской тематике, что и легло в основу построения работы.

⁶⁸ Nowak-Kiełbikowa, M. Op. cit. – S. 4–6.

1 «ПРИЗНАТЬ, НО НЕ ГАРАНТИРОВАТЬ» (1923–1925 ГОДЫ)

1.1 Признание восточных границ Польши

В рамках реализации концепции создания в Центрально-Восточной Европе пояса независимых буферных государств Парижская мирная конференция признала существование независимого польского государства. Его западные границы были обозначены в подписанном союзными державами Версальском мирном договоре. Однако окончательное территориальное оформление Польши растянулось не на один год и представляло собой процесс, протекавший в условиях конфликтов Польши со всеми соседними государствами, что постоянно привлекало внимание западноевропейских государств.

Из всех участков польских границ особое внимание притягивала польско-советская граница, оформленная Рижским мирным договором 1921 г. Отдельные представители правящей элиты Великобритании, бывавшие в Польше и симпатизировавшие ей, лоббировали идею, что Рижская граница не просто граница между государствами, а ещё и своеобразный общеевропейский западный рубеж. Например, весной 1923 г. в связи с международным признанием 15 марта восточных границ Польши Конференцией послов⁶⁹ произошел всплеск внимания членов британского парламента к этому событию. В этих обстоятельствах лорд Треовен, посещавший Польшу осенью 1922 г., в своём выступлении в парламенте заявлял, что польско-советская граница – это «нравственная граница, простирающаяся по всему региону, на восточной стороне которой не было ничего, кроме грабежа и хаоса, тогда как с западной стороны существовал закон и порядок, мир и защита жизни и имущества»⁷⁰.

Британской политической элитой не одобрялась линия Рижской границы. Ещё после подписания 12 октября польско-советского preliminary мира в Великобритании утвердилась точка зрения, что

⁶⁹ подробнее см. Дуброўка, А. Пытанне аб польска-савецкай дзяржаўнай мяжы у еўрапейскай палітыцы Вялікабрытаніі (кастрычнік 1920 г. – сакавік 1923 г.) / А. Дуброўка. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 3 (152). – С. 18–24.

⁷⁰ Eastern frontiers of Poland. May 16th, 1923. // House of lords debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1923/may/16/eastern-frontiers-of-poland>. – Date of access : 16.04.2025.

она расположена восточнее «разумных пределов»⁷¹. По информации белорусского пресс-бюро в Ковно, представленной со ссылкой на чешскую прессу, британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж обвинял Польшу в «ненормальности условий в Восточной Европе», отмечал, что поляки должны очистить земли, восточнее линии Керзона⁷². Через неофициальные каналы польским политикам сообщали, что только «слабая» Польша приемлема для Великобритании и сможет рассчитывать на получение от неё кредитов и доли в финансовых предприятиях в России. В противном случае, она будет восприниматься как угроза, так как сможет претендовать на роль лидера славянских государств и способствовать созданию в их лице нежелательной опоры для Франции и США в Европе⁷³. На протяжении лета 1921 г. в английской прессе продолжали появляться заявления о польских восточных границах, как источнике опасности для мира в Европе⁷⁴.

Тем не менее в условиях согласия советского правительства на Рижскую границу Великобритания приветствовала факт заключения мира. Давать гарантии неприкосновенности восточной границы Польши британское правительство не намеревалось⁷⁵. В ответ на просьбу польского министра иностранных дел в феврале 1921 г. о гарантии Рижской границы, Форин Офис заявил о готовности её принять, но не гарантировать⁷⁶.

На протяжении 1922 г. эта граница продолжала оцениваться британскими политиками как регион повышенной опасности. Обозначались факторы, обострявшие там ситуацию: голод и разруха, вызывавшие к жизни беженство, бандитизм и мародёрство; наличие значительных вооружённых сил по обе стороны польско-советской границы, которое, по словам Д. Ллойд Джорджа, было «опасно

⁷¹ Naczelne dowództwo WP. Referat informacyjny z dnia 1 listopada 1920, Anglia // Archiwum Act Nowych (AAN). – Zespół 322. – Sygn. 229. – S. 52–53; Elcock, H. J. Britain and the russo-polish frontier, 1919–1921 / H.J. Elcock // The Historical journal. – 1969. – Vol. 12. – № 1. – P. 153.

⁷² Белорусское пресс-бюро в Ковне 1 июня 1921 г. Бюллетень № 94 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 179. – Л. 7.

⁷³ Naczelne dowództwo WP. Referat informacyjny z dnia 15 października 1920, Anglia // AAN. – Zespół 322. – Sygn. 229. – S. 36–45.

⁷⁴ Белоусское пресс-бюро в Ковне 12 августа 1921 г. Бюллетень № 132 // НАРБ. – Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 125. – Л. 70.

⁷⁵ Documents on British Foreign Policy (DBFP) 1919–1939. 1st Ser. [1919–1925] / ed. by R. Butler [etc.]. – London, 1961. – Vol. 11. – P. 202–203.

⁷⁶ Ibid. – P. 719–722.

с чисто военной точки зрения, поскольку, как показывает опыт, если конфликты ожидаются на беспокойных границах, то они обязательно произойдут»⁷⁷.

Подтверждали такую оценку и заявления польских политиков. Последние, пытаясь добиться помощи и гарантий со стороны европейских держав, подчёркивали, что Советская Россия «оставалась вне Лиги Наций и отказывалась брать на себя какие бы то ни было обязательства в отношении развязывания новых войн». Характеризуя ситуацию на границе, они отмечали, что «Россия, в отличие от Польши, действительно может использовать свою часть Полесья для наступательных операций, потому что она имеет там железную дорогу, которая разделяет Полесье с севера на юг, а также несколько очень удобных естественных путей»⁷⁸. В заявлениях польских политиков подчёркивалась значимость роли Польши для европейской безопасности: «Польша по праву гордится своей исторической ролью защитника западной цивилизации и достижения мира против опасностей вторжения»⁷⁹.

Однако этих усилий польских политиков оказалось недостаточно для того, чтобы подтолкнуть официальный Лондон к какому-либо участию в защите Рижской границы. В середине марта 1923 г. глава внешнеполитического ведомства Великобритании специально указал польскому министру иностранных дел, что признание восточных границ Польши не означает обязательств по гарантии их неприкосновенности⁸⁰.

В 1924 г. в Великобритании произошла смена Кабинета, у власти оказались лейбористы во главе с Джеймсом Рамсеем Макдональдом. Ещё в начале 1920-х гг. в одном из памфлетов лейбориста Артура Гендерсона были обозначены принципы внешней политики его партии: «в международной политике нам придётся перестроить механизм дипломатии и, возможно, ограничить военные наклонности

⁷⁷ CAB 24/155 Original Reference Foreign Countries Reports 41–80, 1921 20 Apr. – 1922 18 Oct. – P. 138. // The National Archives (The NA) [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf. – Date of access : 16.04.2025.

⁷⁸ Cabinet. List of CP. Papers. Nos 4201–4300 Inclusive. – P. 92–93. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-139.pdf. – Date of access : 16.04.2025.

⁷⁹ Ibid. – P. 93–94.

⁸⁰ DBFP 1st Ser. /ed. by R. Butler [and others]. – London: His Majesty's stationary office, 1981. – Vol. 23. – P. 807–809.

некоторых наших чиновников за пределами Форин Офис. Нашей целью будет не просто предотвращение войны, но позитивная организация мира во всем мире. Мы не будем заключать никаких секретных соглашений. Мы будем выступать против попыток эксплуатации подвластных народов или неразвитых стран, придавая полную огласку фактам. Мы будем стремиться не к созданию какой-либо верховной власти или мирового государства, а к сотрудничеству государств на равных в преодолении таких зол, как голод и болезни, и в освоении всех ресурсов мира для использования его народами»⁸¹.

В реальности же, оказавшись у власти, лейбористы отказались от радикального разрыва с политикой предшественников-консерваторов, полагались во многом на аппарат Форин Офис и постоянного заместителя госсекретаря по иностранным делам, работающего вне зависимости от партийного состава Кабинета. Лишь некоторое своеобразие политики определялось влиянием идейных взглядов партии. Так Дж. Р. Макдональд основной задачей называл улучшение атмосферы в межгосударственных отношениях: он способствовал преодолению репарационного кризиса на основе «плана Дауэса». В сентябре 1924 г. на заседании Ассамблеи Лиги Наций премьер-министр Соединённого Королевства предложил создать систему международного арбитража, принять Германию в Лигу Наций и выдвинул инициативу созыва конференции по разоружению. В итоге этих инициатив был представлен «Протокол о мирном урегулировании международных споров» (или Женевский протокол – Е. Д.). В разработке его текста принял участие А. Гендерсон. Второе известное направление внешней политики лейбористов – заявление 1 февраля 1924 г. о юридическом признании СССР и подписание двумя странами общего и торгового договоров⁸².

Оба эти направления деятельности лейбористов вызывали опасения у польских политиков, что их стране не будет места в новых комбинациях, направленных на нормализацию отношений с Германией и СССР. С другой стороны, Польша могла воспользоваться своим географическим положением и претендовать на роль посредника в торгово-экономических отношениях. Шаг в этом направлении представляла из себя ратификация англо-польского торгового договора в 1924 г. Однако в Великобритании лишь немногие дипломаты

⁸¹ Henderson, A. The character and policy of the British Labour party / A. Henderson // The international journal of ethics – 1922. – January. – P. 123.

⁸² Кертман, Л. Джозеф Чемберлен и сыновья / Л. Кертман. – М.: Мысль, 1990. – С. 439; Капитонова, Н. К. Указ. соч. – С. 326–334.

и публицисты выступали за более тесные связи с Польшей, причём и они видели в этом государстве лишь «ведомого», что вызывало неприязнь в Польше⁸³. Общая оценка положения Польши, которую констатировали сотрудники британского ведомства внешней торговли, не способствовала активизации экономических связей. Подчёркивалось, что торговле с Польшей и Румынией, готовым закупать локомотивы и подвижной состав, нанесён большой ущерб политической ситуацией – «возможностью аннексии Бессарабии Россией» (в связи с существованием польско-румынского договора 1921 г. – Е. Д.)⁸⁴. В целом, англо-польского сближения при лейбористах в 1924 г. не произошло.

В условиях признания Великобританией правительства СССР де-юре в 1924 г. тема Рижской границы особо не поднималась в среде британских политиков. Хотя потенциально опасная ситуация там продолжала констатироваться. Например, лейборист Филип Ноэль Бейкер, занимавшийся плотно международными проблемами, в своей работе, посвящённой проекту Женевского протокола 1924 г., обращался к ситуации в Центрально-Восточной Европе. Конфликтные отношения Польши с соседями приводились им в качестве примеров, где решения могли быть достигнуты при реализации предложенного проекта. Автор выделял «Вильнюсский спор» между Польшей и Литвой, урегулирование спора о границе между Польшей и Германией в Верхней Силезии, проблему «существующих альянсов», так как при наличии франко-польского союза в случае обязательств Лондона по защите Франции он может быть втянут в конфликт даже в случае, его непосредственно не касающемся. Наряду с этими ситуациями отмечены и «наиболее тревожные отношения между Россией и пограничными государствами. Никто не может предсказать, как будет развиваться нынешнее правительство России, но каким бы ни было его развитие, оно в любой момент может перестать довольствоваться своими нынешними западными границами. Прибалтийские государства, восточная граница Польши, Бессарабия – всё это нынешние проблемы, которые должны беспокоить каждого, кто заботится о будущем мире»⁸⁵.

⁸³ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 39–80.

⁸⁴ Cabinet Papers (CP) № 301(24)–400(24). (14.5.24.–14.7.24.) – P. 417–419 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-167.pdf. – Date of access : 16.04.2025.

⁸⁵ Noel Baker, P. J. The Geneva Protocol / P. J. Noel Baker. – London : P. S. King & Son, ltd., 1925. – P. 74, 85, 139, 164, 186, 189.

Отдельные аспекты ситуации в приграничной польско-советской зоне привлекали особое внимание британских политиков, влияя на формирование их оценки роли польского государства в европейской политике. В частности, речь идёт о таком аспекте как положение украинского меньшинства.

После подписания Рижского мирного договора в британском ведомстве иностранных дел утвердилось мнение о возможности оставить населённые украинцами территории в составе Польши при условии предоставления автономии территории Восточной Галиции, где они компактно проживали. Британские дипломаты ссылались при этом на то, что советская сторона сама отказалась от этой территории, а реализация национально-государственных устремлений украинского населения «потребуется военных действий»⁸⁶. В военном ведомстве включение в состав Польши территорий, заселённых украинцами, при том, что часть таких же по этническому составу территорий осталась к востоку от польской границы, оценивалось как фактор, который мог в будущем спровоцировать советско-польский военный конфликт⁸⁷.

В итоге в преамбулу документа о признании восточных границ польского государства по настоянию Великобритании был введён пункт об обязательстве Польши обеспечить автономию Восточной Галиции⁸⁸. Однако его наличие не предотвратило тогда критику этого решения правительства со стороны оппозиционных депутатов-лейбористов и независимых либералов. В публицистических работах, подготовленных в их кругах, передача этого региона Польше характеризовалась как санкционирование там «ига» и «ужасов польского террора»⁸⁹.

Учитывая такую ситуацию, приход к власти лейбористского Кабинета в начале 1924 г., как писал британский дипломат Реджинальд Липер новому премьер-министру Дж. Р. Макдональду, вызывал в Варшаве уверенность, что Лондон начнёт проявлять «более критическое отношение к проблеме национальных меньшинств в Польше».

⁸⁶ DBFP 1st Ser. / ed. R. Butler. – London: His Majesty's stationary office, 1981. – Vol. 23. – P. 127–129, 138, 268–271.

⁸⁷ The military situation in Russia, Caucasia, Turkey and Greece. Memorandum by the secretary of state for war, 19th February, 1921. – P. 5. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7737111>. – Date of access : 15.04.2025.

⁸⁸ DBFP 1st Ser. / ed. R. Butler. – London: His Majesty's stationary office, 1981. – Vol. 23. – P. 775–777, 783–784.

⁸⁹ Wedgwood, J. C. The future of the Indo-British commonwealth / J. C. Wedgwood. – London: Theosophical Publishing House, 1921. – P. 4.

Давая свою оценку названной проблеме, он отмечал, что польское государство пыталось стать противовесом России, стремясь привлечь к себе славянские народы: «хорошее отношение к нацменьшинствам может привлечь белорусов и украинцев за границами Польши, и это поможет в деле соперничества с Россией»⁹⁰.

Весной 1924 г. в Польшу была направлена английская миссия, чтобы изучить положение в регионах, где проживало украинское население⁹¹. В мае 1924 г. её глава Р. Липер представил рапорт по результатам поездки в Восточную Галицию и Волынь. Польская администрация Волыни, по мнению дипломата, совершала ошибки при организации управления, допускала религиозные столкновения между католиками и православными, военную колонизацию и недостаточное внимание к образовательным нуждам украинцев⁹². В Восточной Галиции, по его же оценке, проблема враждебности к польскому правительству более неотложная, так как там национальное сознание более развито и нужно предпринимать более активные меры, чтобы удовлетворить требования украинцев. При этом Р. Липер отметил, что местные украинцы отвергали любые меры, называя их неадекватными, и продолжали «забрасывать» союзников и Лигу Наций петициями «в напрасной надежде таким образом совершить чудо»⁹³.

В ответ на полученную информацию в конце июня 1924 г. Дж. Р. Макдональд, занимавший пост главы Форин Офис, посчитал необходимым изложить британскому послу в Варшаве Уильяму Макс Мюллеру концепцию политики британского лейбористского правительства в отношении украинской проблемы в Польше. Он указал, что Великобритания получает многочисленные петиции с изложением бедствий украинского народа, стремящегося, чтобы Лондон вмешался и заставил польское правительство не только пойти на маленькие уступки, но и принять шаги для предоставления им полной автономии. Однако, «не вина британского правительства», что надежды украинцев на автономию не сбылись; упоминание автономии в преамбуле решения послов от 15 марта 1923 г. являлось декларацией и не предполагало

⁹⁰ DBFP. 1st Ser. /ed. W. N. Medlicott. – London: His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – P. 732.

⁹¹ Zurowski, M. The British Foreign office and Poland's Eastern minorities, 1918–1941 / M. Zurowski // The Ukrainian Quarterly. – 1990. – № 3. – S. 270.

⁹² DBFP. 1st Ser. / ed. W. N. Medlicott. – London: His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – P. 785.

⁹³ Ibid. – P. 786.

дипломатического давления на Польшу⁹⁴. Дж. Р. Макдональд подчёркивал, что действительная цель Великобритании – помочь польскому правительству избежать беспорядка, при этом нацменьшинства не должны считать, что лишены возможности добиться справедливости. Британский премьер-министр рекомендовал послу «неофициальными беседами и советами подталкивать польское правительство к созданию эффективной системы управления», необходимой для развития сельского хозяйства в регионе. Показательна и его оценка политики Польши в отношении проблемы украинского национального меньшинства: «к сожалению, кажется сомнительным, что поляки решат эту проблему мудро. Они не только пока малоопытны в искусстве управления, но и находятся под большим влиянием крайнего национализма»⁹⁵.

Примечательно, что после возвращения к власти в Великобритании консервативного Кабинета в ноябре 1924 г. проблема украинского меньшинства в Польше вновь стала поводом для критических высказываний в адрес правительства со стороны оппозиционных депутатов-лейбористов⁹⁶.

Привлекала внимание политиков-лейбористов и проблема положения немецкого меньшинства. Так в июне 1924 г. в ходе работы сессии Совета Лиги Наций при обсуждении вопроса о защите национальных меньшинств британские члены соответствующей комиссии приняли активное участие в решении вопроса о выплате компенсаций немцам, чьё имущество было экспроприировано в Польше, при этом учитывалась позиция немецкой стороны. Также они пристально следили за обсуждением вопроса о правах немецких граждан, проживавших в Польше⁹⁷.

Таким образом, в начале 1920-х гг. Польша, оформлявшаяся территориально, рассматривалась в Лондоне в качестве одного из цепи буферных государств между Германией и Россией. Её границы оценивались как регион повышенной опасности, а восточная граница, зафиксированная в тексте Рижского мирного договора 1921 г., виделась как ненадёжная, не стоящая гаратний со стороны Соединённого

⁹⁴ Ibid. – P. 793.

⁹⁵ Ibid. – P. 794–795.

⁹⁶ Poland (treatment of Ukrainians). 13 May, 1925 // House of Commons Debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/may/13/poland-treatment-of-ukranians>. – Date of access : 13.04.2025.

⁹⁷ CP № 401(24)–500(24)... – P. 45–46.

Королевства. Факт её международного признания в марте 1923 г. был воспринят многими британскими политиками с неодобрением. Это было связано с проблемой национальных меньшинств – народов, компактно проживавших по обе стороны от линии границы – которые могли создать *casus belli* в отношениях Польши с соседями. Такая ситуация не способствовала качественному выполнению Польшей роли буфера и налаживанию экономической жизни в Центрально-Восточной Европе, в чём был заинтересован Лондон.

1.2 Обсуждение Женевского протокола (конец 1924 – начало 1925 года)

Опасавшиеся реванша со стороны Германии страны остро ставили вопрос о гарантиях безопасности послевоенных границ. Одним из основных инициаторов гарантийного соглашения выступала Франция. Не получив гарантий безопасности своих границ от Великобритании и США по факту Парижской мирной конференции, она пыталась укрепить свои позиции путём заключения двусторонних союзов с другими соседями Германии (с Бельгией в 1920 г., с Польшей в 1921 г., чуть позже – с Чехословакией в январе 1924 г. – Е. Д.). Проблема безопасности в Европе также регулярно обсуждалась в Лиге Наций.

Один из наиболее известных проектов гарантийного пакта – принятый на сессии Ассамблеи Лиги Наций 2 октября 1924 г. «Протокол о мирном урегулировании международных споров» или Женевский протокол⁹⁸. Как известно, если Франция сразу же его подписала и ратифицировала, то Великобритания этот вопрос отложила. Текст протокола подвергся детальному обсуждению в Лондоне, в итоге в марте 1925 г. госсекретарь по иностранным делам Джозеф Остин Чемберлен заявил, что его страна отказывается от подписания этого документа.

В ходе дискуссий в британском Кабинете по поводу Женевского протокола неоднократно высказывались оценки текущей международной ситуации, а также места в ней отдельных стран, в том числе и Польши.

9 ноября 1924 г., через пять дней после формирования консервативного правительства во главе со Стэнли Болдуином, глава внешнеполитического ведомства Джозеф Остин Чемберлен обратился к Кабинету с меморандумом по проблеме безопасности. Он указал на

⁹⁸ Protocol for the Pacific Settlement of International disputes / League of Nations // Library of Congress [Electronic resource]. – Mode of access : <https://dl.wdl.org/11582/service/11582.pdf>. – Date of access : 17.04.2025.

необходимость в срочном порядке рассмотреть Женевский протокол, чтобы не вызвать ухудшения франко-английских отношений⁹⁹. Эта задача была возложена на Комитет имперской обороны.

«Протокол о мирном урегулировании международных споров» был рассмотрен 4 декабря. Члены Комитета высказывались однозначно против подписания Протокола, параллельно давая в своих выступлениях оценки текущих событий. Так по словам лорда Керзона «Протокол до сих пор был подписан только одной великой европейской державой – Францией. Он был подписан девятью другими государствами, ни одно из которых не занимает первого места по важности. Наиболее важными, вероятно, являются Чехословакия и Сербско-Хорватско-Словенское государство»¹⁰⁰. То есть Польша, также сразу подписавшая протокол, не рассматривалась им как государство, занимающее даже одно из второстепенных по важности мест в международных отношениях в Европе.

В свою очередь канцлер Казначейства Уинстон Черчилль, высказываясь против подписания протокола, указал, что лучше организовать систему безопасности поэтапно, с помощью региональных соглашений «по защите особо опасных точек», а также путём создания определённых участков демилитаризованных зон. Наряду с зоной между Францией и Германией, неприкосновенность которой будет гарантирована подписавшими державами, в качестве второго этапа он предложил применить ту же схему к «польской стороне» (границ с Германией – Е. Д.) и создать там демилитаризованную зону. При этом он специально подчёркивал, что все державы, подписавшие одно соглашение, не обязательно должны подписывать другое¹⁰¹. То есть польские западные границы рассматривались в качестве одной из опасных зон в Европе, ответственности за ситуацию в которой Великобритания избегала.

Текст Женевского протокола подвергся дальнейшему обсуждению в Комитете имперской обороны 16 декабря 1924 г. На этом заседании

⁹⁹ CP № 401(24)–500(24). – P. 613 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-168.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

¹⁰⁰ CP № 101(25)–200(25). – P. 40 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-172.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

¹⁰¹ Ibid. – P. 43.

глава внешнеполитического ведомства анализировал позиции европейских стран по отношению к Женевскому протоколу. Он отмечал, что его подписание соответствовало интересам Франции, которая заключила договора с «восточно-центральными странами» и хочет разделить свои обязательства по защите целостности Польши, Чехословакии и в целом по защите «восточной границы Европы» с другими крупными державами¹⁰². Поддерживая критику протокола, среди иных обоснований своей позиции он апеллировал к национальным интересам в том виде, как они, по его мнению, понимались британским обществом. «Я думаю, что наши люди понимают, что канал (пролив Ла-Манш – Е. Д.) представляет для Великобритании интерес. Я думаю, что до войны они поняли, что оборона Ла-Манша проходила не на нашем побережье, а на морях, и я надеюсь, что война показала им, что она была даже не на морях, а на восточной границе Франции и стран, граничащих с Ла-Маншем. Но я думаю, что мне будет трудно убедить их, что это было на восточной границе Европы»¹⁰³. То есть, Польша входила в цепь государств к востоку от Германии, составлявших своеобразную «восточную границу Европы», которая выходила за пределы непосредственных интересов национальной безопасности Великобритании.

На том же заседании для обстоятельного анализа протокола и выдвижения предложений о характере ответа на него со стороны Великобритании была создана комиссия под председательством Мориса Хэнки. К 23 января комиссия составила детальный доклад по итогам своей работы. Фактически отвергая Пакт в такой редакции, как он был сформулирован в Женеве, комиссия предлагала возможность регионального соглашения, охватывающего Францию и Бельгию, и направленного на обеспечение безопасности на территориях, прилегающих к Северному морю и Ла-Маншу. При этом отмечалось, что Франция рассматривала систему безопасности шире, включая в неё и регион восточных границ Германии. Для неё имели значение сохранение и целостность Польши и Чехословакии в противовес потенциальной агрессии Германии, которая могла осуществиться с участием или без участия России. Великобритания же неуклонно отказывалась брать на себя обязательство рассматривать такие события как *casus foederis*, тем более как *casus belli*. Такая опасность характеризовалась как вопрос, касающийся Лиги Наций в целом, а не Великобритании отдельно. Включение Германии в пакт о взаимных гарантиях целостности

¹⁰² Ibid. – P. 82.

¹⁰³ Ibid. – P. 49.

стран-подписантов рассматривалось как опасный шаг, так как Великобритания могла оказаться вовлечена в возможные войны из-за споров между Германией и Польшей, Литвой или Чехословакией, и из-за возможного нападения России на Германию. Потому предлагалась форма декларации, включавшая лишь положения об обороне территорий тех государств, в границах которых находились «порты и воды в непосредственной близости от Англии»¹⁰⁴.

При обсуждении доклада комиссии М. Хенки 13 февраля члены Комитета имперской обороны не обошли вниманием в своих комментариях ситуацию на польском геополитическом пространстве. Так У. Черчилль, выступая против протокола в его текущей форме, продолжал отстаивать идею локальных соглашений. В частности, он говорил, что предпочтительнее тройственное соглашение, где Великобритания могла бы выступить партнёром или гарантом. «Если бы вы могли, например, заставить Францию и Германию заключить реальный мир, в результате которого Германия, несомненно, получила бы не только немедленную эвакуацию удерживаемых территорий, но и существенное исправление своих восточных границ, если бы вы могли этого добиться, то я думаю, что сила Англии вполне могла бы быть использована, чтобы сделать это соглашение прочным»¹⁰⁵. Позже на заседании Кабинета он развил свою мысль. В качестве основной угрозы безопасности в Европе он выделял франко-германский конфликт. Издание деклараций общего характера он считал неэффективным. Более прагматично объединение Англии и Франции. Однако без включения в этот союз России или США, союзники с большой долей вероятности потерпят поражение от Германии. Говоря о Польше, он считал, что агрессия Германии против неё более вероятна, чем немецкое вторжение на французскую или бельгийскую землю, и Франция могла бы истолковать его как принуждение к войне. В такой ситуации У. Черчилль выступал категорически против любых обязательств по отношению к Франции. Единственная приемлемая формула: «Когда Франция заключит настоящий мир с Германией, Британия скрепит эти узы всеми своими силами»¹⁰⁶. То есть Польша оценивалась как вероятный объект немецкой агрессии, что с учётом наличия франко-польского договора 1921 г. являлось фактором, сдерживающим заключение англо-французского соглашения в какой-либо форме.

¹⁰⁴ Ibid. – P. 35–37.

¹⁰⁵ Ibid. – P. 60.

¹⁰⁶ Ibid. – P. 205–206.

Схожую оценку высказывал Дж. О. Чемберлен, отмечая, что обещать одинаковые гарантии всем регионам – провальная практика. Ни одно британское правительство не взяло бы на себя одинаковые обязательства на случай конфликта в польском коридоре и в вопросах иного типа, где «наши интересы жизненно важны», например, в Нидерландах, «где, с документом или без документа, мы должны бороться». При этом на востоке Европы страны могут заключать собственные гарантийные соглашения. В такой ситуации обязательства Великобритании на востоке Европы будут ограничены обязательствами рядового члена Лиги Наций. «Тогда британское правительство могло бы в любой момент сказать французскому правительству: “Послушайте, если вы собираетесь попасть в беду из-за Польши, если вы позволите им втянуть вас в неприятности там, наша западная гарантия, помните, не применима к этой ситуации.” Я не говорю, что британскому правительству, если бы французская граница или бельгийская граница оказались в таких обстоятельствах под серьезной угрозой, возможно, не пришлось бы сражаться, чтобы защитить их, но я бы никогда не сказал французам заранее, что буду сражаться в таких обстоятельствах»¹⁰⁷.

Одновременно обсуждение международной ситуации происходило в парламенте. Обращают на себя внимание оценки положения Польши, которые давал бывший премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж. Он вспоминал Рижский мир 1921 г., характеризовал его как «взрывоопасное соглашение», а территории, включённые в состав польского государства благодаря его заключению – Восточную Галицию, Беларусь, – сравнивал с Эльзасом и Лотарингией. Бывший британский премьер-министр выступал резко против ратификации Женевского протокола. Одной из наиболее вероятных зон конфликта, в который в таком случае окажется втянута Великобритания, он считал регион Рижской границы: «Предположим, что Россия восстанавливается – а революционные страны, когда они восстанавливаются, склонны быть очень крайними националистами... и Россия требует назад свои потерянные территории. Она говорит: “Я хочу Беларусь”. Затем вопрос передается на рассмотрение Совета Лиги, и они назначают Третейский суд. Первое, что происходит, – это то, что Рижский договор, который был признан нами, очень некстати, в марте 1923 года <...> накладывает на нас обязательства. Польша говорит: “Это граница. Если вы хотите обсудить вопрос толкования Рижского договора, мы вполне готовы передать его на арбитраж”. Россия

¹⁰⁷ Ibid. – P. 60.

скажет: “Нет вопроса о толковании. По Рижскому договору эти территории, несомненно, закреплены за вами. Но мы хотим проверить, правильно ли, что миллионы русских должны находиться под властью Польши” Что же происходит? Мы обязаны, если подпишем Протокол, использовать наши силы для ведения войны. Это действительно то, чего мы хотим?»¹⁰⁸.

Оценки ситуации в Европе в контексте вопросов безопасности были представлены и в разного рода меморандумах, подготовленных дипломатами и сотрудниками правительственного аппарата Великобритании. В них также уделено внимание месту Польши в европейской политике.

В частности, в меморандуме дипломата Гарольда Никольсона от 20 февраля 1925 г. отмечено, что Польша занимает шаткое положение по отношению не только к Германии, но и к России, что представляет собой «элемент не безопасности, а дополнительных опасений». С одной стороны, говоря о ситуации с польским коридором и Верхней Силезией, он считал, Германия не будет постоянно мириться с тем, что её «отлучили от провинции, которая была колыбелью Прусского государства, или лишили тех минеральных ресурсов, на которых в значительной степени основывалось национальное процветание». С другой стороны, вскоре «Россия может снова занять решающую роль в балансе континентальных сил; но сегодня она висит, как грозная туча, на восточном горизонте Европы – надвигающаяся, невесомая, но в настоящее время отстраненная»¹⁰⁹. Такая ситуация подталкивала дипломата к ряду выводов. Во-первых, о том, что непредсказуемая ситуация в СССР требует создания системы безопасности без него. Во-вторых, что после восстановления Германия захочет изменить германо-польскую границу и, если Великобритания будет нейтральна, а Франция изолирована, попытаться напасть и на неё¹¹⁰.

Своё видение системы безопасности по запросу Комитета имперской обороны представил также известный сторонник Лиги Наций Роберт Сесил. Он считал необходимым ограничиться имеющимся Уставом этой организации. Выделив три основных пункта британских интересов, затронутых Женевским протоколом – безопасность островов и Империи, восстановление международного кредита и доверия

¹⁰⁸ British policy. 24 March, 1925. // House of Commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com/commons/1925/mar/24/british-policy#s5cv0182p0_19250324_hoc_423. – Date of access : 20.04.2025.

¹⁰⁹ CP № 101(25)–200(25)... P. 137–138.

¹¹⁰ Ibid. – P. 140.

к торговле, экономия при организации управления, – Р. Сесил ставил их в зависимость от европейской безопасности. В рамках неё во главу угла британской политики помещена безопасность Франции, Бельгии и Голландии, поскольку с их территориями легче всего можно было бы начать нападения на британские острова с воздуха и моря. При этом он напоминал, что безопасность этих стран могла быть поставлена под угрозу другими способами, кроме вторжения на их территорию. Например, новый раздел Польши Германией и Россией мог значительно увеличить опасность для Франции. Однако это не рассматривалось, как повод для гарантии неприкосновенности границ в Центрально-Восточной Европе: «наша власть ограничена, наш народ традиционно с недоверием относится к проблемам за рубежом. Кроме того, существуют трудности, вызванные мнениями и интересами наших доминионов. Поэтому мы не можем сделать многого, если вообще что-либо, для обеспечения безопасности Центральной и Восточной Европы»¹¹¹. То есть, постверсальская Польша, расположенная между Германией и СССР, рассматривалась как фактор дестабилизации положения в Европе, который в случае реализации реваншистских идей её соседей мог опосредованно угрожать безопасности Великобритании, однако не в такой степени, чтобы последняя брала на себя обязательства по отношению к ней, выходящие за рамки Лиги Наций.

В итоге, 2 марта 1925 г. британский Кабинет, рассмотрев меморандум Комитета имперской обороны и ряд приложенных к нему записок и комментариев, решил, что Женевский протокол не может быть принят, вместо него должен быть предложен другой проект. В частности, следует изучить военные аспекты четверного соглашения между Францией, Великобританией, Германией и Бельгией. Была предложена и общая формула такого соглашения, предполагавшая гарантию границ на западе Европы¹¹².

Выступив на очередной Ассамблее Лиги в Женеве в марте 1925 г. с заявлением о том, что Великобритания не подпишет Женевский протокол, Дж. О. Чемберлен провёл там ряд бесед с представителями государств, чьи интересы были непосредственно затронуты таким решением – Э. Эррио, Э. Бенешем, П. Имансем, а также с министром иностранных дел Польши Александром Скшиньским. В беседе

¹¹¹ Ibid. – P. 181.

¹¹² Conclusions of the meetings of the Cabinet. Nov. 12th 1924 to Apr. 8th 1925 – P. 309–311 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-49.pdf. – Date of access : 29.04.2025.

с последним глава британского внешнеполитического ведомства, доводя позицию своей страны, лаконично обобщил оценку международного положения Польши в начале 1925 г.: «Польша находится между двумя великими нациями в опасном положении, которое её трагическая история должна была сделать слишком очевидным. Конечно, в интересах Польши было бы по возможности договориться хотя бы с одной из этих великих держав. Не думал ли он (А. Скшиньски – Е. Д.), что с Германским рейхом будет легче поддерживать хорошие и даже дружественные отношения, чем с Советским Союзом?»¹¹³.

При этом стоит отметить, что ни у одного из собеседников не было иллюзий, что можно бесконечно поддерживать существующее положение в Восточной Европе. Как заметил будущий французский премьер-министр (с ноября 1925 г. – Е. Д.) Аристид Бриан, «г-н Скшиньски покинет Женеву мудрее, чем приехал, и, если Германия только присоединится к Лиге и доверится времени и статье 19 Устава, сам Совет после ряда таких заседаний, как мы провели вчера, придет к убеждению, что необходимо внести некоторые изменения»¹¹⁴. Упомянутая 19 статья Устава Лиги Наций гласила, что «Ассамблея может время от времени приглашать Членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир»¹¹⁵. Это означало наличие формального способа внести изменения в итоги германо-польского версальского разграничения в пользу Германии в будущем.

Таким образом, британскими правительственными кругами на рубеже 1924 – 1925 гг. постверсальская Польша в силу нестабильных отношений с соседями оценивалась как раздражитель спокойствия в Центрально-Восточной Европе. При том что ситуация в этом регионе не угрожала непосредственно безопасности Великобритании, она могла спровоцировать угрозу для Франции, что могло повлечь неизбежность втягивания Великобритании в конфликт на континенте.

1.3 Канун Локарнской конференции 1925 года

Осенью 1924 г. накануне первой встречи польского посла в Лондоне с новым главой Форин Офис Дж. О. Чемберленом министр

¹¹³ СР № 101(25)–200(25)... Р. 429–431.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Устав Лиги Наций. 10 января 1920 года // Документы XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://doc20vek.ru/node/451>. – Дата доступа : 29.04.2025.

иностранных дел Польши А. Скшиньски подготовил для посольства ряд рекомендаций. Их содержание позволяет выделить те аспекты международных отношений в Европе, в которых, по его мнению, соприкасались и польские, и британские интересы. Во-первых, в связи с наличием франко-польского союза 1921 г. Польша воспринималась в Соединённом Королевстве как французский сателлит. А. Скшиньски предлагал послу подчёркивать, что польское государство ведёт самостоятельную политику, а не «французскую». Во-вторых, польский министр отметил стремление Великобритании к нормализации торговых отношений в Европе, которое она связывала с восстановлением довоенного положения Германии, то есть пересмотром Версальского договора. Польский министр иностранных дел писал, что Польша без борьбы не уступит полученные территории, пересмотр мирных договоров нанесёт удар по безопасности в Европе. Вместо этого он предлагал реконструкцию с помощью западных стран экономики польского государства и активизацию англо-польского финансового и экономического сотрудничества. В-третьих, глава польского внешнеполитического ведомства подчёркивал, что Великобритания пренебрегала сотрудничеством с Польшей в сфере «русской проблемы», но никаких конкретных предложений не выдвигал¹¹⁶.

Анализ документов британского Кабинета и Форин Офис, появившихся за время от прихода к власти консерваторов в ноябре 1924 г. до начала Локарнской конференции в октябре 1925 г., показывает, что в выборе ключевых точек пересечения англо-польских интересов польский министр не ошибся. Оценки места и роли Польши в европейской политике, высказанные в это время британскими дипломатами и политиками, были напрямую или опосредованно связаны с указанными аспектами.

Дж. О. Чемберленом во время уже упоминавшейся встречи в Женеве в марте 1925 г. с А. Скшиньским помимо уже отмеченного выше указал, что Польше не следует злоупотреблять своими союзническими отношениями с Францией и давить на союзницу, чтобы она отказалась от предложенного проекта соглашения, гарантирующего неприкосновенность только французских западных границ¹¹⁷.

Содержание мартовских заявлений главы Форин Офис можно объяснить, во-первых, его позицией по вопросу о политике в отношении России. В беседе с министром иностранных дел Латвии летом 1925 г. он отмечал, что любое совместное действие против Советской

¹¹⁶ Depesze Poselstwa Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie / opr. Rojek W. [i inn.]. – Kraków : PAU, 2019. – Т. 2. – S. 274–275.

¹¹⁷ CP № 101(25)–200(25)... – P. 283–284.

России считает ошибкой. Внешнее давление объединит все внутренние силы. По его мнению, лучшая политика в отношении России – «оставить её одну и вынудить понять, что она в нас нуждается больше, чем мы в ней»¹¹⁸.

Во-вторых, беседы с французскими политиками показали Дж. О. Чемберлену, что позиция Франции по отношению к союзной Польше отличалась некоторой двойственностью. По словам президента Франции Г. Думерга, Польша была избрана союзницей потому, что не реализовалась идея англо-американского гарантийного пакта, то есть Франция была вынуждена пойти на этот союз¹¹⁹. При этом французский премьер Э. Эррио всё же говорил о сохранившейся необходимости действовать в дружественной манере по отношению к Польше, не покупать собственную безопасность ценой безопасности союзника¹²⁰. Когда же началось обсуждение конкретного содержания предстоящего пакта, французское посольство в секретном меморандуме сообщило британскому министерству иностранных дел, что французский проект готовится без согласования с польским правительством, Польшу предполагалось ознакомить с ним позже¹²¹.

По мере согласования позиций о содержании гарантий между Великобританией и Францией более понятным становилось, в частности для главы Форин Офис, что есть пределы, до которых Великобритания была вынуждена учитывать в своей политике статус Польши как союзника Франции. В частности, в своём письме из Женевы в сентябре 1925 г. Дж. О. Чемберлен писал, что «Франция дала понять, что есть рубеж, после которого она при всей лояльности не станет подчинять свои интересы неразумным требованиям поляков»¹²². Это позволило и самому британскому дипломату несколько жёстче обозначить свою позицию и сказать А. Скиньюскому, что Великобритания не будет заявлять на предстоящей конференции в Локарно о том, что исключены мирные способы изменения польско-германской границы¹²³.

¹¹⁸ DBFP 1919–1939. 1st Ser. /ed. W. N. Medlicott. – London: His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – P. 915.

¹¹⁹ CP № 101(25)–200(25)... – P. 221–222.

¹²⁰ Ibid. – P. 357–358.

¹²¹ CP № 201(25)–300(25). – P. 677. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp/> / <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-173.pdf>. – Date of access : 30.04.2025.

¹²² DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – P. 770.

¹²³ Ibid. – P. 773–775.

24 марта 1925 г. Дж. О. Чемберлен выступал в британском парламенте в связи с отказом британского правительства подписать Женевский протокол. Это дало повод парламентариям высказать собственные оценки международной ситуации в Европе. Прозвучавшие речи однозначно не позволяют дать положительный ответ на вопрос, с которым польский министр иностранных дел обратился к английскому посланнику ещё осенью 1924 г.: «стало ли отношение к Польше более дружелюбным в Англии, ушли ли заявления о польском милитаризме и шовинизме»¹²⁴. Например, польская тема была затронута в высказывании депутата-консерватора В. Казалета, заявившего, что в Европе «у нас есть самая большая проблема из всех, больной и неприятный вопрос о Польше и ее границах». При всей симпатии к Польше, он подчёркивал, что, во-первых, Германия никогда добровольно не согласится с ситуацией, которую она считает несправедливой; во-вторых, британский народ никогда не будет беспокоиться о «небольшой малоизвестной части Европы, о которой он ничего не знает, которая его мало волнует, и в отношении принадлежности которой можно отстаивать разные точки зрения»; в-третьих, «в той же мере, в какой сохранение удовлетворённой (в плане полученных территорий – Е. Д.) Польши имеет большое значение для мира в Европе, так и существование обиженной Германии является постоянным камнем преткновения для достижения этой цели». В итоге, В. Казалет допустил в будущем изменение германо-польской границы при условии финансовой компенсации Польше¹²⁵.

Более информированные британские дипломаты, сотрудники Форин Офис давали оценки отдельных аспектов международного положения Польши. Особенно много внимания уделялось проблемам польско-немецких отношений. Например, осенью 1924 г. Р. Липер представил меморандум о положении в польской Верхней Силезии, где указал, что ситуация там ухудшалась, «в экономике это связано с падением цен на польский уголь, стремлением Германии использовать лишь свои угольные ресурсы. В политике – с местным польским шовинизмом». Главную причину он видел в «сочетании национальных и классовых чувств: польские рабочие не любят немецких нанимателей». Р. Липер признавал, что Германия чувствовала свою сильную

¹²⁴ DBFP 1919–1939. 1st Ser. /ed. W. N. Medlicott. – London: His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – P. 813.

¹²⁵ British policy. 24 March, 1925 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/24/british-policy>. – Date of access : 20.04.2025.

позицию, уверенность в собственном быстром экономическом восстановлении. В связи с этим, по его мнению, политика Польши должна быть настолько сдержанной и разумной по отношению к Германии, насколько возможно¹²⁶. Посол в Варшаве У. Макс Мюллер писал, что основным камнем преткновения стало создание польского коридора: «ни один немец не смирится с разделением Пруссии на две части, и если мирным путём не удастся преодолеть эту несправедливость, то рано или поздно может вспыхнуть война»¹²⁷. В свете этих оценок британский посол в Берлине Эдгар Д'Абернон предложил рассмотреть вариант отказа Польшей от прав на коридор за компенсацию в виде передачи ей во владение порта Мемель (сегодня Клайпеда – Е. Д.) или другого «коридора» в балтийском регионе, либо путём включения в Польшу Литвы в качестве автономной провинции¹²⁸.

Вынесение на повестку дня вопроса о гарантии германо-польской границы в ходе обсуждения проектов гарантийного пакта по признанию Дж. О. Чемберлена вызвало в Великобритании рост критики, которой время от времени подвергались те пункты Версальского договора, где оговаривались территориальные вопросы. Этот факт, как и появление разных проектов территориального переустройства, например, указанных выше, подтолкнул правительство Великобритании поручить экспертам Форин Офис проанализировать обстоятельства установления текущей линии германо-польской границы¹²⁹. В результате него был подготовлен меморандум Джеймса Хэдлэм-Морли, советника Форин Офис по вопросам истории, описывающий дискуссии на Парижской мирной конференции по вопросу польского коридора. Автор меморандума охарактеризовал принятое на конференции решение как «меньшее из зол», а также отметил, что и на момент 1925 г. реальных альтернатив этому решению нет. Приветствуемый в Германии вариант – предоставление Польше альтернативного выхода к морю в Мемеле – находился вне «практической политики» в связи с крайне враждебными отношениями между Литвой и Польшей. Предложение о «нейтрализации» Восточной Пруссии он также не рассматривал как рабочее. Во-первых, потому, что оно не решало экономических проблем Германии, вызванных разделением; во-вторых, сохраняло проблему ущемления

¹²⁶ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. W. N. Medlicott. – London: His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – P. 808–809.

¹²⁷ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – P.330.

¹²⁸ Ibid. – P. 330.

¹²⁹ Ibid. – P. 610.

национальных чувств немцев, активизировало их борьбу за воссоединение. В целом, Дж. Хэдлам-Морли ратовал за сохранение существовавшего соглашения, причём учитывал и внутривнутриполитические интересы консервативного Кабинета: «изменения принесут новые проблемы, а мысль, что правительство Великобритании выступает за перемены, если она получит подтверждение, очевидно уменьшит уверенность в нашей политике и увеличит чувство общей нестабильности»¹³⁰.

Не иначе как досадную сложность в реализации своей европейской политики время от времени оценивал позицию Польши и Дж. О. Чемберлен. При встрече с польским послом Константином Скирмунтом он заявил, что «чем меньше мы будем слышать о польской границе в настоящее время, тем лучше с точки зрения перспектив мира и дружественных договорённостей»¹³¹. Глава Форин Офис предпочитал придерживаться тактики давления на польских политиков. В частности, он заявил К. Скирмунту 31 марта 1925 г., что хорошим началом для Польши будет «проявить больше терпения и доброй воли в таком хлопотном вопросе как Данцигский, избегать действий, которые будут раздражать или оскорблять Германию».¹³² Это при том, что из сообщений британского посланника в Варшаве было очевидно, что существовал высокий уровень недоверия к Германии со стороны Польши и её политического руководства¹³³, что делало следование подобным советам априори проблематичным.

Понимание непримиримости позиции поляков вызывало у дипломатов Форин Офис очевидное раздражение, которое нашло отражение во внутриведомственной переписке весной 1925 г. В письме У. Макс Мюллеру британский дипломат Майлз Лэмпсон писал, что «поляки не могут получить всё сразу. У поляков нет повода жаловаться, наоборот, мы получили от Германии отказ от намерения использовать силу для изменения восточной границы. Остаётся наблюдать как (если вообще как-то) это формальное заверение Германии можно лучше воплотить в общем урегулировании, к которому, мы надеемся, немецкие предложения приведут»¹³⁴.

¹³⁰ Ibid. – P. 611–614.

¹³¹ DBFP 1919–1939. 1st Ser. /ed. W. N. Medlicott. – London: His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – P. 880–881.

¹³² DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – P. 448.

¹³³ Ibid. – P. 460.

¹³⁴ Ibid. – P. 505.

Активизация балтийского вектора польской политики в середине 1920-х гг., например, проведение конференции в январе 1925 г. в Гельсингфорсе (сегодня Хельсинки – Е. Д.), подтолкнула британских дипломатов к анализу ситуации в балтийском регионе. В частности, в феврале 1925 г. Р. Липер подготовил меморандум по проблеме безопасности в Восточной Европе. Он обозначил, что безопасность Польши тесно связана с безопасностью трёх балтийских стран. В качестве главных сил в Восточной Европе дипломат определил Россию, которая «оторвана от западной цивилизации» и «будет враждебна развитию Европы по линии Лиги Наций», и Германию, которая является европейской державой, но на текущий момент чувствует себя оторванной и склонна к «заигрываниям с большевиками» в надежде на получение поддержки для противодействия реализации Версальского договора. По мнению Р. Липера, Польша и балтийские страны представляют собой «кольцо государств», которые «отделяют Россию от Германии, находятся в условиях постоянного беспокойства, что заставляет их искать защиты либо у Лиги Наций в целом, либо у Великобритании в частности»¹³⁵. Эти страны «обязаны своей важностью геополитическому положению и с политической точки зрения обеспечивают завидный пункт наблюдения за ситуацией в Восточной Европе»¹³⁶. Анализируя положение непосредственно Польши, Р. Липер писал, что это «самое сильное, разумное и стабильное из граничных государств. Любая политика в Восточной Европе должна основываться на нём»¹³⁷. На вопрос о том, какую поддержку может дать Польше Великобритания, автор меморандума также дал ответ. Он исходил из уверенности в том, что на текущий момент на «восточноевропейском фронте сложилось военное равновесие, которое устраняет возможность войны», потому Великобритании следует «перенести акцент нашей политики в Восточной Европе с России на пограничные государства. До сих пор политика правительства Великобритании концентрировалась на достижении взаимопонимания с Москвой. Опыт показал невозможность такой политики <...> европеизация России должна достигаться опосредованно через пограничные государства, а не прямо через Москву»¹³⁸. Р. Липер выступал за активизацию экономических связей с «пограничными государствами». При этом он указывал

¹³⁵ DBFP 1919–1939. 1st Ser. /ed. W. N. Medlicott. – London: His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – P. 851–852.

¹³⁶ Ibid. – P. 852–853.

¹³⁷ Ibid. – P. 854–855.

¹³⁸ Ibid. – P. 855–856.

на опасность открытой поддержки этих государств, поскольку она может вызвать беспокойство СССР и Германии, «где её интерпретируют как политику окружения». Такая ситуация спровоцирует советско-германское сближение¹³⁹. Британский дипломат предложил использовать Польшу в качестве рынка и базы для последующего проникновения на рынок СССР «с помощью польского, латышского и эстонского персонала, знающего Россию»¹⁴⁰.

Однако не все сотрудники дипломатического ведомства рассматривали эти рекомендации как действенные. В частности, британский дипломат Оуэн О'Мэлли в комментарии к этому меморандуму отметил, что абстрактные предложения Р. Липера сложно воплотить, так как политическая нестабильность в регионе удерживала британских промышленников и финансистов от активной деятельности там¹⁴¹.

Проявил свою позицию по содержанию меморандума и Дж. О. Чемберлен, выразив благодарность автору и «настоятельно порекомендовав Департаменту торговли предпринять усилия по развитию коммерческих отношений»¹⁴². То есть доклад не остался незамеченным и очевидно оказал влияние на политику Великобритании в регионе в середине 1920-х гг. В свете его содержания понятно, почему потенциальная возможность сближения между Польшей и Советской Россией, которая по мнению У. Макс Мюллера наметилась в связи с приездом Георгия Чичерина в Варшаву в конце сентября 1925 г. в условиях усилившегося в этих странах накануне Локарнской конференции страха оказаться в изоляции, вызывала у британского посланника в Варшаве опасения, о которых он сообщал главе Форин Офиса¹⁴³. Излишнее сближение Польши с Советской Россией не способствовало бы выполнению ею обозначенной Р. Липером роли в Восточной Европе.

В рамках оценки ситуации в балтийском регионе объектом особого внимания британских дипломатов были враждебные отношения между Польшей и Литвой, обусловленные претензиями обеих стран на территорию вокруг города Вильно (сегодня Вильнюс – Е. Д.), которую в конце 1922 г. фактически заняла Польша. Общую оценку им дал Р. Липер, назвав их «слабым звеном в цепи государств, которые отделяли Россию от Германии»¹⁴⁴. Дж. О. Чемберлен занял однозначную

¹³⁹ Ibid. – P. 856.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Ibid. – P. 858.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Ibid. – P. 933–934.

¹⁴⁴ Ibid. – P. 858–860.

позицию в отношении польско-литовского конфликта. В январе 1925 г. он писал британскому представителю в балтийских странах, что «устоявшаяся политика Великобритании – не вмешиваться в урегулирование сложностей в Центральной Европе больше, чем это необходимо для защиты британских интересов»¹⁴⁵.

Однако Польша продолжала привлекать внимание Великобритании к проблеме польско-литовских отношений. Летом 1925 г., когда обсуждался вопрос о передаче Литве суверенитета над Мемелем, Польша обратилась к Конференции послов с просьбой отложить эту передачу до урегулирования ряда спорных вопросов. Это обращение было негативно воспринято в Великобритании, так как решение этого вопроса было связано с её непосредственными экономическими интересами. Дж. О. Чемберлен писал британскому послу в Париже, что он против откладывания передачи Литве суверенитета над Мемелем и напоминал об «особых интересах Великобритании», связанных с британской фирмой по закупке древесины, которым противоречит невыполнение предусмотренных конвенцией обязательств по транзиту¹⁴⁶. Тогда же в беседе с министром иностранных дел Латвии он говорил, что интерес Великобритании в балтийских странах был, прежде всего, интересом торговой нации, которому соответствовало урегулирование отношений между Польшей и Литвой¹⁴⁷.

Исходя из содержания приведённых высказываний и политических шагов, предпринятых Великобританией для реализации её проекта создания системы безопасности в Европе в канун Локарно, можно говорить, что доминирующее влияние на оценку места и роли Польши в европейской политике со стороны британских правительственных кругов в это время оказывали текущие экономические интересы Великобритании, представления о задачах по обеспечению национальной безопасности и традиция выстраивать европейскую политику исключительно с учётом отношений с «великими державами». Наиболее очевидное отражение последняя нашла в беседе Дж. О. Чемберлена с министром иностранных дел Латвии летом 1925 г. В ходе неё, комментируя ситуацию в связи с готовящимся гарантийным пактом, британский политик заявил, что «подписание такого соглашения великими державами находится в интересах меньших народов», и отметил, что не считает, будто угроза миру в Европе проистекает из

¹⁴⁵ Ibid. – P. 827.

¹⁴⁶ Ibid. – P. 906–907.

¹⁴⁷ Ibid. – P. 915.

факта существования малых государств, но «они точно окажутся вовлечёнными в общеевропейскую войну и могут легко согнуться в такой катастрофе. Потому в их интересах усиление безопасности для предотвращения войны между крупными державами¹⁴⁸. В таких обстоятельствах британские политики допускали определённое пренебрежение интересами Польши, настолько, насколько это соответствовало британским интересам. Как справедливо отметил У. Макс Мюллер: «Сейчас поляки спрашивают себя, до какого предела их интересы могут быть проигнорированы союзными державами (так в британских документах 1920-х гг. традиционно называли государства, подписавшие Версальский мирный договор с Германией, прежде всего, Великобританию, Францию и Италию – Е. Д.) в их желании скорейшего урегулирования отношений с Германией»¹⁴⁹.

1.4 Позиция Дж. О. Чемберлена в середине 1920-х годов

Как уже упоминалось, с ноября 1924 г. с приходом к власти консервативного кабинета пост главы британского внешнеполитического ведомства занимал Джозеф Остин Чемберлен, получивший в дальнейшем Нобелевскую премию мира за свою роль в локарнских переговорах. Биографы Дж. О. Чемберлена едины в оценке его как профессионала, хорошо знакомого с проблемами внешней политики¹⁵⁰. Они выделяют две основных черты его дипломатии – «франкофильские наклонности» и стремление отойти от политики «отстранённости» от дел европейского континента¹⁵¹. В середине 1920-х гг. Дж. О. Чемберлен был активно вовлечён в обсуждение возможности подписания европейского гарантийного пакта, при этом принималась во внимание и польская проблема.

Склоняясь к отказу от подписания Женевского протокола в 1924 г. из-за очень широких обязательств, которые он предполагал, в том числе в географическом охвате, Дж. О. Чемберлен поддерживал вариант

¹⁴⁸ Ibid. – P. 914.

¹⁴⁹ Ibid. – P. 801.

¹⁵⁰ Petrie, Ch. A. The Life and Letters of the Right Hon. Sir Austen Chamberlain / Ch. A. Petrie : in 2 vol. – London : Cassell, Limited, 1939. – Vol. 1. – 432 p.; Кертман, Л. Е. Указ. соч.

¹⁵¹ Johnson, G. Austen Chamberlain and Britain's relationship with France, 1924–1929 / G. Johnson // Diplomacy and Statecraft. – 2006. – Vol. 17. – Issue 4. – P. 2.

подписания Великобританией пакта, действие которого ограничено отдельным регионом, с которым непосредственно связаны интересы её национальной безопасности. Как он написал в своём письме лорду Кру, направление прогресса – движение от частного к общему, «если мы должны снизить напряжение в Европе единственным путём, как мы это можем сделать, а именно, снизив страх Франции, нужны более конкретные гарантии»¹⁵². Изначально Дж. О. Чемберлен рассматривал вариант пакта по формуле «Англия+Франция» или «Англи+Франция+Бельгия», однако после появления в январе 1925 г. предложения со стороны Германии о подготовке пакта с её участием («меморандум Штреземана») под давлением Кабинета он принял этот вариант¹⁵³. При этом в качестве аргумента в пользу принятия Великобританией обозначенной выше схемы Дж. О. Чемберлен приводил заявленную Германией в лице её министра иностранных дел Густава Штреземана возможность подписания в будущем подобного гарантийного соглашения, касающегося «восточных стран» между «государствами там». По мнению британского политика, такая схема могла оказать сдерживающее воздействие на Францию в случае, если та «соберётся позволить втянуть себя в проблемы из-за Польши», поскольку наши «западные гарантии» не распространятся на такой случай¹⁵⁴. То есть, реализуя своё видение системы безопасности в Европе Дж. О. Чемберлен не мог не учитывать факт наличия союза между Францией и Польшей, который опосредованно вовлекал последнюю в орбиту его деятельности в этом направлении.

Главе британской дипломатии приходилось брать в расчёт наличие франко-польского союза прежде всего из-за позиции Франции, суть которой он после встреч с французским премьер-министром Эдуаром Эррио и президентом Гастоном Думергом в марте 1925 г. изложил в своём письме к лорду Кру: «Он (Э. Эррио – Е. Д.) снова остановился на обязательствах Франции перед Польшей. На этот раз он зашел так далеко, что сказал, что <...> Франция не смогла бы купить собственную безопасность за счет её союзника. Это очень похоже на то, что сказал мне президент Думерг в разговоре сегодня утром. Он сказал, что если бы англо-американский пакт осуществился, то, скорее всего, польского союза не было бы, но Франция не могла оставаться в изоляции. Ее вынудили заключить этот союз,

¹⁵² Petrie Ch. A. Op. cit. – P. 258–260.

¹⁵³ Johnson, G. Op. cit. – P. 8.

¹⁵⁴ CP № 101(25)–200(25)... – P. 111–112.

и она не могла нарушить свое слово»¹⁵⁵. То есть, для Франции союз с Польшей стал в определённой мере вынужденным выбором, но факт его накладывал на Францию обязательства, в том числе, по вопросу безопасности Польши. Активно поднимала этот вопрос и сама Польша, позицию которой доводил до Дж. О. Чемберлена К. Скирмунт, отмечавший в ходе их очередной встречи, что «наиболее желательным для нас является подписание Протокола (Женевского протокола – Е. Д.) Англией, а в случае возвращения к мысли об англо-франко-бельгийском гарантийном пакте проявятся трудности и опасность гарантийных пактов, не охватывающих Польшу»¹⁵⁶. Однако очевидно, что именно позиция Франции требовала искать особую формулу для планирующихся соглашений, позиция же Польши рассматривалась главой британского Форин Офис скорее как досадная помеха на пути к реализации его схемы создания системы коллективной безопасности в Европе.

Тем более, что Польша была втянута ещё в несколько конфликтов, требовавших постоянного отвлечения внимания главы британского внешнеполитического ведомства. В частности, сохранявшееся напряжение в польско-литовских отношениях из-за Виленщины превращало Польшу также в «неприятеля Литвы». Эта ситуация периодически, хоть и не в острой форме, ставила перед Дж. О. Чемберленом задачу поиска ответов на запросы со стороны участниц конфликта. Так в письме лорду Кру в Париж в ноябре 1924 г. он вынужден был давать следующие инструкции: «Правительство Его Величества не видит причины для пересмотра решения, принятого союзными державами в марте 1923 года, в соответствии с которым были окончательно определены восточные границы Польши, потому на просьбу Литвы следует отказать, ссылаясь на то, что решения Конференции послов не могут быть пересмотрены»¹⁵⁷.

Ещё более остро стояла проблема отношений Польши с Вольным городом Данциг, образованным в соответствии с условиями Версальского мирного договора. Права Польши на этой территории были предметом постоянных конфликтных ситуаций, в частности в начале 1925 г. разгорелся конфликт, связанный с правами на организацию почтового сообщения. Попытки К. Скирмунта вовлечь в его решение на польской стороне Дж. О. Чемберлена и вынести этот вопрос на повестку дня Лиги Наций вызывали очевидное недовольство

¹⁵⁵ Ibid. – P. 346–347.

¹⁵⁶ Depesze Poselstwa ... – S. 298–299.

¹⁵⁷ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. W. N. Medlicott. – London: His Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – P. 820.

британского политика. Тот в ходе очередной встречи выразил сожаление, что Польша не может решить этот вопрос непосредственно с властями Вольного города, и заявил польскому посланнику: «Мы вынуждены работать вместе с вами, чтобы границы ваши, установленные договорами, не подвергались нападению и были приняты общественным мнением»¹⁵⁸.

В ряду конфликтных ситуаций, связанных с Польшей и отвлекавших внимание главы Форин Офис, были не только международные конфликты, но и внутренние. В частности, вопрос о нарушении прав украинского населения, становившийся поводом для критических высказываний членов британского парламента в сторону правительства и запросов о его планах по вмешательству, непосредственно или через механизм Лиги Наций, на которые приходилось отвечать Дж. О. Чемберлену¹⁵⁹.

Определённым рубежом с точки зрения проявления приоритетов в реализации курса на создание системы безопасности в Европе стала для Дж. О. Чемберлена мартовская Ассамблея Лиги наций в Женеве в 1925 г., где он озвучил заявление о том, что Великобритания не подпишет общий протокол о мирном урегулировании международных споров, но склонна к подписанию пакта, ограниченного регионом западных границ Германии. Там же прошли встречи с представителями Франции и Польши. В ходе них британский политик, убедившись по его собственным словам, что «сам господин Бриан не питает иллюзий относительно невозможности постоянного сохранения нынешних договорённостей в Восточной Европе», стал использовать в отношении Польши более острую риторику¹⁶⁰.

После возвращения из Женевы Дж. О. Чемберлен описал в письме британскому послу в Берлине Д'Аберону свои основные взгляды на дальнейшее развитие ситуации по вопросу пакта, где довольно однозначно обозначил место и роль Польши. По мнению главы британского внешнеполитического ведомства, Германия откажется от желания изменить свои границы на Западе. Что же касается границ на востоке, Германия, став членом Лиги Наций, сохранит своё право использовать статью 19 устава этой организации. Это составляет основу для её сотрудничества с Великобританией, а такое сотрудничество существенно

¹⁵⁸ Depesze Poselstwa... – S. 318.

¹⁵⁹ Poland (treatment of Ukrainians). 13 May, 1925 // House of Commons Debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/may/13/poland-treatment-of-ukranians>. – Date of access : 13.04.2025.

¹⁶⁰ CP № 101(25)–200(25)... – P. 429–431.

для достижения успеха. Великобритания не должна брать новых обязательств по вопросу границ, кроме германо-французской и германо-бельгийской; такая гарантия должна избавить Францию от страхов, которые мешают улучшению франко-германских отношений. Обеспечив дополнительные меры безопасности на западе, Великобритания реально уменьшает опасность войны на востоке Европы. Несомненно, восточно-европейские государства, особенно Польша, с которой Франция связана союзом, очень подозрительно относятся к тому, что гарантии на западе ослабят существующие гарантии на востоке. Решить эту проблему можно следующим образом: первое, через вступление Германии в Лигу с полным принятием ею обязательств по статье 16, которая предполагала обязанность членом Лиги расторгнуть все торговые или финансовые отношения с государством-членом Лиги, прибегнувшим к войне, от чего зависит использование прав, предоставляемых статьёй 19; во-вторых, через отказ от использования методов иных, кроме мирных для решения сложностей, которые есть в нынешнем «территориальном положении». Если Германия примет это положение, она сможет заключить арбитражные договоры и с восточными соседями. Если Германия вступит в Лигу и будет выполнять свои обязательства должным образом, через «разумное количество лет» она окажется в положении, когда её экономическая и торговая поддержка, «политическая дружба» будет так нужна и желаема для Варшавы, что и без использования механизма Лиги, она сможет путём двусторонних дружественных соглашений урегулировать вопросы с ней¹⁶¹.

Одновременно стала более выраженной позиция Дж. О. Чемберлена и по другим проблемам, связанным с Польшей. В письме к английскому послу в Варшаве У. Макс Мюллеру он отмечал, что «отношение Польши к Данцигскому вопросу произвело в Женеве неприятное впечатление, Польше не следует постоянно обращаться в Совет по мелким детальным вопросам, следует избегать ненужных обострений в отношениях с вольным городом»¹⁶². В последующей переписке британский дипломат инструктировал посланника в Варшаве доводить до сведения польского правительства, что «ответственность Польши будет слишком тяжёлой, если нынешнее предложение по укреплению мира не реализуется из-за её преувеличенных страхов и неспособности понять, где её преимущества»¹⁶³.

¹⁶¹ Petrie, Ch. A. Op. cit. – P. 267–268.

¹⁶² DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. W. N. Medlicott. – London: Her Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – P. 880–881.

¹⁶³ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – P 447–448.

Во второй половине 1925 г. Дж. О. Чемберлен продолжил реализовывать обозначенную тактику, основанную на устоявшихся оценках роли и места Польши в его проекте системы безопасности в Европе. Сам он писал в своём письме английским представителям в Берлине и Варшаве летом 1925 г., что поднятие вопроса о территориальных переменах навредит делу мира, «реанимирует чувство опасности, которое мы пытаемся усыпить»¹⁶⁴. Потому глава Форин Офис включился прежде всего в поиски компромисса с Францией по форме и содержанию соглашений, которые должны были быть подписаны в Локарно. Отношение же к запросам Польши определялось тем фактом, что она воспринималась даже во Франции, выражаясь словами, произнесёнными А. Брианом во время одного из частных ужинов, как «ревматизм Европы»¹⁶⁵. Потому на запрос А. Скшиньского Дж. О. Чемберлен однозначно ответил, что «не может и стоять вопрос о том, чтобы он или посол в Берлине от имени английского правительства заявил, что «английское правительство на текущих переговорах даже не предполагает возможность изменения польской границы, установленной версальским договором, в соответствии с просьбой Скшиньского, так как граф Скшиньский очевидно хочет, чтобы даже мирные способы изменения границы были исключены. На это Великобритания, естественно, не может согласиться. Право Германии на это закреплено 19 статьёй устава Лиги, хоть глупость такого действия с её стороны столь очевидна, что он приложил все усилия, чтобы отговорить её от попыток поднять вопрос о восточных границах либо сейчас, либо в течении значительного времени после её вступления в Лигу»¹⁶⁶.

Однако нельзя говорить, что Дж. О. Чемберлен полностью исключал Польшу из активных акторов-участников создания системы безопасности. В своей беседе с министром иностранных дел Чехословакии Эдуардом Бенешем глава Форин Офис говорил, что «политика умиротворения, которую он пытался проводить посредством западного пакта не сможет быть полной без какого-либо параллельного или одновременного договора на востоке». Он предусматривал следующую схему: первая встреча произойдёт между западными державами и Италией, если она захочет, и при первой встрече нужно взяться за легчайшую часть проблемы, где успеха можно достичь быстрее. В ближайшее время должно быть предложено немцам, чтобы польские и чехословацкие представители были приглашены и восточные вопросы одновременно

¹⁶⁴ Ibid. – P. 610–614.

¹⁶⁵ Ibid. – P. 770.

¹⁶⁶ Там же.

рассматривались. Переговоры по восточным границам должны начаться между государствами, непосредственно заинтересованными, в круг которых могла быть включена Франция. Сам Дж. О. Чемберлен не возражал против посещения переговоров представителем Великобритании, если это может быть полезно для достижения соглашения¹⁶⁷.

Другое дело, что Польше следовало понимать своё место в этой системе. Его можно определить словами из меморандума Дж. О. Чемберлена, подготовленного в сентябре 1925 г.: «Соперничество великих держав может сделать возможной или спровоцировать войну. Меньшие державы сохраняют мир, если великие державы добьются согласия между собой, и если они достигнут согласия, то смогут принудить к миру малые нации, которые попытаются его нарушить»¹⁶⁸.

Уже приехав в Локарно, но ещё до начала основной работы конференции Дж. О. Чемберлен прислал в Форин Офис меморандум, где подвёл итоги всей подготовительной работы и представил общее изложение своей позиции. Он писал о том, что хоть Западный пакт и усилит перспективны мирного развития Европы, в полной мере обеспечить его без соответствующих договорённостей на востоке нельзя. Неправильно, что Великобритания должна брать какие-то обязательства заранее в отношении войны, которая может начаться в Восточной Европе, но она не может быть безразлична к возможности такого конфликта, так как он может вынудить британское правительство, хоть и свободное от обязательств, принять участие. Положение с восточными границами Германии очевидно гораздо более сложное. Здесь можно рассчитывать лишь на позицию А. Бриана, который обязан уважать обязательства Франции по отношению к Польше и Чехословакии, но по заверению французского министра иностранных дел, Франция готова к компромиссу и не будет «ссорится из-за слов». Чехословацкий министр Э. Бенеш дал понять, что он горячо поддерживает пакт. «Дело Польши более сложное, невозможно переоценить ненависть и презрение по отношению к полякам со стороны Германии и наоборот; время от времени есть знаки, что Германия пытается увильнуть от заверений, которые она формально дала французскому правительству в Париже и нам через лорда Д'Абернона, что хоть они не могут отказаться от желания изменить восточные границы, у них нет ни силы, ни желания искать решения этой проблемы силой...Поэтому в отношении Польши я ожидаю самые большие сложности»¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Ibid. – P. 772.

¹⁶⁸ Ibid. – P. 769–770.

¹⁶⁹ Ibid. – P. 810–813.

Последним штрихом, дополняющим оценку Дж. О. Чемберленом места и роли Польши в контексте проблемы безопасности в Европе, является его позиция по польско-советским отношениям в это время. Как уже отмечалось выше, глава британского внешнеполитического ведомства сдержанно реагировал на заходы К. Скимунта в направлении сотрудничества в «российской проблеме». Британский дипломат указывал, что «частью британской политики не является обострение отношений Польши с её соседями с обеих сторон»¹⁷⁰.

Как видно из всего вышеобозначенного, глава британского внешнеполитического ведомства Дж. О. Чемберлен оценивал роль и место Польши в контексте проблемы безопасности в Европе в середине 1920-х годов, исходя из реализации своей модели системы безопасности – заключение региональных гарантийных пактов, ограниченных участием лишь тех государств, чьи интересы были связаны с соответствующим регионом непосредственно. Польша, прежде всего в силу обострённых отношений с Германией и наличия союзнических отношений с Францией, выступала фактором, осложнявшим воплощение этой модели. Однако степень воздействия этого фактора не была критической для успеха политики Дж. О. Чемберлена, так как политическое руководство Франции и Германии заняли на тот момент компромиссную позицию, что имело для него доминирующее значение по сравнению с позицией Польши.

1.5 Подписание локарнских соглашений

5 октября 1925 г. начала свою работу международная конференция в швейцарском городе Локарно. Она должна была оформить результаты переговоров о гарантийном пакте, которые велись в течение этого года. В ходе них выявились ключевые противоречия, которые пришлось преодолевать непосредственно на конференции.

Ещё 3 марта 1925 г. газета «The Manchester Guardian» к заметке «Немецкие предложения пакта» добавила подзаголовок «Французская свобода ограничена союзами». В её тексте содержался тезис о том, что Франция связана союзами так тесно, что не может в настоящий момент принять решение, которое поставит Польшу или Чехословакию в положение менее благоприятное, чем её сама в вопросе немецких гарантий. «Различный подход к восточным и западным границам Германии будет неприемлем для Франции»¹⁷¹. Подробное разъяснение

¹⁷⁰ Ibid. – P. 819–820.

¹⁷¹ The Manchester Guardian. – 1925. – March, the 3d. – P. 9.

сути проблемы было представлено на страницах этой газеты уже 23 числа того же месяца в статье под названием «Польская дилемма Франции». Содержание «дилеммы» раскрыто следующим образом: когда Германия станет членом Лиги она неизбежно поднимет вопрос польского коридора и Верхней Силезии. Великобритания проявит симпатию к требованиям Германии, что вполне осознают во Франции. Поэтому вполне очевидно, что рано или поздно польская граница с Германией будет подвергнута ревизии. В соответствии с 3 статьёй франко-польского договора от 1921 г. Франция взяла обязательство гарантировать существующие польские границы, хоть британское правительство не предлагает, чтобы Франция отказалась от обязательств по отношению к Польше, «но можно утверждать, что безопасность, которая была основной целью франко-польского договора 1921 г., может быть достигнута так же, и лучше, посредством пакта, который объединит Германию, Францию и Великобританию <...> В настоящий момент владение Польшей немецкими территориями является постоянной угрозой для Польши»¹⁷².

Публикация материалов такого содержания, несомненно, вызывала беспокойство польских дипломатов и политиков. Оно подогревалось оценкой, данной проекту гарантийного пакта со стороны польского Генерального штаба: пакт поспособствует изоляции Польши, созданию в международной сфере благоприятного настроения для изменения мирным путём польско-германской границы или даже подготовке Германией в будущем войны с Польшей, возможно, совместно с СССР¹⁷³. В связи с этим польские дипломаты активизировали пропагандистские беседы с политиками Великобритании, доказывая безрезультатность западного гарантийного пакта без одновременного арбитражного договора на востоке Европы и возможность допуска Германии в Лигу Наций исключительно без привилегий и оговорок. Они утверждали, что Германия стремится примирить гарантийный пакт с содержанием германо-советского договора в Рапалло и уступки ей в вопросе восточных границ равносильны поддержке её стремления к сближению с СССР. Последний же немецкая политика рассматривала как инструмент противостояния западным державам, в частности, в регионе Азии¹⁷⁴.

¹⁷² The Manchester Guardian. – 1925. – March, the 23d. – P. 9.

¹⁷³ Офицеров, Д. В. Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши / Д. В. Офицеров // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2003. – №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokarnskaya-asimetriya-evropeyskoj-bezopasnosti-i-polozhenie-polshi>. – Дата доступа: 20.04.2025.

¹⁷⁴ Depesze Poselstwa... – S. 448–449.

Одновременно Польша начала демонстрировать преодоление напряжённости в отношениях с СССР и инициировала встречу польского и советского министров иностранных дел в конце сентября 1925 г.¹⁷⁵ Она была представлена в Великобритании как инициатива советской стороны, как акт, которым Польша, поддерживая разрядку с Москвой, «оказывает большую услугу гарантийным пактам, создаёт условие, чтобы заставить Германию заключить соглашение»¹⁷⁶. Это должно было позиционировать Польшу, как силу, способствовавшую «отрыву» Советской России от Германии, тем самым подталкивавшую последнюю к сближению с западноевропейскими странами. Эта «заслуга» Польши могла быть оценена учётом её позиции по готовящемуся гарантийному пакту.

Таким образом, рассматривая проект заключения пакта, гарантирующего западную границу Германии, как увеличение угрозы ревизии её восточной границы, то есть германо-польской, польская дипломатия в канун Локарнской конференции предпринимала в отношении Великобритании ряд шагов, направленных на поиск поддержки идеи обеспечения безопасности западной границы Польши.

Какова же была реакция Великобритании? В самом начале обсуждения проекта гарантийного пакта Дж. О. Чемберлен в заявлениях для прессы ещё указывал, что пакт с участием семи государств, включая Польшу и Чехословакию «не снят с повестки дня»¹⁷⁷. Однако к началу конференции в своём меморандуме с общим изложением британской позиции, отправленном в Форин Офис, глава британского внешнеполитического ведомства писал, что в вопросе о восточных границах Германии он рассчитывает на разумную позицию А. Бриана, Великобритания же не будет брать на себя новых обязательств в отношении восточных границ, хоть и не позволит «себе и другим думать, что нам безразлично, что там происходит». Он подчеркнул, что детали его политики на конференции будут определяться позицией представителей Германии¹⁷⁸.

Свою позицию, которую можно обозначить, как делегирование обязанностей по решению польской дилеммы французским политикам, Дж. О. Чемберлен проявлял неоднократно. Так в беседе с итальянскими делегатами в Локарно в ответ на их опасения, что достижение

¹⁷⁵ Мезга, Н. Н. Советско-польские ... – С. 190–197.

¹⁷⁶ *Depesze Poselstwa...* – S. 495.

¹⁷⁷ *Daily mail*. – 1925. – March, the 7th. – P. 9.

¹⁷⁸ *DBFP 1919–1939. 1st Ser.* / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – P. 812–813.

договорённости по вопросу о восточных границах Германии будет очень сложным, он высказал уверенность, что «Бриану удастся найти средства примирить обязательства Франции по отношению к Польше и Чехословакии с законными чувствами немецкого народа»¹⁷⁹. В ходе беседы в Локарно с министром иностранных дел Польши А. Скшиньским Дж. О. Чемберлен прямо заявил, что хоть он и «глубоко заинтересован в успехе восточных переговоров, он не считал, что обязан быть пионером в них». Он постоянно рекомендовал Польше обсуждать решения с Францией и Германией¹⁸⁰.

В унисон этой мысли государственного секретаря звучало и содержание сообщений британских газет в связи с началом конференции. В частности, 6 октября 1925 г. «The Manchester Guardian» разместила статью о начале конференции в Локарно, характеризующуюся большим энтузиазмом по поводу её ожидаемых результатов. Автор статьи указывал, что, по мнению экспертов, Франция настолько заинтересована в сохранении своего положения в Европе, что окажет необходимое влияние на своих восточных союзников, чтобы вынудить их не отказываться от «теоретически приемлемых» предложений Германии¹⁸¹. Подобный тезис нашёл отражение и в статье, появившейся 7 октября, «Польша и Западный пакт. Суть проблемы безопасности на Локарнской конференции». Польша обозначена как «стержневая проблема» в Локарно, так как её позиция мешает заключению Западного пакта. Во-первых, если она станет жертвой нападения, то в соответствии с п. 16 устава Лиги Наций Германия должна будет пропустить французские войска по своей территории на помощь Польше, что удерживает Германию от вступления в Лигу, препятствует вступлению в силу Рейнского пакта. Во-вторых, Франция обязана не допускать вступления в силу Западного пакта без одновременного заключения арбитражных договоров между Германией и её восточными соседями. Не ожидается, что Германия даст Польше гарантии на тех же основаниях, что и Франции, и Бельгии, потому важный вопрос, насколько далеко пойдёт Франция в своей поддержке польских требований, даже если она чувствует, что её собственная долгожданная безопасность «утекает сквозь пальцы»¹⁸². То есть, признавая, что Польша является потенциальной жертвой агрессии, автор статьи одновременно упрекал её и союзную ей Францию в создании проблем на пути к подписанию

¹⁷⁹ Ibid. – P. 820.

¹⁸⁰ Ibid. – P. 850–851.

¹⁸¹ The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 6th. – P. 9.

¹⁸² The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 7th. – P. 9.

Рейнского гарантийного пакта. Дж. О. Чемберлен в публичных выступлениях ограничивался заявлениями о том, что без сотрудничества с Польшей «проводимая работа не может быть адекватно завершена»¹⁸³. Кроме того, он согласился на упоминавшуюся ранее встречу с А. Скшиньским, сообщив при этом в Форин Офис, что «рад возможности показать этой встречей <...> что Великобритания не безразлична к урегулированию ситуации в Восточной Европе»¹⁸⁴, правда, как отмечалось, в ходе самой встречи он ограничился очередной рекомендацией обсуждать решение проблем с Францией.

Во многом дистанцирование от «польской дилеммы» в ходе конференции было лишь внешним. Об этом свидетельствует появление 7 октября секретного меморандума, подготовленного сотрудником Форин Офис М. Лэмпсоном по запросу Дж. О. Чемберлена. В нём были проанализированы возможные схемы урегулирования разногласий между Германией и Польшей по вопросу о гарантиях поледней. Было предложено три возможных варианта решения. Во-первых, возможно подписание арбитражного соглашения (Германия-Польша) без каких-либо новых гарантий со стороны Франции ввиду уже существующего союзного договора. Во-вторых, возможна фиксация того, что в случае передачи польско-германского спора на рассмотрение Совета Лиги Наций, силы Франции будут в распоряжении Совета и будут действовать по его мандату. При таком варианте, по мнению автора, «единственная сторона, у которой может возникнуть справедливое недовольство, это Польша, которая может заявить, что Франция свела на нет обязательства, которые у неё были в соответствии с ранее подписанным договором с Польшей. Но что касается этого, на Бриана без сомнения можно полагаться, в том, что он справится с любыми польскими возражениями»¹⁸⁵. В-третьих, предложено подписание помимо арбитражного соглашения между Германией и Польшей ещё одного соглашения, содержащего не только обязательство решать все споры мирно, но и обязательство не прибегать к войне. Автор меморандума при этом подчеркнул, что с точки зрения внутренней британской политики, чем меньше британцы будут представлены в роли авторов «восточных соглашений», тем лучше, тем больше это будет соответствовать публичным заявлениям¹⁸⁶. В духе этих рекомендаций и действовал Дж. О. Чемберлен в Локарно.

¹⁸³ The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 6th. – P. 9.

¹⁸⁴ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – P. 850–851.

¹⁸⁵ Ibid. – P. 829–830.

¹⁸⁶ Ibid. – P. 829–831.

Можно констатировать, что пропагандистские беседы, к которым прибегли польские дипломаты в канун Локарно, не принесли им желаемой активной поддержки Великобритании в деле лоббирования проекта одинаковых гарантий для западных и восточных границ Германии.

Вторая карта, на которую сделали ставку польские дипломаты – отношения с СССР, – не могла остаться незамеченной в Великобритании. Уже с середины сентября английские дипломаты начали интересоваться у советских коллег целью и планируемым результатом готовящегося визита Г. Чичерина в Варшаву¹⁸⁷. Свои наблюдения за развитием польско-советских отношений в свете предстоящей конференции в Локарно регулярно сообщал Дж. О. Чемберлену английский посланник в Варшаве У. Макс Мюллер. Он высказывал опасения, что страх Польши перед агрессией Германии, а также перед изоляцией в связи с подписанием Рейнского гарантийного пакта вёл к росту приверженцев сближения с СССР вместо Германии¹⁸⁸. Комментируя приезд Г. Чичерина, У. Макс Мюллер признавал, что в Польше очень им довольны, в польской прессе появились «нежелательные голоса, что он подействует как удар для самоуверенности Германии и докажет Англии, что Польша не изолирована»¹⁸⁹. Одновременно с этим У. Макс Мюллер сообщал, что к нему заходил посол Германии, чтобы обсудить визит Г. Чичерина (вспомним, что Г. Чичерин ехал через Варшаву именно в Берлин – Е.Д.) и сообщил, что возможно вскоре подписание советско-германского торгового договора¹⁹⁰.

Комментировался визит Г. Чичерина и в британской прессе. 30 сентября «The Manchester guardian» опубликовала статью о предстоящей конференции в Локарно с подзаголовком «Движения с востока», содержащую утверждение, что «восточные (восточноевропейские – Е. Д.) государственные деятели уже оспорили западную гипотезу о том, что прежде всего Локарнская конференция будет сосредоточена исключительно на Рейнском пакте». В качестве одного из доводов указано на действия российской дипломатии, которая предложила заключение договоров Польше не только чтобы стабилизировать польско-советскую

¹⁸⁷ Документы внешней политики СССР [сборник] / Министерство иностранных дел СССР. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 8 : 1 января – 31 декабря 1925 г. / И. К. Кобляков [и др.]. – С. 532.

¹⁸⁸ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1984. – Vol. 25. – P. 933–934.

¹⁸⁹ Ibid. – P. 939.

¹⁹⁰ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – P. 805–806.

границу, но и защитить польскую границу с Германией, причём это предложение должно склонить Польшу к ориентации на восток больше чем на запад. Отмечается, что подтверждённая визитом Г. Чичерина в Варшаву, а не в Ригу, на пути в Берлин дружба между Польшей и СССР развивается уже некоторое время и обещает быть продуктивной и долгосрочной, несмотря на факт, что между странами есть много споров, особенно территориальных¹⁹¹.

Уже в ходе самой конференции появлялись статьи, в которых указывалось, что Польша в своём выступлении против франко-германского соглашения, не учитывающего её интересы, использует отношения с Советской Россией для шантажа: «Есть даже слух, что она привлечёт Россию к текущим переговорам в качестве гаранта её границ с Германией вместо Франции»¹⁹². Эти слухи и визиты Г. Чичерина в Варшаву и Берлин привлекли внимание А. Бриана, который в беседе с Дж. О. Чемберленом высказал озабоченность сообщениями о якобы попытках советского наркома создать русско-германо-польскую комбинацию, включить туда также Италию, Турцию и Китай. В ходе той же беседы он сообщил, что до встречи с Г. Чичериным А. Скшиньский обращался к нему за консультацией и А. Бриан рекомендовал поддерживать по возможности хорошие отношения с СССР, что могло улучшить и перспективы переговоров с Германией. Примечательно, что сам Дж. О. Чемберлен никак не прокомментировал отмеченную озабоченность французского коллеги, больше высказываясь по вопросу Турции и Мосула, но заметил, что одобряет совет, данный им А. Скшиньскому¹⁹³.

Инициировал обсуждение с Дж. О. Чемберленом британской политики в отношении СССР и немецкий министр иностранных дел Густав Штресеман, о чём британский дипломат сообщал в Форин Офис. В ходе этой беседы глава британской дипломатии охарактеризовал место Польши следующим образом: чем меньше опасность конфликта между СССР и Польшей, тем легче работа Локарнской конференции, так как меньше будет практическое значение обсуждения возможности прохода французских войск по территории Германии на помощь Польше¹⁹⁴.

Сам глава внешнеполитического ведомства Великобритании также не оставил в Локарно без внимания польско-советские отношения.

¹⁹¹ The Manchester Guardian. – 1925. – September, the 30th. – P. 16.

¹⁹² The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 8th. – P. 9.

¹⁹³ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – P. 819–820.

¹⁹⁴ Ibid. – P. 833.

В ходе уже упомянутой встречи с А. Скшиньским 9 октября он, отметив, что приветствует разрядку в отношениях Польши с её соседями, проявил интерес к содержанию визита Г. Чичерина в Варшаву. Узнав от А. Скшиньского, что советской стороной был предложен только пакт о ненападении, Дж. О. Чемберлен всё же не воздержался от язвительного комментария, что позиция Г. Чичерина, учитывая его поездки в Варшаву и Берлин, напоминает попытку усидеть на двух стульях, которая обернулась падением между ними. Поездка Г. Чичерина увеличила, по словам Дж. О. Чемберлена, недоверие к нему со стороны и Германии, и Польши. Он даже пошутил, что в случае удачного развития событий он отправит благодарственное письмо советскому наркомму¹⁹⁵. Эти слова британского дипломата показывают, что желательный для Великобритании в период Локарно характер польско-советских отношений – разрядка без чрезмерного сближения: открытый конфликт между Польшей и СССР был нежелателен, так как мог привести в действие механизм международных договоров, затронуть Великобританию, в то время как сохранение недоверия и умеренной напряжённости между этими странами вынуждало Польшу постоянно искать поддержку, в том числе и у Великобритании, ставило её в определённую зависимость.

По итогам конференции Польша парафировала арбитражный договор с Германией и гарантийный договор с Францией, который предусматривал взаимопомощь в случае неспровоцированной агрессии в рамках устава Лиги Наций¹⁹⁶. Оценивая результаты конференции, А. Скшиньский телеграфировал в Варшаву: «Мы уезжаем отсюда с польско-французским союзом, усиленным доброжелательностью Англии <...> Наша внешняя политика, осуществленная в Локарно, юридически и морально обеспечивая мир, открывает возможности кредитования»¹⁹⁷. Однако из посланий У. Макс Мюллера Дж. О. Чемберлен знал, что локарнские соглашения плохо восприняты в Польше,¹⁹⁸ а до их подписания было ещё полтора месяца. Поэтому уже в день окончания конференции Дж. О. Чемберлен написал английскому посланнику в Варшаве, что тому следует настойчиво озвучить польским властям позицию Великобритании: Польша должна стремиться создать атмосферу доверия между собой и Германией, а также

¹⁹⁵ Ibid. – P. 852.

¹⁹⁶ Локарнская конференция 1925 г. Документы. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Госполитиздат, 1959. – С. 497–498.

¹⁹⁷ Depesze Poselstwa ... – S. 507–508.

¹⁹⁸ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 125.

между собой и СССР. По его словам, Великобритания осознаёт, что территориальное урегулирование между Польшей и Германией может содержать потенциальные причины недовольства, но их можно устранить, сохраняя приверженность мирным переговорным методам. Дж. О. Чемберлен подчёркивал, что Польше не стоит пренебрегать благоприятными возможностями для налаживания отношений и с западным, и с восточными соседями¹⁹⁹.

Опасаясь срыва подписания локарнских соглашений, намеченного на 1 декабря в ходе встречи в Лондоне, из-за недовольства их условиями в Польше, Дж. О. Чемберлен на протяжении осени 1925 г. публично выражал поддержку политике А. Скшиньского. Так 27 октября 1925 г. «The Manchester Guardian» разместила статью с заголовком «Дух Локарно. Прекрасный пример Польши». В ней автор сообщал, что Дж. О. Чемберлен не скрывает удовлетворения тем фактом, открывшимся ему в Локарно, что так называемой «польской сложности» не существует, что граф Скшиньски был в первых рядах реализации «духа Локарно»²⁰⁰. Выступая в Парламенте 18 ноября с речью по итогам конференции в Локарно, глава Форин Офис отметил, что в отношении Польши в ходе конференции была допущена определённая несправедливость: «всякий раз, когда считалось, что в наших действиях есть заминка, представители прессы, которых мы не могли ежечасно информировать обо всем, что происходило между нами, хоть возможно не всегда напрасно, предполагали, что Польша должна быть препятствием на нашем пути. Это было не так. Самой большой проблемой было вступление Германии в Лигу»²⁰¹.

Как видим, можно говорить о перенесении акцента при выделении препятствий на пути к реализации проекта Локарно, публичных реверансах в сторону А. Скшиньского и Польши в целом, учитывая, что с ноября 1925 г. он возглавил польское правительство.

¹⁹⁹ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1984. – Vol. 25. – P. 944–945.

²⁰⁰ The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 27th. – P. 10.

²⁰¹ Mr. Chamberlain's motion. Treaty of mutual guarantee. 18 November, 1925 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/nov/18/treaty-of-mutual-guarantee>. – Date of access : 20.04.2025.

2 «ПОЛУВЕЛИКАЯ» РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА (1926 – МАЙ 1929 ГОДА)

2.1 Принятие Германии в Лигу Наций

У политиков Великобритании и Польши были разные ожидания от участия в Лиге Наций. Как справедливо отметил профессор С. В. Демидов, после подписания Локарнских соглашений в 1925 г. основой локарнской политики Дж. О. Чемберлена стала именно Лига, на авторитете и механизме функционирования которой были основаны локарнские гарантии. В Великобритании считали, что Лига Наций будет полезна главным образом тем, что создаст условия важнейшим деятелям разных стран для встреч и обмена мнениями, также Лигу рассматривали как орудие примирения²⁰².

В Польше же понимали, что вступление Германии в Лигу Наций означало активное включение её во все механизмы этой организации. Польские политики не могли не видеть в этом угрозу западным границам своего государства, зафиксированным в тексте Версальского мирного договора. Она была связана с противоречиями между текстом договора и Уставом Лиги Наций. Еще во время Парижской мирной конференции их отмечал французский дипломат Морис Палеолог: «устав предусматривает пересмотр договора. Версальский договор не допускает никакого пересмотра»²⁰³. Поэтому после Локарнской конференции и накануне вступления Германии в Лигу среди польских политиков усилились опасения близкой ревизии польско-германской границы. В британском Форин Офис на рубеже 1925–1926 гг. стали появляться меморандумы с проектами пересмотра территориально-политического урегулирования в регионе польского коридора. Они не получили официального одобрения руководства внешнеполитического ведомства, но самим фактом своего появления указывали, что вариант ревизии границ не исключался²⁰⁴. Авторы этих документов – сотрудники внешнеполитического ведомства – давали свои оценки польскому государству, его месту в системе европейской политики. Например, в декабре 1924 г. появился меморандум, в котором анализировалась возможность передачи части территории польского коридора Германии.

²⁰² Демидов, С. В. Внешняя политика ... – С. 98–136.

²⁰³ Табуи, Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы / Ж. Табуи. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 45.

²⁰⁴ Nowak-Kiełbikowa, M. Op. cit. – S. 130–132.

Высказывалось мнение, что Польша на это не согласится, в подтверждение чего использовались такие аргументы, как «экзальтированность» поляков, отсутствие у них экономической ориентации, что превращало для них обладание территориями в «дело чести без учета экономических факторов». При этом допускалось, что при надлежащем обращении поляки могли со временем согласиться передать в пользу вольного города Данцига некоторые прибрежные территории, населенные кашубами, тогда сохранялся бы и доступ Польши к морю через Данциг, и немцы могли бы свободно перемещаться по территории Германии, не пересекая польской границы²⁰⁵.

Помимо вышеозначенных обстоятельств, как справедливо отметил историк Мариуш Волос, польско-французское соглашение о гарантиях, которое было парафировано в Локарно, ставило, в отличие от франко-польского договора 1921 г., решение об оказании военной помощи союзнику в зависимость от решения Лиги Наций, что придавало особую важность вопросу о получении статуса члена Совета Лиги в глазах Польши. Тем более, что Германии планировалось предоставить статус постоянного члена Совета²⁰⁶.

До 1926 г. в Польше был богатый опыт взаимодействия с Лигой Наций. Выделялись такие проблемы, как польско-данцигские отношения, государственная принадлежность части Силезии, польско-чехословацкий спор о Яважине, отношения с Литвой. При этом у многих польских политиков, в том числе у Ю. Пилсудского, отношение к Лиге было сдержанным, даже критическим, но для них важен был факт гарантии Лигой западных границ Польши. Лига же решила указанные спорные вопросы исходя в большей мере из политических факторов, чем юридических норм²⁰⁷. Понятно, что такой опыт взаимодействия с Лигой заставлял Польшу настороженно относиться к вхождению в эту организацию Германии.

Основные вопросы, связанные со вступлением Германии в Лигу Наций, были обозначены во время Локарнской конференции. В ходе нее вопрос о вступлении Германии в Лигу предложил обсудить

²⁰⁵ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. – Vol. 1. The Aftermath of Locarno 1925–1926. – P. 276–278.

²⁰⁶ Волос, М. Внешняя политика Польши на фоне международных событий в Европе в 1924–1932 гг. (ключевые проблемы) / М. Волос // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 62.

²⁰⁷ Cesarz, Z. K. Polska a Liga Narodów. Kwestie terytorialne w latach 1919–1925 / Z. K. Cesarz. – Wrocław : Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1993. – S. 30, 200–203.

Дж. О. Чемберлен на четвертом заседании 8 октября 1925 г.²⁰⁸ Он указал, что нельзя рассматривать вопрос о заключении Рейнского пакта без одновременного вступления Германии в Лигу. Рейхсканцлер и министр иностранных дел Германии Г. Штресеман наметил тогда четыре основных вопроса, возникающих в связи с потенциальным вступлением его страны в указанную организацию. Во-первых, вопрос о представительстве Германии в Совете и Секретариате Лиги. Во-вторых, вопрос о претензиях на колониальные мандаты. В-третьих, вопрос об обязательствах, вытекающих из ст. 16, и, в-четвертых, вопрос об отказе от моральной вины, в связи с принятием Германией на себя обязательств, вытекающих из Устава Лиги²⁰⁹.

Несмотря на заявление Г. Штресемана о решенности первого из перечисленных вопросов, почти сразу он вызвал конфликт в Лиге в связи с борьбой за постоянные места в Совете. Кроме Германии такое место потребовала и Польша²¹⁰.

11 ноября 1925 г. на заседании Кабинета Великобритании был поднят вопрос о составе Совета Лиги Наций. Дж. О. Чемберлен напомнил, что на конференции в Локарно оговаривалось, что Германия вскоре подаст заявку на вступление в Лигу. Государства, инициировавшие подписание Рейнского гарантийного пакта, согласились поддержать претензии Германии на место постоянного члена Совета. Эта ситуация подтолкнула ряд государств – Испанию, Бразилию, Польшу – также претендовать на постоянное представительство в Совете. Глава внешнеполитического ведомства сообщил, что он уже обязался поддержать Испанию и привел аргументы в пользу того, что принятие Бразилии и Польши на постоянные места в Совете сопряжено со значительными трудностями: «Польша не всегда была очень законопослушным членом Лиги, более того, это (получение Польшей постоянного места в Совете – Е. Д.) было нежелательно, по крайней мере, в момент вступления Германии, чтобы не создать впечатление формирования антигерманского блока в Совете»²¹¹. Кабинет согласился дать Дж. О. Чемберлену свободу рук в этом вопросе.

²⁰⁸ Локарнская конференция... – С. 182.

²⁰⁹ Там же. – С. 183.

²¹⁰ Илюхина, Р. М. Лига Наций 1919–1934 / Р. М. Илюхина.– М. : Наука, 1982. – С. 168.

²¹¹ Cabinet Conclusions 47(25)–61(25), 1925 7 October – 22 December. – P. 65–67 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-51.pdf. – Date of access : 20.04.2025.

Ожидая препятствий со стороны Великобритании, польское правительство следило за ситуацией в Лондоне. Так в течение декабря 1925 г. польское Министерство иностранных дел запрашивало от польского посольства регулярные сообщения о содержании газетных статей по вопросу о вступлении Германии в Лигу Наций, а также о претензиях Польши на место в Совете²¹². 26 января 1926 г. британское посольство проинформировало Варшаву, что Форин Офис еще не принял решение о поддержке претензий Испании на постоянное место в Совете²¹³.

Следует признать, что эта информация соответствовала действительности. 1 февраля 1926 г. Дж. О. Чемберлен представил в Кабинет меморандум, в котором изложил содержание своей беседы с премьер-министром Франции А. Брианом в Париже по вопросу о предоставлении Польше места постоянного члена Совета Лиги, и заявил, что «взвесив все обстоятельства, я склоняюсь к тому, чтобы поддержать притязания Польши»²¹⁴.

Какие же аргументы убедили руководителя Форин Офиса? Во-первых, А. Бриан признавал, что в Польше и Германии много спорных вопросов: «польский коридор», Данциг, проблема меньшинств. В этих обстоятельствах А. Бриан выражал уверенность, что достижение компромисса могло быть более реальным, если Польша и Германия встретятся на равных в Совете. Во-вторых, участие в Совете позволит Польше самой отстаивать свои интересы, а не перекладывать это на Францию, у которой есть свои сложности в отношениях с Германией. Кроме этого, такое решение укрепило бы положение А. Скшиньского в Польше и позволило бы добиться от неё дальнейших уступок. К этим аргументам сам Дж. О. Чемберлен добавил еще и то, что Великобритания может остаться в одиночестве, если не примет такой вариант²¹⁵. Он опирался на информацию, переданную польскому послу в Лондоне итальянским послом. Последний сообщал, что Италия поддержит кандидатуру Польши на постоянное место члена Совета²¹⁶.

Сам Дж. О. Чемберлен сообщал польским дипломатам, что будет убеждать Кабинет поддержать кандидатуру Польши. Основные

²¹² Depesze Poselstwa ... – S. 526.

²¹³ Ibid. – S. 547.

²¹⁴ CP № 1(26)–100(26). – P. 209 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-178.pdf. – Date of access : 20.04.2025.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Depesze Poselstwa... – S. 553.

трудности он видел в позиции представителей Союза Лиги Наций²¹⁷. И действительно, уже в феврале в британской прессе началась кампания против предоставления Польше постоянного места в Совете Лиги. Польское посольство в Лондоне считало, что оно инспирировано Германией и Союзом Лиги Наций²¹⁸. Польский посол в Лондоне К. Скирмунт подозревал, что эту кампанию инспирировал Форин Офис²¹⁹. Что касается первого подозрения, оно представляется оправданным. Справедливость его подтверждается содержанием протоколов заседаний исполнительного комитета этой организации. Еще в октябре 1925 г. он принял решение поздравить «правительство Его Величества с прогрессом, достигнутым на пути к заключению Рейнского пакта и вступлению Германии в Лигу Наций с постоянным местом в Совете», а также рекомендовал членам этой организации «поддерживать политику правительства Его Величества в этом отношении»²²⁰. Непосредственно в феврале 1926 г. исполнительный комитет довел до сведения и Дж. О. Чемберлена, и польских представителей в Лондоне, что не поддерживает идею увеличения числа постоянных членов Совета Лиги. При этом был запланирован созыв специального комитета этой организации, который должен был рассмотреть варианты избрания непостоянных членов Совета. Соответствующая информация была передана представителям прессы Канады, Новой Зеландии и Австралии²²¹.

Публично выступали против расширения состава Совета Лиги за счет других стран кроме Германии ряд крупных политических фигур Великобритании, таких как лорд Э. Грей, генерал Я. Смэтс; выступления соответствующего содержания звучали от депутатов британского парламента, телеграммы с этими же идеями приходили в Лондон от правительств доминионов²²².

Дж. О. Чемберлен действительно пытался убедить ряд значимых британских политиков в необходимости поддержки кандидатуры

²¹⁷ Ibid. – S. 554–556.

²¹⁸ Ibid. – S. 558–559, 563.

²¹⁹ Ibid. – S. 561.

²²⁰ Minutes of the meetings of the Executive Council of the LNU 1925–1926. – P. 90 // The London School of Economics and Political Science digital library [Electronic resource]. – Mode of access : <https://digital.library.lse.ac.uk/Documents/Detail/minutes-of-the-meetings-of-the-executive-council-of-the-lnu-1925-1926/292381?item=292385>. – Date of access : 21.04.2025.

²²¹ Ibid. – P. 206.

²²² British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. : From the First to the Second World War. – Ser. F. Europe, 1919–1939. – Bethesda : University Publications of America, 1993. – Vol. 37. Germany, 1926. – P. 94–95.

Польши. Так в начале февраля 1926 г. он писал Р. Сесилу с этой целью. При этом глава британской дипломатии подчёркивал, что успеху конференции в Локарно способствовало завоеванное им доверие со стороны А. Скшинского, а отказ Польше в претензии на членство в Совете Лиги подорвет это доверие, как и доверие всех поляков, что затруднит реализацию локарнской политики²²³.

На фоне обозначенных дискуссий в среде британских политиков 8 февраля 1926 г. Германия подала заявление о приеме ее в Лигу. 12 февраля прошло чрезвычайное заседание Совета Лиги, оно приняло решение созвать в марте внеочередную сессию Ассамблеи с целью санкционировать вступление Германии в Лигу Наций²²⁴. Уже 17 февраля Г. Штреземан сообщил генеральному секретарю Лиги Наций Дж. Э. Драммонду, подтверждая опасения, высказанные членами британского Кабинета еще осенью 1925 г., что, если Франция продолжит настаивать на предоставлении Польше постоянного места в Совете Лиги, Германия пересмотрит или даже заберет свое прошение о вступлении в эту организацию²²⁵.

Эти события требовали ответной реакции со стороны Великобритании. 18 февраля 1926 г. Кабинет обсудил вопрос о Совете Лиги, рассматривался упомянутый меморандум Дж. О. Чемберлена. Было отмечено, что несмотря на то, что глава Форин Офис осознаёт, что общественное мнение в Великобритании против включения в Совет Лиги других государств кроме Германии, он выступил в пользу расширения состава Совета. По вопросу о том, какие страны-претенденты должны получить места постоянных членов Совета, Дж. О. Чемберлен напомнил, что уже подтверждена поддержка претензий Испании, но удовлетворение претензий Польши может быть полезно, исходя из задачи укрепления мира в Европе с учетом очевидности того, что в недалеком будущем встанут на повестку дня сложные вопросы польско-германских отношений (Данциг, «коридор», Верхняя Силезия). Одинаковый статус Польши и Германии, их совместная работа в Совете поспособствуют, по его мнению, достижению соглашений. Однако в ходе дальнейшего обсуждения этих вопросов были озвучены тезисы о том, что принцип формирования Совета, обсужденный на Парижской мирной конференции 1919 г., предусматривал включение в состав его постоянных членов государств, имевших интересы

²²³ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. – Vol. 1. The Aftermath of Locarno 1925–1926. – P. 412–413.

²²⁴ Илюхина, Р. М. Указ. соч. – С. 168–169.

²²⁵ British documents on foreign affairs... Vol. 37. Germany, 1926. – P. 59.

мирового масштаба. Нынешние постоянные члены – Великобритания, Франция, Италия и Япония – всегда надеялись, что в состав Совета войдут США, Германия и Россия. В ожидании этого и были предложены непостоянные места. Увеличение теперь числа постоянных членов создаст опасный прецедент. Что касается Польши, то она не всегда была хорошим членом Лиги, пренебрегала ее рекомендациями, она захватила и удерживает Вильно (сегодня Вильнюс – Е. Д.), её избрание вызовет недовольство Германии, Литвы, Чехословакии. Была предложена следующая альтернатива: убедить Польшу не претендовать на постоянное членство, поддержать увеличение срока ее временного членства. Отдельно было подчеркнута, что включение Германии является несомненным успехом Дж. О. Чемберлена, а поддержка Польши снизит его популярность внутри страны, и в доминионах²²⁶.

Видимо, результаты этого обсуждения стали известны польскому посольству, так как уже 26 февраля К. Скимунт сообщал в Варшаву, что получение постоянного места в Совете кажется невозможным, достижимой целью будет непостоянное место²²⁷.

В Великобритании же после получения заявления от доминионов о том, что они против расширения состава Совета, Кабинет 3 марта 1926 г. принял решение, что британская делегация должна руководствоваться при обсуждении этого вопроса в Женеве следующими принципами: не должно быть никаких изменений в составе Совета, которые помешают или затруднят вступление в него Германии; следует придерживаться принципа, что только великие державы (в тексте «Great Powers» – Е. Д.) могут быть постоянными членами Совета, исключение может быть сделано для Испании; ни Польша, ни Бразилия не должны быть постоянными членами Совета, но должны быть созданы условия для скорейшего получения места непостоянного члена Совета Польшей²²⁸.

Со своей стороны лидер оппозиционной правительству Дж. О. Чемберлена Лейбористской партии Дж. Р. Макдональд в беседе с представителями польской миссии заявил, что понимает «сложное положение Польши, о котором нельзя забывать. Он признает первостепенное значение польско-германских отношений <...> приветствовал бы радостно компромисс без победителя и побежденного»²²⁹.

²²⁶ Cabinet Conclusions 1(26)–30 (26), 1926 19 January – 12 May. – P. 79–83. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-52.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

²²⁷ Depesze Poselstwa ... – S. 575–576.

²²⁸ Cabinet Conclusions 1(26)–30 (26), 1926 ... – P. 137–138.

²²⁹ Depesze Poselstwa... – S. 578.

То есть, как руководство Консервативной партии, так и Лейбористской, выражая понимание потенциальных проблем Польши, исходило из большей важности для решения британских внешнеполитических задач позиции Германии.

Осознавая, что польские претензии на постоянное место в Совете Лиги не будут лоббироваться Великобританией на сессии Лиги в Женеве, польские дипломаты вновь, как и в период Локарнской конференции, прибегли к приёму дипломатического шантажа, попытавшись использовать фактор СССР. В частности, польское министерство иностранных дел поручило посольству в Лондоне довести до Дж. О. Чемберлена или Уильяма Тирелла (постоянный заместитель главы Форин Офис – Е. Д.), что принятие в состав Совета только Германии окончательно дискредитирует в глазах Польши и так непопулярную локарнскую политику, что будет отвечать интересам СССР, так как усилит «влияние с Востока» в Польше²³⁰. Использовал «советскую карту» и А. Скшинский, который заявил послу Великобритании в Варшаве У. Макс Мюллеру, что, если заявка Польши на постоянное место в Совете будет отклонена, это будет удар по его политике, и его пост может занять «какой-нибудь неопытный шовинист, чьей политикой станет тесное сближение с Россией»²³¹.

Ассамблея Лиги Наций открылась 8 марта. В ходе неё секретные переговоры велись в том числе в 1-м комитете под председательством Дж. О. Чемберлена. Бразилия, Польша, Испания и Китай потребовали предоставить им постоянные места в Совете. А. Бриан заявил, что в случае непредоставления Польше постоянного места он уйдет в отставку и с локарнской политикой будет покончено. В результате Швеция заявила, что освободит свое место для Польши, но Бразилия заявила, что до удовлетворения её претензий будет голосовать против приема Германии²³².

Анализ сообщений, поступавших в Форин Офис из Женевы от членов британской делегации, показывает, что Р. Сесил и Дж. О. Чемберлен активно предлагали различные процедурные схемы, чтобы в состав Совета Лиги в качестве постоянного члена вошла Германия, а временного – Польша, и при этом можно было преодолеть их недовольство²³³.

²³⁰ Depesze Poselstwa... – S. 578–580.

²³¹ British documents on foreign affairs... Vol. 37. Germany, 1926. – P. 94.

²³² Илюхина, Р. М. Указ. соч. – С. 169.

²³³ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1966. – Vol. 1. The Aftermath of Locarno 1925–1926. – P. 506–509.

В результате члены Совета поддержали вступление Германии, возможность избрания Польши и Норвегии на места, от которых отказались Чехословакия и Швеция, а также рекомендовали создать два новых постоянных места для Испании и Бразилии. Последнее обстоятельство вынудило Дж. О. Чемберлена 15 марта запрашивать у Кабинета санкции на поддержку этого проекта²³⁴.

Фактически на Чрезвычайной сессии Лиги в Женеве в марте 1926 г. прием Германии в Лигу Наций был блокирован из-за претензий Польши, Испании и Бразилии на место постоянного члена Совета Лиги, обещанного Германии. 17 марта 1926 г. Бразилия наложила вето на прием Германии²³⁵. Было принято решение о переносе этих вопросов на сентябрьскую сессию 1926 г. Это означало отложение вступления в силу Локарнского договора, так как вопреки желанию Великобритании было принято постановление, что оно произойдет только после вступления Германии в Лигу Наций. В результате после возвращения в Лондон Дж. О. Чемберлен подвергся нападкам оппонентов²³⁶.

При дальнейшем обсуждении в Великобритании вопроса об изменении состава Совета Лиги стали появляться проекты, претендующие на компромиссный вариант, что соответствовало с точки зрения их авторов, интересам Великобритании. Например, 6 апреля 1926 г. появился и был передан Кабинету меморандум Роберта Сесила. Автор писал, что на самом деле существует три группы государств, не входящих в состав «великих держав», хотя границы между ними не являются четкими. Есть такие государства, как Испания и Польша, которые, не будучи «великими державами», имеют большое значение в мире. «Есть и государства такие как Люксембург и Сиам, и некоторые из североамериканских республик, не говоря уже об Абиссинии, которые не имеют никаких оснований претендовать на место в Совете. И затем, есть класс государств-членов, которые должны время от времени присутствовать в Совете, но не должны быть там очень часто или очень редко. К сожалению, было бы совершенно невозможно составить список этих государств»²³⁷.

²³⁴ Cabinet Conclusions 1(26)–30(26), 1926... – P. 200.

²³⁵ Горлов, С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия) / С. А. Горлов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 162–163.

²³⁶ Илюхина, Р. М. Указ. соч. – С. 170.

²³⁷ CP № 101(26) –200(26). – P. 514–516// The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-179.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

Р. Сесил предложил создать 9 временных мест, из них 3 «полупостоянные». «Если бы Испании было предоставлено полупостоянное место, которое должно было бы ее удовлетворить, это, несомненно, означало бы, что она будет продолжать заседать в Совете до тех пор, пока у неё есть её нынешняя позиция. Кроме того, Польша получила бы возможность иметь место в Совете, пока её отношения с Германией делают это желательным. Третье место будет доступно для южноамериканского государства, если бы это было желательно, или, возможно, Китая сейчас или в будущем»²³⁸. Свои размышления по вопросу о месте Польши в Совете он еще раньше в конце февраля сообщал и польскому послу К. Скирмунту, указывая, что следует придерживаться принципа «постоянные места для великих держав». Он предположил, что Польша могла бы получить непостоянное место, но на более длительный срок, например, на шесть лет²³⁹.

4 июня 1926 г. Р. Сесил представил в Кабинет секретный меморандум об итогах заседания Совета Лиги в Женеве. Он сообщал, что было решено увеличить число непостоянных членов Совета с шести до девяти, при этом шестеро избираются на три года, трое – на один. Только трое могут переизбираться на следующий срок двумя третями голосов Ассамблеи. Целью создания мест для стран, имеющих право на повторное членство, было «дать им некоторый шанс получить право на постоянное место». К ним относились Испания и Польша, а также одно место было оставлено для азиатской или американской страны. «В итоге сейчас у нас Совет из четырнадцати, а если придут Россия и США, будет совет из шестнадцати». Сам автор считал такое решение вполне удовлетворительным²⁴⁰.

В результате, 4 сентября Совет Лиги принял резолюцию, которая предусматривала избрание Германии постоянным членом Совета и увеличение непостоянных мест до девяти. Было также решено, что срок полномочий непостоянных членов продлится до трех лет, появится статус трёх полупостоянных членов. Также для удовлетворения претензий Польши было принято решение о возможности переизбрания на следующий трёхлетний срок решением Ассамблеи при большинстве в две трети голосов. 10 сентября 1926 г. немецкая делегация

²³⁸ Ibid. – P. 516–519.

²³⁹ Depesze Poselstwa... – S. 575.

²⁴⁰ CP № 201(26)–300(26). – P. 113–116. // The NA [Electronic resource] – Mode of access : <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp/> <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-180.pdf>. – Date of access : 21.04.2025.

заняла свои места в зале Лиги Наций. В том же году непостоянными членами Совета на три года стали Чили, Польша, Румыния, также было удовлетворено заявление Польши о её переизбрании на ещё три года²⁴¹.

Как можно видеть, фактически реализовался компромиссный вариант, предложенный Р. Сесилом, который исходил из оценки Польши как государства, которое хоть и не принадлежит к «великим державам», но имеет большое значение в мире. При этом не стоит, на наш взгляд, переоценивать место, отводимое британскими дипломатами Польше в европейской политике: компромисс в данном случае был обусловлен их стремлением достичь баланса в отношениях с Францией, выступавшей за предоставление Польше постоянного места в Совете, и Германией, выступавшей против этого, а не собственно интересами Польши.

2.2 Берлинский договор 1926 года

Локарнская конференция 1925 г., на которой Германия выступала в качестве равноправного подписанта соглашений наряду с Великобританией, Францией, Италией, Бельгией, Польшей и Чехословакией, показала СССР, что существовала возможность отхода от «рапалльского курса». Это подтолкнуло советское руководство к активизации переговоров с Германией, результатом которых стало подписание 12 октября 1925 г. Московского (торгового) договора и 24 апреля 1926 г. договора о ненападении и нейтралитете в Берлине²⁴². Это соглашение получило в российской историографии оценку «антилокарнское», демонстрирующее продолжение «рапалльского курса»²⁴³.

Оценивая реакцию Великобритании на Берлинский договор, польская исследовательница М. Новак-Келбикова указывала, что факт его подписания, наряду с советской политикой в Китае и поддержкой бастующих английских горняков со стороны СССР стал одним из факторов обострения англо-советских отношений; с другой стороны, этот договор усилил позицию Германии в глазах Великобритании²⁴⁴. С такой оценкой, на наш взгляд, можно согласиться лишь во второй

²⁴¹ Илюхина, Р. М. Указ. соч. – С. 171–172.

²⁴² Документы внешней политики СССР. [сборник] / Министерство иностранных дел СССР. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 9 : 1 января – 31 декабря 1926 г. / Н. М. Горохов [и др.]. – С. 250–252.

²⁴³ Горлов, С. А. Указ. соч. – С. 178–179.

²⁴⁴ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 139.

её части. Об этом позволяет судить доминирующий контекст, в рамках которого британские дипломаты оценивали значение Берлинского договора.

С самого начала это соглашение рассматривалось в тесной связи с польско-румынским договором от 26 марта 1926 г. 7 апреля британский посол в Берлине Э Д'Абернон передал в Лондон полный текст названного польско-румынского договора со своими комментариями. Он отметил, что обязательство Румынии защищать польские западные и восточные границы спровоцирует в Германии усиление опасений «окружения», учитывая близкие связи румынского премьера Александру Авереску и Бенито Муссолини, а в Советской России – стремление к заключению соглашения с Германией²⁴⁵. В ответ свои размышления по поводу готовящегося советско-германского договора и в этой связи всей политики Германии, в том числе её отношений с Польшей, Дж. О. Чемберлен изложил Э. Д'Абернону 12 апреля. Он указывал, что советско-германский договор не вызывал его опасений. По мнению главы Форин Офис, главная опасность состояла в реакции на политику Германии со стороны Польши и Франции: «Я считаю продление польско-румынского договора прямым результатом отношения Германии к Польше в Женеве (очевидно, речь идёт об упоминавшемся выше заседании Ассамблеи Лиги Наций в Женеве в марте 1926 г., где остро проявились польско-германские противоречия по вопросу о предоставлении этим государствам постоянных мест в Совете Лиги – Е. Д.). Германия сначала пугает Польшу, а потом пугается её сама. Польша держалась в стороне от предложений Г. Чичерина и не поддавалась его угрозам до Локарно. После Локарно граф Скшиньски приостановил депортации (немцев – Е. Д.): красивый жест, который может привести к улучшению отношений. Но враждебность Германии никогда не скрывалась (что ещё хуже, презрение Германии к Польше и всему польскому), и это вызывает негодование и страх»²⁴⁶.

Немного откровеннее глава Форин Офис высказывался в письме к своей сестре Иде 18 апреля, в котором писал, что его «немного волнует» этот договор, хотя «если Штреземан правильно описал его Д'Абернону, в нём нет по сути ничего плохого»²⁴⁷. Оценивая последствия Берлинского

²⁴⁵ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1966. – Vol. 1. The Aftermath of Locarno 1925–1926. – P. 577–578.

²⁴⁶ Ibid. – P. 598–599.

²⁴⁷ The Austen Chamberlain diary letters. The correspondence of sir Austin Chamberlain with his sisters Hilda and Ida, 1916–1927. – Cambridge: University Press, 1995. – P. 287–288.

договора для международной обстановки, глава Форин Офис отметил, что договор «вызывал трепыхание в голубятнях Польши и Малой Антанты, что и вызывало раздражение Бриана». Характеризуя в связи с советско-германским договором отношения между Польшей и Германией, глава Форин Офис отметил «забавную вещь, что Берлин, кажется, так же напуган Варшавой, как Варшава Берлином и также обеспокоен польско-румынским договором, как Варшава – русско-германским»²⁴⁸.

Информация о готовящемся советско-германском соглашении обсуждалась 14 апреля 1926 г. на заседании британского Кабинета при рассмотрении вопроса о международных делах. В своём выступлении в рамках этого вопроса Дж. О. Чемберлен наряду с оценкой советско-германского договора также дал оценку и польско-румынскому договору, что вновь свидетельствует о его склонности рассматривать Берлинский договор прежде всего в контексте международных отношений в Центральной Европе и их влияния на европейскую политику Великобритании. Если в первом случае он подчеркнул положительный аспект – Германия не пошла по пути секретности как в Рапалло, а проинформировала Лондон и Париж о своих намерениях, – то во втором случае глава Форин Офис отметил негативный аспект. Он указал, что польско-румынское соглашение, видимо, вызовет недовольство в Советской России и Германии, так как в отличие от соглашения 1921 г., оно включает обязательство со стороны Румынии защищать и западные, и восточные границы Польши. В целом, оба соглашения и реакция на них, с точки зрения Дж. О. Чемберлена, затрудняют реализацию локарнской политики²⁴⁹.

В парламенте главе Форин Офис также пришлось дать оценку готовящегося советско-германского договора в ответ на запрос одного из депутатов 21 апреля. Британский дипломат признал, что не видел текста готовящегося договора, опирался в своих оценках исключительно на информацию, полученную от немецких коллег, которая подтверждала, что текст не противоречит Локарнским соглашениям и Уставу Лиги Наций, в связи с чем он «не видит причины возражать против него»²⁵⁰.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Cabinet Conclusions 1(26)–30 (26), 1926... – P. 238–240.

²⁵⁰ Germany and Russia (Proposed Treaty). 21, April. 1926 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1926/apr/21/germany-and-russia-proposed-treaty>. – Date of access : 21.04.2025.

То есть значимость Берлинского договора оценивалась главой британского внешнеполитического ведомства прежде всего не в контексте англо-советских отношений, а в более широком международном контексте, с точки зрения реакции Польши, стран Малой Антанты и союзной им Франции, действия которых могли осложнить реализацию локарного курса.

Что касается Польши, то ещё в результате заключения Локарнских соглашений и подписания Московского торгового договора 1925 г. между СССР и Германией в Польше усилились опасения внешнеполитической изоляции²⁵¹. В конце зимы – начале весны 1926 г. параллельно шли польско-советские и германо-советские переговоры о заключении политических договоров. Все участники этих переговоров использовали их факт в своей политической игре: Германия и Польша использовали переговоры с СССР для давления на Запад, для СССР переговоры с Польшей были инструментом давления на Германию с целью склонить её к продолжению рапальского курса²⁵². В такой ситуации достижение советско-германского соглашения лишало Польшу потенциального козыря в отношениях с западными странами, так как делало очевидным сомнительность достижения положительного результата польско-советского сближения. Кроме того, советско-германское соглашение становилось ударом по концепции «Восточного Локарно», поддерживавшейся Польшей во второй половине 1920-х гг.: оно могло стать образцом для цепи двусторонних соглашений о ненападении между СССР и его западными соседями, что противостояло польской идее многостороннего гарантийного пакта²⁵³.

В этой связи неудивительно, что в польском министерстве иностранных дел информация о готовящемся советско-германском договоре политического характера спровоцировала бурную реакцию. 10 апреля 1926 г. оно высказало своё мнение английскому послу У. Макс Мюллеру для передачи его Дж. О. Чемберлену: Германию обвиняли в шантаже, настаивали на необходимости заявить немцам, что подписание ими договора с СССР равносильно перечёркиванию Локарнских соглашений и отзыву просьбы о приёме в Лигу Наций²⁵⁴.

²⁵¹ Волос, М Указ. соч. – С. 63.

²⁵² Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения... – С. 219–220.

²⁵³ Родин, Д. В. Берлинский договор 1926 г. как противовес «Западному» и «Восточному Локарно» / Д. В. Родин // Внешнеполитические интересы России: история и современность : материалы IX Всероссийской научн. конф., Самара, 30 апр. 2021 г. / Отв. ред. А.Н. Сквозников. – Самара, 2021. – С. 179–182.

²⁵⁴ Depesze Poselstwa... – S. 587–589.

Однако Великобритания не согласилась на просьбу Польши высказать коллективный протест Германии по поводу готовящегося договора. 13 апреля британский посол в Варшаве сообщил польским дипломатам, что его страна не видит в договоре ничего противоречащего Локарнским соглашениям и документам Лиги, что спровоцировало ещё более активные попытки со стороны польской дипломатии убедить Великобританию в обратном. Однако то же самое сказал польскому послу и Дж. О. Чемберлен, указавший, что «резкие протесты усложнили бы ситуацию, созданную Локарно, и были бы на руку России». Глава Форин Офис проявил недовольство бурной реакцией Польши, как отметил К. Скимунт в своей телеграмме в Варшаву, передавая слова Дж. О. Чемберлена: «в польско-германских отношениях не только отсутствует доверие, но и есть склонность видеть враждебные замыслы друг друга. Если проектируемая российско-германская договоренность вызывает у нас преувеличенные опасения, то подобные опасения должен был вызвать в Берлине наш (польский – Е. Д.) новый договор с Румынией. По словам Дж. О. Чемберлена, мы должны сохранять полное спокойствие и неизменную политическую линию»²⁵⁵.

Одновременно глава Форин Офис предпринял шаги по блокированию попыток Польши вызвать ожидаемые им «трепыхания» в Малой Антанте. 13 апреля он поручил британскому представителю в Праге в преддверии предстоящего визита польского министра довести до сведения главы чешского министерства иностранных дел, что нежелательно выступать против подписания советско-германского соглашения, так как его содержание не противоречит документам Лиги Наций и Локарнским соглашениям, а сам протест может подтолкнуть Германию к Советской России. Лучшая политика в отношении Германии – сотрудничество с ней в рамках локарнских принципов. В этой же телеграмме он давал инструкции британскому послу на случай встречи с А. Скшиньским: политика Германии является «пролокарнской», и фатальной ошибкой Польши будет отклонение от такой политики²⁵⁶. Через английского посла в Берлине Дж. О. Чемберлен указывал, что и немецкие политики должны в свою очередь сделать всё, чтобы успокоить Польшу, чья тревога может быть спровоцирована дезинформацией со стороны СССР о содержании германо-советского договора²⁵⁷.

²⁵⁵ Depesze Poselstwa... – S. 591–594.

²⁵⁶ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1966. – Vol. 1. The Aftermath of Locarno 1925–1926. – P. 603–604.

²⁵⁷ Ibid. – P. 609.

Как видим, глава британского внешнеполитического ведомства прилагал дипломатические усилия одновременно в отношении Польши, Чехословакии и Германии для сглаживания открыто негативной реакции Польши на информацию о готовящемся советско-германском договоре, а также для предотвращения демаршей, которые могли бы осложнить реализацию локарнского курса.

Однако, из посланий У. Макс Мюллера Дж. О. Чемберлен знал, что Локарнские соглашения, не обеспечившие желаемых Польшей гарантий её западных границ, плохо восприняты в этой стране²⁵⁸. Потому апеллировать к сохранению локарнского курса как доводу для отказа Польши от активных выступлений против советско-германского договора было недостаточно. Это, очевидно, подтолкнуло Дж. О. Чемберлена убеждать К. Скирмунта, что Польше важно сохранять приверженность локарнскому курсу, так как Локарнские соглашения предотвратили более тесное сближение Германии и СССР, которого та опасалась: «В преддверии Локарно Россия стремилась препятствовать гарантийным соглашениям и заключить с Германией полноценный союз, только после Локарно она согласилась на минимальную программу». Дж. О. Чемберлен признавал вероятным план Советской России «по разгрому Лиги и Локарно по соглашению с Германией, но не верит, что Германия в этом плане могла бы соучаствовать»²⁵⁹.

Ход германо-советских переговоров в конце 1925 – начале 1926 г., на наш взгляд, показывает, что оценка Дж. О. Чемберлена была не безосновательна. Германия режиссировала переговоры с СССР исходя из развития процесса её принятия в Лигу Наций. Как показал в своей работе А. А. Ахтамзян, советские дипломаты предполагали, что подписание договора с Германией возможно еще до мартовской сессии 1926 г. Лиги Наций в Женеве. Однако Г. Штреземан писал представителям в Москву, что подписание советско-германского договора может иметь место только после сессии Лиги, которая должна решить вопрос о приеме Германии. После неудачной для Германии мартовской сессии Ассамблеи, в ходе которой ей не удалось получить постоянное место в Совете из-за позиции Польши, Испании и Бразилии, она активизировала переговоры с СССР, о ходе которых информировала Великобританию²⁶⁰. Этот же тезис поддерживал в своей работе

²⁵⁸ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 125.

²⁵⁹ Depesze Poselstwa... – S. 598–599.

²⁶⁰ Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика. Советско-германские отношения. 1922 – 1932 / А. А. Ахтамзян. – М. : Международные отношения, 1974. – С. 187–198.

С. А. Горлов, писавший, что лидеры Германии рассчитывали, что факт продолжавшихся с СССР переговоров даст им козырь в дипломатической игре с западными державами²⁶¹. Очевидно, как элемент дипломатической игры Германии в отношениях с Западом оценивал этот договор и глава британского Форин Офис.

Однако нельзя недооценивать внимание, уделяемое Великобританией готовящемуся советско-германскому договору. Форин Офис на всех этапах советско-германских переговоров внимательно следило за их ходом через английского посла в Берлине. Так ещё утром 24 апреля он сообщил Дж. О. Чемберлену, что в течение этого дня состоится подписание договора²⁶². При этом постоянно уделялось внимание анализу реакции на готовящийся договор, в частности, со стороны Польши. Британские дипломаты рекомендовали своим немецким коллегам корректно объяснять полякам суть готовящегося договора, что вызывало со стороны Германии постоянные обвинения Польши в «политической глупости» и «интригах со всеми по очереди – русскими, румынами, пограничными государствами – постоянном подогревании враждебности и ненависти по отношению к Германии»²⁶³. Реакция на эти обвинения Дж. О. Чемберлена, отражённая в его телеграмме Д'Абернону, может быть сведена к одной цитате – «враждебная ерунда»²⁶⁴. Глава Форин Офис подчёркивал в той же телеграмме, что пока Германия не перестанет относиться к Польше как к «парии», она не имеет права жаловаться на её плохое отношение к ней, поэтому вина за отсутствие улучшения германо-польских отношений лежит на Германии, не упускающей возможности выразить своё презрение и ненависть к полякам²⁶⁵.

Такая позиция главы британской дипломатии, доведённая до сведения немецких дипломатов, вызывала к жизни заявления с их стороны о готовности к переговорам с Польшей, налаживанию экономического сотрудничества²⁶⁶.

Э. Д'Абернон, анализируя заявления Г. Штреземана и других немецких дипломатов о Польше, приходил к выводу в конце апреля 1926 г., что заключение советско-германского договора подтолкнёт Германию и Польшу к переговорам, так как Германия уже обезопасила себя от СССР, насколько это возможно, а Польша находится в состоянии

²⁶¹ Горлов, С. А. Указ. соч. – С. 165.

²⁶² *British documents on foreign affairs...* Vol. 37. Germany, 1926 / ed. J. Noaks. – University Publications of America, 1993. – P. 144.

²⁶³ *Ibid.* – P. 143.

²⁶⁴ *Ibid.* – P. 144.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ *Ibid.* – P. 146.

беспокойства, что подтолкнёт её к соглашению с Германией²⁶⁷. Однако эти предсказания оказались преждевременными. Последующие беседы с немецкими политиками в течении лета 1926 г. заставили его сообщать в Лондон, что они смотрят скептически на улучшение германо-польских отношений, значительными оставались и финансовые претензии к Польше²⁶⁸.

В целом, можно утверждать, что принятие Дж. О. Чемберленом факта заключения германо-советского договора, было подчинено его стремлению неотступно реализовывать локарнскую политику. Этот договор должен был способствовать преодолению проблем, проявившихся в марте 1926 г. в Женеве, на пути к принятию Германией в Совет Лиги. Он мог стать своеобразным козырем в английской дипломатической игре в отношении Польши: если принятие Германией в Совет Лиги будет заблокировано, это создаст угрозу германо-советского сближения, и на смену мирной локарнской альтернативе выстраивания послевоенных отношений в Европе придёт непредсказуемое и угрожающее стабильности, а в случае Польши – безопасности, противостояние блоков в Европе. Такое послание по сути звучало в его заявлениях, адресованных польским политикам весной 1926 г.²⁶⁹

После подписания Берлинского договора британские дипломаты рассматривали его как побочный результат проволочки в реализации локарнской политики, частично связанной со сложностями в польско-германских отношениях. Так при ответе на целенаправленный запрос в Форин Офис Канцлера Казначейства У. Черчилля о рекомендациях по противостоянию опасности, грозящей со стороны СССР, в представленном 22 июля 1926 г. меморандуме постоянный заместитель главы Форин Офис У. Тирелл отталкивался от тезиса о непреодолимом противостоянии внешней политики России в период «большевистского режима» и политики Великобритании. Он связывал его с тем, что политика Великобритании направлена на защиту Империи и продвижение торговли, а политика Советской России – на установление коммунизма через разрушение текущего порядка. Британский дипломат указал, что средством противостояния «большевистскому наступлению» в Европе является политика, воплощённая в Локарнских соглашениях. Эти соглашения заложили основы для урегулирования спорных вопросов на европейском континенте и создали перспективы

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Ibid. – P. 193.

²⁶⁹ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1966. – Vol. 1. The Aftermath of Locarno 1925–1926. – P. 604–606.

для наиболее эффективной защиты от «общей опасности с Востока»²⁷⁰. В интерпретации заместителя главы Форин Офис цель локарнской политики состоит в том, чтобы примирить Германию и Францию, и «прежде всего, Польшу и Германию», потому крупнейшим достижением Локарно был договор между Германией и Польшей. «Тем самым мы начали постепенное примирение Франции, Германии и Польши при одобрении и поддержке Италии и Центральной Европы, и тем самым мы надеемся соблазнить и Германию, и Польшу смотреть на Запад и сопротивляться любым заманчивым предложениям, которые Россия может сделать, чтобы разрушить семью Европейцев. Ввиду опасности со стороны России было досадно, что спор в связи с местами в Совете Лиги Наций дал временную задержку в развитии локарнской политики»²⁷¹. Одним из результатов этой проволочки как раз и стало заключение советско-германского договора, потому задачи Великобритании состояли в том, чтобы убедить Польшу, как и Германию, Францию, Италию сотрудничать в направлении реализации локарнской политики, что и даст защиту от общей для них «российской опасности»²⁷².

То есть, в то время, как Берлинский договор оценивался в Польше как фактор, ухудшивший её геополитическое положение, увеличивший угрозу её безопасности вследствие советско-германского сближения, для политического руководства Великобритании он был проявлением дипломатической игры Германии на противостоянии «Европа–Россия», последствием в том числе действий Польши, направленных на обеспечение гарантий её границ (польско-румынский договор, борьба за постоянное место в Совете Лиги Наций). Разные оценки породили и разную реакцию: требование широкого протестного демарша со стороны Польши и дипломатические усилия по нивелированию негативной реакции на договор на всех уровнях для сохранения «локарнского курса». В то же время Берлинский договор показал, что в Великобритании Польша рассматривалась как государство, чья политика поиска международных гарантий собственных постверсальских границ была приемлема, если она не затрудняла реализацию проводимого британским политическим руководством в середине 1920-х гг. курса на вовлечение Германии во взаимовыгодные экономические и политические отношения с европейскими странами.

²⁷⁰ CP № 301(26)–375(26) – P. 11–12. // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-181.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

²⁷¹ Ibid. – P. 11.

²⁷² Ibid. – P. 12.

2.3 Сложности в польско-германских отношениях второй половины 1920-х годов

25 марта 1925 г. в Палате общин британского парламента обсуждался вопрос международных отношений в связи с готовящейся конференцией в Женеве. Эта тематика не часто становилась предметом обсуждения в парламенте. Как заметил депутат-либерал Герберт Фишер «это первый с сентября прошлого года случай, когда Палата общин имела возможность обсудить иностранные дела». Упрекая правительство в недостаточном введении депутатов палаты в курс дела европейской политики, Г. Фишер выразил позицию либеральной партии по вопросу об обеспечении безопасности в Европе. Он подчеркнул, что депутаты-либералы против идеи тройственного альянса, включающего Великобританию, Францию и Бельгию. Объяснялось это двумя причинами. Во-первых, в начале 1922 г. британское правительство предлагало общую договорённость с участием России²⁷³, однако это предложение было отвергнуто правительством Франции. Было ясно, что предложение о заключении договора, который не включал бы в себя соглашения о гарантиях границ восточных союзников Франции, будет неприемлемым для Парижа. Во-вторых, если Соединённое Королевство заключит договор с Францией и Бельгией, будет положено начало процессу, который приведёт к разделению Европы на две группы держав, выступающих одна против другой, произойдёт объединение России и Германии. При этом британский политик поддерживал другую схему. Он привёл слова Ж. Клемансо, сказанные в ходе мирной конференции в Париже, о том, что «мирный договор создаёт механизм для мирного урегулирования всех международных проблем путем обсуждения и согласия, посредством чего само урегулирование 1919 г. может время от времени изменяться в соответствии с новыми фактами и новыми условиями по мере их возникновения»²⁷⁴. То есть Г. Фишер в полной мере допускал пересмотр германо-польской границы.

²⁷³ Подробнее см. Дубровка, Е. Н. Вопрос о признании польско-советской границы и позиция Великобритании в период подготовки Генуэзской конференции 1922 г. / Е. Н. Дубровка // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2013. – № 4 (79). – С. 28–36.

²⁷⁴ Foreign affairs. 5 March, 1925 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/foreign-affairs>. – Date of access : 28.04.2025.

Прокомментировал Г. Фишер и вопрос о Данциге. «В моем опыте работы в Лиге Наций было немного более острых вопросов, чем отношения между Республикой Польша и вольным городом Данцигом по Версальскому договору <...> Данциг, великий немецкий город с великолепными историческими традициями, один из ведущих ганзейских городов, гордый и процветающий торговый город, придающий большое значение своим историческим традициям, а рядом с ним находится Республика, постоянно пытающаяся подорвать его независимость. К счастью, Лига Наций в прошлом и в настоящем представлена в Данциге Верховным комиссаром, который является представителем нашей нации, британским подданным, но самым верным слугой Лиги Наций, выполняющим приказы только от Лиги, и благодаря тактичности и хорошему управлению эти трудности были устранены. Я очень надеюсь, что Верховный комиссар получит от этой страны всю дипломатическую поддержку, на которую он имеет право, потому что в интересах самой Польши желательно, чтобы у неё на западной границе был не ожесточенный, злой и бдительный враг, а хороший сосед и друг»²⁷⁵.

В ответном выступлении глава британского внешнеполитического ведомства Дж. О. Чемберлен заверил, что полностью разделяет желание, «чтобы восстановленная Республика Польша поддерживала хорошие отношения со своими соседями и делала всё, что может справедливо и легко сделать держава её уровня величия, славы и силы, чтобы облегчить ситуацию, которая в любом случае должна быть трудной <...> сейчас она неуклонно укрепляет свои позиции, она приводит в порядок свои финансы без какого-либо международного займа, она добивается устойчивого и плодотворного прогресса; и в этих обстоятельствах мы можем рассчитывать на ее уверенность в суждениях, мудрость в политике и уважение к чувствам других»²⁷⁶.

В ходе дальнейшего обсуждения проблемы безопасности в Европе и британской политики либеральный депутат Эдвард Григ, хоть и не говорил прямо о германо-польских отношениях, обозначил свою оценку ситуации во всём регионе: «Безопасность – это не одна проблема; это сеть проблем, и трудность заключается в том, чтобы увидеть эти проблемы в перспективе <...> В этой сети проблем на первом плане стоит вопрос об эвакуации Кёльна (центр расквартировки в Рейнской области британских войск, введённых в декабре 1918 г. – Е. Д.).

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Danzig. 5 March, 1925 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/danzig>. – Date of access : 28.04.2025.

За этим, на средней дистанции, стоит более сложная проблема безопасности Франции и Бельгии. И за этим опять же, на заднем плане, стоит ещё более сложная проблема обеспечения мира на восточных рубежах Европы и на всем континенте». В ходе дальнейшей речи он заявил, что вопрос о восточных границах Германии нельзя отделить от общего вопроса безопасности в Европе. «Я не верю, что есть хоть какой-то шанс на то, что Франция в конечном счёте согласится с предложениями, которые каким-то образом не касаются восточных границ. Поскольку пакты о гарантиях провалились, она взяла на себя новые обязательства перед союзниками на юге и востоке Германии, и хотя мы никоим образом не связаны этими обязательствами, это факты в сложившейся ситуации, и мы должны иметь дело с фактами <...> стоит надеяться, что в вопросе о восточных границах в Европе, что бы не предприняло правительство, оно будет придерживаться принципа, что любые обещания, которые мы даем ради укрепления европейской безопасности, обусловлены принятием принципа мирного пересмотра, где и когда это необходимо, восточных договорённостей»²⁷⁷.

Как видно, британские парламентарии стояли на позиции готовности допустить мирный пересмотр итогов версальского урегулирования в вопросе германо-польских отношений, видя в этом залог обеспечения «безопасности», соответствовавшей британским национальным интересам.

Как было показано выше, пропагандистские беседы, к которым прибегали в течении 1925 г. польские дипломаты, не принесли им желаемой активной поддержки Великобритании в деле лоббирования проекта одинаковых гарантий для западных и восточных границ Германии в канун Локарно. Как результат, по итогам Локарнской конференции Польша лишь парафировала арбитражный договор с Германией и гарантийный договор с Францией, который предусматривал взаимопомощь в рамках устава Лиги Наций в случае неспровоцированной агрессии. В отличие от ситуации с германо-французской и германо-бельгийской границами Великобритания не выступила гарантом германо-польской границы²⁷⁸.

Уже в день окончания конференции Дж. О. Чемберлен написал английскому посланнику в Варшаве, что тому следует настойчиво

²⁷⁷ British policy. 5 March, 1925 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/british-policy>. – Date of access : 28.04.2025.

²⁷⁸ Локарнская конференция 1925 г... – С. 497–498.

озвучить польским властям позицию Великобритании: Польше не стоит пренебрегать благоприятными возможностями для налаживания отношений и с западным, и с восточными соседями²⁷⁹.

Изменение состава Совета Лиги в связи с принятием Германии было реализовано, как отмечено выше, в форме своеобразного компромисса. Это позволяло надеяться на создание рабочего механизма урегулирования спорных вопросов в отношениях между Польшей и Германией.

По мнению польской исследовательницы М. Новак-Келбиковой в 1926–1927 гг. интерес к Польше в Великобритании был связан преимущественно с её соседством с СССР в условиях обострения англо-советских отношений²⁸⁰. Однако анализ документов Форин Офис показывает, что сохранялось и пристальное внимание со стороны британских дипломатов к германо-польским отношениям, остававшимся потенциальной сферой конфликта.

Во второй половине 1920-х годов сохранялась напряжённость в экономических отношениях между Польшей и Германией, за развитием которых следили британские дипломаты. С 1925 г. в них важное место заняли переговоры о торговом соглашении. Однако после отказа Германии на просьбу Польши о беспошлинном ввозе польских товаров, особенно, угля из Верхней Силезии летом 1925 г., они приостановились. Развернулась, по сути, таможенная война. В 1926 г. переговоры осложнились вопросом о ликвидации немецкой собственности в Польше, а в 1927 г. – требованием Германии использовать по отношению к ней принцип «наибольшего благоприятствования» в вопросе права проживания²⁸¹.

В связи с последним инцидентом прошла встреча британского посла в Берлине Р. Линдси с госсекретарём министерства иностранных дел Германии Карлом фон Шубертом, инициированная последним. В ходе встречи немецкий дипломат уже вполне откровенно говорил, что в Локарно Германия не пошла на требуемые Польшей гарантии, так как не скрывала своих надежд однажды мирными средствами изменить свои восточные границы; до того времени она декларировала заинтересованность в установлении нормальных отношений с Польшей, чтобы убрать повод для Франции сохранять оккупацию рейнской

²⁷⁹ DBFP 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : His Majesty's Stationery Office, 1984. – Vol. 25. – P. 944–945.

²⁸⁰ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 141.

²⁸¹ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – P. 36–37.

области (оккупация выступала средством давления на Германию с запада, чтобы предотвратить немецкое давление на восток). Обвиняя Польшу в срыве переговоров, К. фон Шуберт, по мнению Р. Линдси, намекал на «два конструктивных действия» со стороны Великобритании: подтолкнуть Польшу к более рациональной позиции и посоветовать сменить посла в Берлине. В ответах британского дипломата, не содержащих никаких обещаний, как и протестов против такой интерпретации развития локарных принципов, есть красноречивая характеристика польского государства, как «не только нового, но и крайне националистического и не менее невежественного в искусстве государственного управления»²⁸². По-видимому, в качестве стимула для Великобритании немецкий дипломат сообщил о слухах «в определённых кругах» в Германии, что действия Польши в отношениях с ней инспирируются Великобританией, на что получил твёрдые уверения, что это противоречит принципам британской политики²⁸³. То есть для британских дипломатов был очевиден исключительно декларативный характер заинтересованности Германии в налаживании германо-польских отношений, как и сохранение в Берлине стратегии возврата территорий, перешедших к Польше в соответствии с решениями Версальской мирной конференции.

Немецкие политики, о чём польская дипломатия постоянно информировала Великобританию, при любом удобном случае напоминали о неудовлетворённости их страны германо-польской границей. Показательна беседа, произошедшая в период заседания Совета Лиги в марте 1927 г. между Г. Штреземаном и А. Залеским, когда в ответ на заявления последнего, что Польша не имеет территориальных претензий к Восточной Пруссии, так как у неё есть как раз столько земель, сколько ей нужно, немецкий министр иностранных дел заметил, что их больше, чем Польше следует иметь²⁸⁴. В сентябре 1927 г. советник немецкого консульства в Катовице барон фон Грюнау вновь говорил Р. Э. Кименсу, торговому советнику британского посольства в Варшаве, что, пока польская Верхняя Силезия и «коридор» не будут возвращены Германии, хорошие германо-польские отношения невозможны²⁸⁵.

²⁸² Ibid. – P. 38.

²⁸³ Ibid. – P. 39.

²⁸⁴ Ibid. – P. 110.

²⁸⁵ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1971. – Vol. 4. European and security questions. 1927–1928. – P. 13–15.

В этих обстоятельствах Дж. О. Чемберлен изложил в октябре 1927 г. польскому министру иностранных дел А. Залескому следующее видение «польского отношения к вопросу безопасности в целом»: «поляки обладают очень ценными гарантиями. По-моему, они совершают ошибку, когда словами или действиями недооценивают или выражают сомнение в гарантиях безопасности, которые у них есть»²⁸⁶. Английский дипломат рекомендовал чаще предавать гласности те усилия, которые были предприняты Польшей и Германией для предотвращения угрозы миру. «Если бы я был польским министром иностранных дел <...> я бы призвал мир в свидетели того, что немецкий министр иностранных дел объявил, что ценность локарнских договоров не только в отношениях, установленных с соседями Германии на западе, но и в том, что фактом заключения арбитражного договора с Польшей она обозначила невозможность обращения к войне, как к средству преодоления проблем в их взаимоотношениях»²⁸⁷. По сути эти заявления отражали стремление главы Форин Офис посредством апелляции к итогам Локарнской конференции снизить напряжение в германо-польских отношениях.

Однако «дух Локарно» не обеспечил перехода германо-польских отношений в состояние бесконфликтных. Польша не считала достаточным декларирование Германией отказа от силового пути изменения территориальных решений Версальского мирного договора. Более того, она не пренебрегала и превентивными мерами для предотвращения территориального реванша со стороны Германии. Ставка была сделана на проблему национальных меньшинств. Так в июне 1928 г. британский представитель в Варшаве Уильям Эрскин прислал в Лондон рапорт о ситуации в Верхней Силезии, подготовленный британским вице-консулом в Катовицах. Обширный рапорт содержал информацию о притеснениях немецкого населения со стороны польских властей, о развёрнутой полонизации, проводимой по инициативе воеводы с 1926 г., о сохранявшейся угрозе политической нестабильности в регионе, которому центральные власти не уделяют должного внимания. При этом сам У. Эрскин выразил сомнения в справедливости возложения всей вины исключительно на местные власти, саму же сложность политической ситуации не отрицал²⁸⁸. После более подробного изучения ситуации он сообщал в Лондон, что удостоверился

²⁸⁶ Ibid. – P. 49.

²⁸⁷ Ibid. – P. 49.

²⁸⁸ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1973. – Vol. 5. European and security questions. 1928. – P. 98–105.

в справедливости изложенной в рапорте информации, но вместе с тем пришёл к выводу, что обозначенная политика в отношении немецкого меньшинства имеет место только в этом регионе Польши. Британский дипломат объяснял это недовольством польских властей зыбким статусом этой территории, попытками посредством полонизации укрепить там свои позиции²⁸⁹.

Толчком для нового витка напряжения в германо-польских отношениях стал вопрос об эвакуации союзных войск из Рейнской зоны летом 1928 г. Он вызвал со стороны польских политиков, в частности, министра иностранных дел А. Залесского, заявления, предполагавшие претензии Польши на компенсацию в связи с ослаблением гарантий безопасности. В ответ в немецкой прессе началась кампания возмущения попытками Польши вмешаться в вопрос западных границ Германии. Такая ситуация подтолкнула британского представителя в Варшаве обсудить этот случай с А. Залесским и высказать тому свою позицию: Германия лучше примирится с её текущими восточными границами, если её отношения с Польшей будут более добрососедскими, а названный случай этому не способствует²⁹⁰.

Публичное заявление А. Залесского о необходимости гарантий для Польши не осталось незамеченным в Великобритании. Оно спровоцировало вопрос к Дж. О. Чемберлену от депутата палаты общин либерала Сидни Бакстона о потенциальном обсуждении гарантий до вывода союзных войск из Рейнской области. Дж. О. Чемберлен в своём ответе подчеркнул, что гарантии Великобритании не выйдут за пределы Устава Лиги Наций и Локарнского договора. Таким образом, он пресёк попытки Польши использовать факт вывода войск из Рейнской зоны для расширения гарантий её западных границ²⁹¹. Такую же позицию он подчёркнуто обозначил в беседе с французским послом²⁹².

Однако этим тема оказалась не исчерпана. В конце августа 1928 г. польский посол в Лондоне К. Скирмунт обратился с запросом в Форин Офис о ходе эвакуации Рейнской области. В беседе с британскими дипломатами он вновь отметил существующие в Польше опасения того, что эвакуация ослабит её позиции, что требует новых гарантий польской безопасности. На это был получен однозначный

²⁸⁹ Ibid. – P. 154–156.

²⁹⁰ Ibid. – P. 121–123.

²⁹¹ Ibid. – P. 143–144.

²⁹² Ibid. – P. 147.

ответ о том, что подобные надежды беспочвенны: вывод войск из Рейнской области и так является сложной международной проблемой, нельзя осложнять её ещё больше польскими требованиями²⁹³.

В сентябре 1928 г. во время заседаний ассамблеи Лиги Наций А. Залесский вновь поднял в беседе в британском делегатом вопрос о принятии решения об эвакуации Рейнской зоны. В частности, подчёркивая, что Польша была подписантом Локарнских соглашений, он высказал предложение о том, что она должна стать и подписантом соглашения об эвакуации. Это должно было, по словам польского министра иностранных дел, успокоить польское общественное мнение. Однако эта попытка повысить значимость позиции Польши по одному из вопросов, касающихся Германии, также не имела успеха. Британский дипломат привёл несколько доводов: во-первых, связь вопроса об эвакуации не с Локарнскими соглашениями, а с Версальским договором; во-вторых, возможное недовольство британского общественного мнения намёком на отказ Великобритании от позиции «не вовлечённости» в дела восточных границ Германии; в-третьих, недовольство общественного мнения Германии. А. Залесский, со своей стороны, говорил о необходимости «предотвратить негативный эффект в Восточной Европе, который может возникнуть от эвакуации Рейнской зоны». Он пояснял, что согласно франко-польскому договору, подписанному в Локарно, Франция гарантировала вступление в войну в поддержку Польши в определённых обстоятельствах, что станет затруднительно после эвакуации, так как они окажутся на более далёком расстоянии. Это означало ослабление гарантий и подталкивало Польшу к поиску других. Но и этот аргумент не убедил собеседника²⁹⁴.

Во внутриведомственной переписке, посвящённой этому сюжету, британский посол в Варшаве Уильям Эрскин указывал, что в Польше очень велик страх перед будущей немецкой агрессией, потому неплохо бы было представить ей какую-то форму «морального удовлетворения», например, через участие в подписании соглашения о создании Комитета по контролю и примирению. Однако от британского посла в Берлине Г. Рамбольда поступала информация, что Германия не примет никакого контроля за Рейнской зоной после 1935 г.; даже если реализуется идея создания какого-либо комитета, присоединение к нему Польши вызовет непонимание и негодование, что добавит остроты в германо-польские отношения. Он признавал, что в ближайшее время эти отношения не могут быть сердечными, потому следует

²⁹³ Ibid. – P. 270–271.

²⁹⁴ Ibid. – P. 321–323.

поддерживать их корректными. При этом он отметил изменение отношения Германии к Польше: она не воспринималась более как «сезонное государство», её существование признавалось, но было устойчивое мнение, что чем сильнее будет Польша, тем сложнее будет добиться территориальных изменений в вопросе польского коридора. Как и его коллеги Г. Рамбольд считал, что улучшить отношения могло бы заключение торгового договора, хоть и высказывал сомнения в успешности переговоров по этому вопросу²⁹⁵.

В январе 1929 г. английский посол в Варшаве сообщил «в форме дружеского совета» А. Залесскому позицию Дж. О. Чемберлена по вопросу эвакуации Рейнской зоны. Он подчеркнул, что британское правительство придаёт этому вопросу большую важность, и впечатление, что Польша пытается создать сложности на пути его реализации, настроит против неё общественное мнение Великобритании²⁹⁶.

В итоге, на Гаагской конференции летом 1929 г. Германия безоговорочно добилась досрочного окончания оккупации зоны Северного Рейна, а с польской делегацией, по словам польского историка Мариуша Волоса, обошлись так же, как в Локарно²⁹⁷.

То есть ситуация с решением вопроса об оккупации Рейнской зоны вновь, как и в ходе Локарнской конференции, показала, что в германо-польских отношениях Великобритания проявляла готовность к пренебрежению позицией Польши, исходя из примата Германии над Польшей в структуре международных отношений в Европе.

В конце 1920-х годов британские дипломаты всё чаще сталкивались с проблемой национальных меньшинств в германо-польских отношениях. В частности, в конце ноября 1928 г. в Форин Офис поступали сообщения о деятельности организации «Стальной шлем» в Германии в целом, и Верхней Силезии в частности. На тот момент опасности в деятельности этой организации не было замечено. Однако отмечалось, что пока у большей части населения Германии сохранялось мнение, что необходимо проявлять терпение, так как возврат территорий, отошедших к Польше, невозможен при текущей парламентской системе; но при сильном национальном режиме Германия сможет добиться старых границ на востоке²⁹⁸.

²⁹⁵ Ibid. – P. 366–367.

²⁹⁶ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1975. – Vol. 6. – P. 47–48.

²⁹⁷ Волос, М. Указ соч. – С. 63.

²⁹⁸ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1973. – Vol. 5. European and security questions. 1928. – P. 488–489.

Насколько эта информация могла привлечь внимание главы Форин Офис? Комментируя развитие германо-польских отношений в своём письме У. Эрскину Дж. О. Чемберлен признавал, что его мало интересовали их частные аспекты, такие как вопрос о положении польского и немецкого меньшинств на территориях Германии и Польши соответственно. Он скорее склонен давать им общую оценку: отношения ещё долго останутся враждебными. «Залесский сдержан и терпелив, но презрение, которое немцы испытывают по отношению к полякам и которое они не могут не показывать при каждом удобном случае, делает двусторонние отношения скорее вопросом эмоций, чем политики»²⁹⁹.

Тем не менее британский посол продолжал информировать Форин Офис о положении в Верхней Силезии, попытках Германии через немецких работодателей оказывать давление на местных рабочих с целью отправки их детей в немецкие школы, что мешало интеграции региона в Польшу; сам автор при этом придерживался мнения, что регион должен быть полонизирован, что является жизненно важным для будущего мира в Европе³⁰⁰. Однако частное мнение У. Эрскина не отражало позицию британской дипломатии в целом. В марте 1929 г. Дж. О. Чемберлен в беседе с польским послом К. Скирмунтом изложил свою точку зрения на ряд аспектов польско-немецких отношений, о которых была проинформирована польская сторона. Во-первых, он дал понять, что не вникает в процедуру рассмотрения вопроса о положении национальных меньшинств. Во-вторых, по вопросу о восточных границах Германии он вновь выразил надежду, что общие интересы Германии и Польши создадут такие отношения между ними, что удастся путём взаимных уступок выйти из состояния вражды, которое их разъединяет. Глава Форин Офис признавал, что это произойдёт не скоро, но до тех пор Великобритания будет чётко демонстрировать, что она против пересмотра мирных соглашений в текущих условиях и не примет иного решения кроме непосредственного соглашения между заинтересованными сторонами или при дружественном посредничестве в соответствии с 19 статьёй Устава Лиги³⁰¹.

Таким образом, в условиях реализации локарного курса во второй половине 1920-х годов в среде британских политиков и дипломатов констатировалось сохранение напряжённости в германо-польских отношениях, как экономических, так и политических. Вопрос о пересмотре

²⁹⁹ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1975. – Vol. 6. – P. 23–24.

³⁰⁰ Ibid. – P. 59–61.

³⁰¹ Ibid. – P. 273–274.

итогах Версальского мирного договора не сходил с повестки дня, декларировалась лишь приверженность его не силовому варианту. Для британской дипломатии был очевиден инструментальный характер проблемы положения национальных меньшинств на германо-польском пограничье, поэтому она минимально привлекала внимание руководящих кругов Форин Офис. При этом данный вопрос, как показывает анализ парламентских дебатов, активно использовался оппозицией как повод для нападок на правительство, в том числе и следующее. Так 13 ноября 1929 г. уже новому главе Форин Офис А. Гендерсону в ходе парламентского заседания был задан вопрос о положении немецкого меньшинства в Польше, обращениях по этому поводу в Лигу и её реакции, от ответа на который он ушёл³⁰².

2.4 Обострение британско-советских отношений в 1927–1929 годах

В советской историографии обострение вплоть до разрыва британско-советских отношений в 1927 г. устойчиво связывали с намерением консервативного правительства Великобритании создать систему политических и военных союзов, направленную против СССР. Британская политика включала задачу испортить германо-советские отношения, спровоцировать китайско-советский конфликт и войну между СССР и Польшей. В связи с последней целью было организовано 7 июня 1927 г. убийство советского полпреда в Варшаве П. Л. Войкова³⁰³. В. Г. Трухановский видел ключевые факторы обострения двусторонних отношений в сфере экономической: кризис английского империализма (застой в промышленности и торговле, неудачи колониальной политики) толкал английских политиков к поиску виновного, в качестве которого выступал СССР, чьё существование стимулировало классовую и национально-освободительную борьбу. План Лондона трактовался так: из враждебных СССР государств создать антисоветский блок, с территории Китая и Польши развязать военные действия³⁰⁴.

³⁰² Poland (German minority). 13 November, 1929 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1929/nov/13/poland-german-minority>. – Date of access : 28.04.2025.

³⁰³ История внешней политики СССР. 1917–1980 : в 2 тт. / под. ред. А. А. Громько и др. – Т. 1. 1917–1945. – М.: Наука, 1980. – С. 233–246.

³⁰⁴ Трухановский, В. Г. Указ соч. – С. 157–162.

Ведущие современные российские специалисты по истории британской внешней политики избегают столь резких оценок. В работе историков Н. К. Капитоновой и Е. В. Романовой отмечается, что консервативная часть британского истеблишмента исключала СССР из европейской системы отношений. Поэтому под её руководством Лондон стремился изолировать СССР от европейской политики и не допустить укрепления его позиций в Азии. Именно на фоне событий в Китае произошёл разрыв отношений Великобритании с СССР³⁰⁵. Профессор В. Г. Цыплин связывает дипломатическую борьбу СССР и Великобритании в 1927–1929 гг. с противостоянием различных идеологических доктрин, а экономический фактор (необходимость возобновления торгово-экономических отношений) у него выступает в качестве стимула к преодолению разногласий. Польский сюжет у него упомянут в традиционном контексте: война СССР и Польши планировалась в Великобритании как один из вариантов политики³⁰⁶.

В польской историографии традиционно делается акцент на самостоятельном характере внешней политики Польши. В частности, М. Новак-Келбикова писала, что Польша стремилась к нормализации отношений с СССР, но одновременно сохранению его международной изоляции. Этот тренд соответствовал преобладавшему в Форин Офис мнению: необходимость поддержания мирных отношений при сохранении сдержанности. Польская исследовательница показала, что в то время не было совместных англо-польских военных планов, направленных против СССР, наоборот, в 1926–1927 гг. военное сотрудничество между этими странами сократилось³⁰⁷.

Обострение британско-советских отношений во второй половине 1920-х гг. спровоцировало очередной виток осмысления европейской политики со стороны британской политической элиты.

В январе 1927 г. в Лондоне активно обсуждался вопрос о разрыве британско-советских отношений. По запросу Кабинета дипломат Дж. Д. Грегори (до 1925 г. был главой Северного департамента Форин Офис, то есть подразделения, которое занималось главным образом делами России, балтийских и скандинавских государств; затем был назначен помощником постоянного заместителя госсекретаря по

³⁰⁵ Капитонова, Н. К. Указ соч. – С. 337–343.

³⁰⁶ Цыплин, В. Г. Дипломатическое противостояние в период англо-советского разрыва (1927–1929 гг.) / В. Г. Цыплин // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. – 2015. – Т. 15. Вып. 2. – С. 88–93.

³⁰⁷ Nowak-Kiełbikowa, M. Op. cit. – S. 181–187.

иностранным делам в Форин Офис – Е. Д.) подготовил меморандум с анализом международных последствий такого разрыва. Этот меморандум был представлен Дж. О. Чемберленом членам Кабинета. Среди прочих последствий такого шага отмечалось «очень тревожное воздействие на Германию и всю Восточную Европу. Польша под руководством маршала Пилсудского проявляет большое беспокойство; его политика неопределенна, язык, которым он разговаривал с французским послом, вызывает беспокойство. Залеский, министр иностранных дел Польши, я полагаю, не стремится к авантюрам. Я не могу сказать того же о маршале, и я не могу предсказать, как на него повлияют такие действия с нашей стороны. Любые беспорядки в этих краях должны серьезно сказаться на странах Балтии. Литва, вероятно, будет полностью брошена в руки советского правительства»³⁰⁸. Британский дипломат писал, что «Польша, лишенная определенной безопасности, порожденной правильными отношениями между Великобританией и Россией, может посчитать необходимым, особенно сейчас, при антироссийски настроенном Пилсудском, создать новые и, возможно, опасные гарантии для своей собственной безопасности». С его точки зрения, разрыв будет шагом назад по сравнению с достигнутыми в последние годы договорённостями в Европе³⁰⁹. Сам госсекретарь, по видимому, с пониманием относился к потенциальным проблемам, которые таил в себе разрыв англо-советских отношений. Получив от британского посланника в Варшаве сообщение, что А. Залеский в беседе с ним проявил обеспокоенность обострением отношений между СССР и Великобританией, поскольку это могло подтолкнуть к опасному для Польши советско-германскому сближению, он назвал А. Залеского «человеком с разумными суждениями»³¹⁰.

Однако среди британских политиков за пределами Форин Офис активно муссировались иные доводы. Члены консервативной партии продолжали лоббировать идею разрыва. В марте 1927 г. в ходе обсуждения англо-советских отношений в Палате лордов лорд Ньютон заявлял, что большевики уже пытались сломать существовавшие режимы «с помощью так называемого прямого действия» в том числе

³⁰⁸ CP № 1(27)–50(27) – P. 203. // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-184.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

³⁰⁹ Ibid. – P. 205.

³¹⁰ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – P. 68.

в Польше³¹¹. Призывая прекратить действие торгового соглашения с Советской Россией, он подчёркивал, что это не будет проблемой для Великобритании, так как «наша торговля со старой Россией велась главным образом с теми частями Российской империи, которые сейчас вообще образуют отдельные единицы, такие как Польша, например, Финляндия и так далее»³¹². В отличие от профессионального анализа международных отношений, представленного экспертами Форин Офис, высказывания, подобные этому, имели гораздо более широкий резонанс, потому оказывали большее влияние на парламентариев, которым предстояло голосовать за принятие решения о разрыве англо-советских отношений.

Назревающее изменение политической комбинации в Европе породило активную кампанию в прессе. Причём характер появлявшихся статей становился предметом обсуждения между дипломатами трёх стран. Так в ряде польских газет в конце февраля 1927 г. появилась информация о тайных переговорах между британским представителем в Варшаве и Ю. Пилсудским о присоединении Польши к антисоветской кампании и даже англо-польском военном союзе. Это подтолкнуло польского министра иностранных дел к обсуждению ситуации с британским посланником У. Макс Мюллером. О ходе этой беседы последний сообщал Дж. О. Чемберлену. Оба участника встречи отрицали соответствие действительности этих сообщений, но решили не печатать опровержений, чтобы не «всколыхнуть более широкую кампанию в прессе». А. Залеский был склонен связывать эти слухи с Германией, которая опасалась усиления британской поддержки Польши в деле польско-германских переговоров о заключении торгового соглашения и была заинтересована в усилении напряжения между Советской Россией и Польшей. Из высказываний А. Залеского также очевидно, что эти слухи вызвали обеспокоенность советской стороны, спровоцировав запрос П. Л. Войкова об их соответствии действительности и одновременно предложение об активизации переговоров о торговом соглашении и договоре о ненападении между СССР и Польшей³¹³. Со своей стороны, английский

³¹¹ Anglo-russian relations. 3 March, 1927 // House of lords debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1927/mar/03/anglo-russian-relations>. – Date of access : 18.04.2025.

³¹² Там же.

³¹³ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – P. 66–68.

поверенный в делах в Москве Р. Ходжсон сообщал в Лондон о своей беседе с заместителем наркоминдел СССР М. Литвиновым. В ходе неё советский дипломат заявил, что Польша враждебна и готовится к агрессии, её газеты обсуждают ирредентистские цели в Украине. После чего Р. Ходжсон, пытаясь разрядить обстановку, дал яркую характеристику позиции Польши – «у поляков есть пресловутая черта – жить прошлым» – и назвал комичным серьёзное восприятие их «шипения» и беспокойство по поводу «призрака Польши-завоевателя»³¹⁴.

Появление в прессе информации об англо-польском сближении частично, по-видимому, было инспирировано польской дипломатией. Не зря именно после возвращения А. Залеского в Варшаву с заседания Совета Лиги Наций в марте 1927 г. появилось большое количество статей, где отмечалось, что именно дружественная позиция Великобритании по отношению к Польше позволила активизировать польско-германские переговоры. Появился тезис о том, что Великобритания признала за Польшей роль важного фактора поддержания мира в Европе³¹⁵.

У этой газетной кампании была и реальная основа. Сам Дж. О. Чемберлен признавал в переписке «изменение политики в отношении Польши» и связанное с этим недовольство Франции³¹⁶. В условиях назревающего разрыва с СССР Польша становилась потенциальным претендентом на роль агента влияния в регионе. Однако на пути реализации этого потенциала было много препятствий. Во-первых, с 1921 г. Польша являлась союзницей Франции. Во-вторых, безоговорочная поддержка Польши в условиях напряжённых германо-польских отношений привела бы к ухудшению англо-германских отношений, ослаблению позиций Г. Штресемана и могла повлечь нежелательное германо-советское сближение. Тем не менее умеренные знаки поддержки Польши со стороны Великобритании были необходимы. Они должны были укрепить позиции пользовавшегося симпатией англичан А. Залеского, произвести впечатление возможности английской поддержки польского государства в случае обострения советско-польских отношений.

Как известно, несмотря на аргументы Форин Офис, приверженцы более жёсткого курса в отношении СССР реализовали свои намерения.

³¹⁴ Ibid. – P. 23–25.

³¹⁵ British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. : From the First to the Second World War. – Ser. F. Europe, 1919–1939. – Bethesda : University Publications of America, 1993. – Vol. 38. Germany, 1927 / ed. J. Noaks. –P. 79–80.

³¹⁶ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – P. 135.

Во время парламентских дебатов 24–26 мая 1927 г. глава Кабинета С. Болдуин обвинил Советскую Россию в антибританской деятельности и предложил разорвать дипломатические связи с СССР. Его поддержали консерваторы. 27 мая 1927 г. Дж. О. Чемберлен официальной нотой сообщил о разрыве советскому представителю в Лондоне. Вскоре последовало обострение советско-польских отношений, спровоцированное убийством П. Л. Войкова.

Это вызвало новый виток напряжённости в отношениях в Европе. В ходе международной встречи 14 июня 1927 г. в Женеве министр иностранных дел Германии Г. Штреземан выразил озабоченность положением дел, сообщил о позиции Г. Чичерина, который опасался в текущей ситуации подготовки Польшей нападения на СССР с намерением включить Литву и Беларусь в «польскую орбиту», что потянет за собой поддержку Польши Францией и разрастание конфликта. Немецкий дипломат также высказал свою озабоченность обострением советско-польских отношений, подчеркнул, что оно ухудшит деловой климат среди промышленных кругов. Глава британской дипломатии на этой встрече продолжил придерживаться новой «пропольской линии», отметив, что А. Залеский был явным приверженцем мира, Ю. Пилсудского вряд ли стоит подозревать в стремлении поставить под угрозу приобретения Польши со времён мирной конференции, потому «если угроза есть, то она исходит от советской стороны»³¹⁷.

В русле новой линии в отношении Варшавы активизировал свои усилия по лоббированию роли Польши в британской политике британский дипломат Р. Липер, прибывший туда в качестве секретаря английской миссии. 13 декабря 1927 г. он выслал в Форин Офис меморандум, в котором доказывал, что в Польше нет значительных опасений по поводу восстановления России в централизованное государство в границах Российской империи; то, что удалось сделать благодаря объединяющей советской идеологии в момент революции нельзя будет удержать в рамках государства, возглавляемого русским национальным правительством, так как со времени войны национализм распространился на этой территории, под его влиянием отделились Финляндия, балтийские страны и Польша, «тот же процесс, хоть и в менее продвинутой стадии, идёт в Украине и Беларуси», в среде восточных народов, входящих в СССР. «С исчезновением большевизма» русское правительство не удержит власть предшественников. Из этих посылок делался вывод, что через годы устойчивым фактором

³¹⁷ Ibid. – P. 370–378.

в Восточной Европе будет Польша, а не Россия. Правда, при рассмотрении этого сообщения в Форин Офис коллеги Р. Липера высказывали сомнения в реалистичности этого прогноза³¹⁸. Однако Р. Липер продолжал в начале 1928 г. отправлять Дж. О. Чемберлену сообщения, в которых отстаивал тезис о недооценке в Великобритании потенциальной роли Польши в Восточной Европе, возможностей активизации экономических отношений с ней³¹⁹.

Лоббирование Р. Липером идеи активизации англо-польской торговли с целью добиться благоприятного положения в предстоящей конкуренции с Германией вызывало симпатию у Дж. О. Чемберлена, но во внутриведомственной переписке он высказывал сомнение в способности британского правительства повлиять на британские торговые круги: «даже если мы, например, вынудим британскую прессу уделять особое внимание Польше, такое внимание, хоть со временем и может повлиять на общественное мнение, не окажет влияния на нынешнее мнение среднего британского торговца»³²⁰. То есть можно говорить об ещё одном препятствии на пути роста значения Польши в британской политике – отсутствии доверия британских деловых кругов к Польше как к потенциальному контрагенту.

Наряду с анализом перспектив англо-польского сотрудничества, прежде всего в экономической сфере, который стимулировала активность Р. Липера, вторым аспектом польской тематики, привлекавшим внимание британских политиков в условиях обострения англо-советских отношений, была перспектива польско-советского вооружённого конфликта. В мае 1928 г., по словам британского представителя в Польше, в её внешнеполитическое ведомство стала активно поступать информация о готовящейся со стороны Советской России агрессии в отношении соседних государств. Сам он, однако, рассматривал её, как основанную исключительно на теоретических измышлениях о том, что ухудшение экономической ситуации в Советской России подтолкнёт её правительство на какую-либо внешнеполитическую акцию, чтобы сохранить свой режим³²¹.

³¹⁸ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1971. – Vol. 4. European and security questions. 1927–1928. – P. 185–187.

³¹⁹ Ibid. – P. 285–287, 293–295.

³²⁰ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1973. – Vol. 5. European and security questions. 1928. – P. 68.

³²¹ Ibid. – P. 91–92.

Польское министерство иностранных дел демонстрировало англичанам уверенность в том, что в ближайшей перспективе конфликта не будет. Так в сентябре 1928 г. А. Залеский сообщал Р. Липеру, что не переживает по поводу возможной агрессии со стороны Советской России, так как та «не рискнёт подвергнуть себя опасности, вызванной гибелью её армии»³²².

Подтверждал эти выводы и анализ, проведённый британскими военными. В октябре 1928 г. глава имперского генерального штаба представил меморандум о военной ситуации, в котором также выразил сомнения в реальности агрессии в текущий момент со стороны СССР. Во-первых, граничащие с ним государства уже значительно укрепились; во-вторых, агрессия лишит его сохранявшейся симпатии за рубежом; в-третьих, военная акция может поставить под угрозу стабильность советского режима. Однако реальность угрозы конфликта в регионе в будущем он не отрицал. Она была связана с поступавшими по его данным в большом количестве в среде советского руководства рекомендациями вступить в войну против Польши, чтобы отвлечь население от внутренних проблем³²³.

Дополняет картину сообщение, присланное Р. Липером в начале декабря 1928 г. о содержании бесед британского военного атташе с польскими офицерами о ситуации в России. В сопровождавшем записи бесед комментарии Р. Липер указал, что согласен с рядом тезисов. В частности, что в поисках рынков сбыта США могут признать СССР, Германия же стремится к роли посредника в американо-советских отношениях; развитие этой тенденции может привести к складыванию двух экономических блоков – Англия-Франция-Польша и США-Германия-СССР, – из которых второй будет сильнее. Польшей движет стремление этого избежать, постараться занять роль посредника самой. В случае же дезинтеграции СССР и Германия, и Польша попытаются реализовать свои интересы. Германия попытается взять под контроль рынки новых государств и «выжать» Польшу из региона. Цель Польши – посредством поддержки национальных движений способствовать формированию дружественных государств на востоке от своих границ, обеспечив тем самым свою безопасность. Военная акция со стороны СССР против Польши в текущий момент считалась маловероятной³²⁴.

³²² Ibid. – P. 277–278.

³²³ Ibid. – P. 422–423.

³²⁴ Ibid. – P. 526–531.

Правильность предложенных прогнозов относительно ближайшего развития советско-польских отношений подтвердилась уже в начале 1929 г. 3 января Уильям Эрскин, новый английский посланник в Польше, сообщал в Лондон, что в Варшаву поступило предложение от СССР подписать дополнительный протокол к пакту Бриана-Келлога, не дожидаясь ратификации документа всеми подписантами. Британский дипломат считал, что это предложение вызвано сложным финансовым положением СССР, с одной стороны, и укреплением положения Польши, с другой. В таких условиях, по мнению У. Эрскина, СССР опасался Польши и действительно проявлял стремление к подписанию мирного пакта³²⁵. Как известно, Польша отнеслась к этому предложению положительно и 9 февраля 1929 г. в Москве был подписан «протокол Литвинова» представителями Эстонии, Латвии, Польши, Румынии и СССР.

Стоит обратить внимание на ещё один аспект оценки Польши со стороны британского истеблишмента периода обострения англо-советских отношений. Речь идёт о политике польского правительства по отношению к национальным меньшинствам, которая должна была регулироваться в соответствии с условиями Договора между Союзными и присоединившимися державами и Польшей от 28 июня 1919 г. (т.н. «малый Версальский договор» – Е. Д.). В условиях, словами Дж. О. Чемберлена, «изменения политики в отношении Польши» для британского правительства желательно было поддержание благоприятного имиджа польского режима в глазах общества, особенно, деловых кругов. Нападки со стороны оппозиционных депутатов, обвинения польских властей в притеснении национальных меньшинств такому имиджу однозначно не способствовали. Они компрометировали кабинет С. Болдуина в глазах избирателей. Например, обращение полковника Джосая Веджвуда в связи с положением белорусского населения, в котором тот интересовался наличием информации от английского посланника в Варшаве относительно ликвидации польским правительством «партии белорусского меньшинства». Дж. О. Чемберлен ограничился замечанием, что сообщения по этому вопросу существенно не отличаются от сообщений, появившихся в прессе, что спровоцировало критическое высказывание оппозиционного депутата: «можем ли мы заключить из этого ответа, что эта партия была подвергнута гонениям, и Лига Наций ничего не может сделать в этом вопросе?»³²⁶.

³²⁵ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1975. – Vol. 6. – P. 25–26.

³²⁶ Poland. 6 April, 1927 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1927/apr/06/poland>. – Date of access : 18.04.2025.

Представителям Форин Офис в парламенте требовались убедительные аргументы для ответов в таких случаях. Например, в мае 1929 г. У. Эрскин в секретном сообщении на имя Дж. О. Чемберлена изложил по запросу последнего свои замечания по поводу информации, содержащейся в обращении к главе Форин Офис депутата-лейбориста Дж. Беккета. Темой обращения было положение украинского и белорусского меньшинств в Польше. Аргументы британского дипломата сводилась к следующему. Во-первых, с приходом к власти Ю. Пилсудского ситуация, в том числе и материальное положение, улучшилось. Во-вторых, положение прессы сложное, но цензуру проходят не только издания нацменьшинств, кроме того, есть возможность апелляции; все заведённые дела были связаны не с национальным вопросом, а с подозрением в связи с коммунистами. В-третьих, в ответ на обвинение в ограничении в политических правах британский дипломат писал об имевшемся украинском представительстве в парламенте. В-четвёртых, в ответ на обвинение польских властей в создании заведомо тяжёлых тюремных условий для заключённых из числа нацменьшинств, У. Эрскин писал, что условия содержания зависели не от национальности заключённых, а от региона, так как у польских властей пока нет достаточно ресурсов³²⁷.

Обновление ситуации в регионе в связи с подписанием 9 февраля 1929 г. «протокола Литвинова» и смена полномочного посланника в Варшаве подтолкнули Дж. О. Чемберлена в марте 1929 г. запросить новую оценку перспектив англо-польских отношений. У. Эрскин не замедлил с ответом. По его мнению, оценки, высказанные Р. Липером, основаны на изрядной доле оптимизма. В качестве довода британский дипломат указал на то, что Польша является «новой и лишь частично развитой страной». У. Эрскин считал, что перспективы инвестирования в Польшу такие же, как и во многих других частях света, куда приходит британский капитал. Его предложения заключались в том, чтобы Торговая палата избегала критических комментариев в адрес Польши в беседах с заинтересованными бизнесменами. Комментируя идею Р. Липера об использовании Польши для экономического проникновения в СССР, посол в Варшаве подчеркнул, что рассматривать эту идею ещё рано, но отбрасывать её не стоит; да и польский бизнес организует свою работу вполне с учётом такой перспективы³²⁸.

³²⁷ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1975. – Vol. 6. – P. 318–319.

³²⁸ Ibid. – P. 177–180.

Примечательно, что в вопросе, непосредственно связанном с его собственным карьерным ростом, У. Эрскин проявил значительно больший энтузиазм. Речь идёт об обсуждении вопроса о преобразовании дипмиссии в посольство Великобритании в Варшаве. По этому поводу он писал Дж. О. Чемберлену, что с учётом планов Италии создать в Варшаве посольство поляки не поверят, что у «второй богатейшей страны мира» нет средств на содержание посольства; отказ от создания посольства будет воспринят как признак недружелюбия или безразличия, поддержки немецкого отношения к Польше. Это увеличит связь Польши с Францией и нанесёт удар по британским коммерческим интересам. Однако Дж. О. Чемберлен не вдохновился этими доводами настолько, чтобы принять соответствующее решение немедленно³²⁹. Хотя позже в 1929 г. британское посольство в Варшаве было открыто. Осенью 1929 г. окончился и период обострения в англо-советских отношениях. Лейбористское правительство в октябре 1929 г. восстановит официальные дипломатические отношения с Советским Союзом, а в апреле 1930 г. будет подписано временное англо-советское торговое соглашение.

Таким образом, в условиях обострения англо-советских отношений в 1927–1929 гг. появилась возможность для занятия Польшей более значимого места в политике Великобритании, однако в рассмотренное время она не нашла полной реализации.

2.5 Экономический аспект англо-польских отношений во второй половине 1920-х годов

Среди последствий Первой мировой войны отмечается медленное возрождение торговли. В середине 1920-х гг. восстановление торговли задерживали тарифные конфликты между Германией, с одной стороны, и Польшей с Францией, с другой. Великобритания в 1920-е гг. с трудом сохраняла положительный платёжный баланс и теряла важные экспортные рынки из-за упадка основных отраслей³³⁰. Ещё одним последствием войны стало, по выражению российского

³²⁹ Ibid. – P. 182–183.

³³⁰ Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени : в 2 т. / под. ред. С. Бродберри [и др.]. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. – Т. 2: 1870 – наши дни. – 2014. – С. 245.

исследователя И. Э. Магадеева, появление в политике «экономического тренда», утверждение идеи о теснейшей связи экономики и сферы финансов с политикой³³¹.

26 июля 1926 г. на заседании британского Кабинета постоянный заместитель госсекретаря в Форин Офис У. Тиррел представил меморандум на тему существовавших угроз для внешней политики Великобритании. Британский дипломат исходил из тезиса о том, что политика Великобритании направлена на достижение двух основных целей: защита Империи и продвижение торговли. Жизненно важным для такого продвижения было достижение мирного урегулирования в Европе. Последнее было недостижимо до установления нормальных польско-германских отношений³³². Таким образом, в середине 1920-х гг. отчётливо обозначилась связь между экономикой и дипломатией: продвижением торговли – одной из основных целей британской внешней политики – и оценкой позиции Польши в европейской политике.

Англо-польские торгово-экономические отношения к середине 1920-х гг. развивались по следующей схеме: в феврале 1924 г. был подписан англо-польский торговый договор, который позволил английским фирмам получить доступ к польскому экономическому пространству. Однако Польша также надеялась на получение займа, необходимого для стабилизации валюты. Она обратилась к Великобритании, но заём предоставлен не был³³³.

В середине 1920-х гг. выделилось несколько вопросов, привлекавших интерес британских государственных деятелей к польской экономической жизни. Первый из них – польско-германские торговые переговоры. Ещё в октябре 1924 г. торговый секретарь в Варшаве указывал на их важность для Польши. Он также высказал мнение, что если в переговоры проникнут вопросы политические, то они станут невозможны³³⁴. В данном случае речь шла о ревизионистских претензиях Германии в отношении германо-польской границы и вопросе о положении немецкого населения на территориях, отошедших к Польше.

³³¹ Магадеев, И. Э. Первая мировая война и трансформация представлений о мировой политике: взгляд французских и британских государственных деятелей в 1920-е годы / И. Э. Магадеев // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. - Вып. 3. / Отв. ред. А. Ю. Павлов [и др.] . – Санкт-Петербург : Русская Христианская гуманитарная академия (РХГА), 2015 . – С. 355–368.

³³² СР № 301(26)–375(26) ... – Р. 11–12.

³³³ Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918 – 1939 гг. / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2001. – С. 123–124.

³³⁴ British documents on foreign affairs... Vol. 38. Germany, 1927 / ed. J. Noaks. – P. 66–68.

Летом 1925 г. после отказа Германии на просьбу Польши о беспрепятственном ввозе польских товаров, особенно угля из Верхней Силезии, переговоры приостановились, развернулась таможенная война³³⁵. Её нельзя считать уникальным в то время явлением: к середине 1920-х гг. таможенные тарифы по сравнению с 1913 г. были значительно повышены во многих странах Европы³³⁶. Однако, учитывая значимость позиции Германии для стабилизации ситуации в Европе и остроту германо-польских отношений, именно ход торговых переговоров между этими странами находился в объективе внимания британских политиков.

Второй вопрос, привлекавший внимание британского истеблишмента, был связан с такой важной статьёй британского экспорта как уголь. Польша рассматривалась в Великобритании как конкурент в этом деле, хоть степень серьёзности конкуренции в 1925 г. не оценивалась как значительная. В отчёте комиссии по изучению состояния угольной промышленности за 1925 г. отмечалось, что с момента передачи Польше шахт Верхней Силезии она занимала четвертое место в мире среди стран-экспортеров. Её рынки сбыта находились в соседних государствах Центральной Европы; с тех пор, как ее естественный рынок в Германии был закрыт, она пыталась найти новые точки в тех местах (например, в Скандинавии и Италии), в которые Великобритания обычно поставляла уголь. Авторы отчёта допускали, что британский экспорт может косвенно пострадать от увеличения польского экспорта в другие страны³³⁷. Таким образом, британским экономическим интересам способствовала нормализация польско-германских отношений, которая бы позволила сориентировать часть польского экспорта угля на Германию.

1926 год принёс новые осложнения в ход польско-германских торговых переговоров³³⁸. Забастовка английских горняков в 1926 г. открыла более широкий доступ для польского угля на рынки Скандинавии³³⁹.

В 1927 г. польско-германские торговые переговоры снова осложнились³⁴⁰. Обе участницы переговоров пытались привлечь Великобританию

³³⁵ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – P. 36–37.

³³⁶ Кембриджская экономическая история ... – С. 216.

³³⁷ CP № 101(26)–200(26)... – P. 80–81.

³³⁸ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – P. 36–37.

³³⁹ Nowak-Kielbikowa, M. Op cit. – S. 136.

для оказания дипломатического нажима на вторую сторону. Немецкие дипломаты намекали на желательное для Германии давление на Польшу со стороны Великобритании в вопросе уступок в ходе переговоров о торговом соглашении. В своём письме Дж. О. Чемберлену посол в Берлине Р. Линдси признавал, что этот посыл может быть справедливым, но сложно реализуемым. В беседе же с немецким дипломатом он призывал Германию быть терпеливой при выстраивании отношений с Польшей, государством «не только новым, но также крайне националистическим и не менее невежественным в искусстве управления»³⁴¹. Со стороны польских дипломатов доводилась информация, что немецкая сторона декларирует возможность улучшения отношений только после возврата территории «коридора» и части Силезии. Показательно, что во внутриведомственной переписке глава Форин Офис выразил сожаление лишь о риторике немецких дипломатов, но пересмотр германо-польской границы в будущем не исключал³⁴².

Далее на протяжении 1927 г. высказывания политиков двух стран, участниц торговых переговоров, не способствовали их продвижению³⁴³.

В том же году обострилась ситуация в сфере конкуренции в торговле углём. Уже в отчёте, подготовленном в конце 1926 г., была отмечена тенденция более значительного роста цен на британский уголь, чем на польский³⁴⁴. Это не могло не сказаться на англо-польской конкуренции в этой сфере. В каждом ежемесячном обзоре до конца 1927 г. подчёркивался значительный рост экспорта угля из польской Силезии³⁴⁵. Вариант выхода из этой ситуации английское министерство торговли видело в урегулировании польско-германских торговых отношений. В своём меморандуме от 12 апреля 1927 г. глава министерства торговли признавал, что тот факт, что польский уголь в настоящее время не может найти рынок сбыта на территории Германии, вытесняет этот уголь на все рынки Балтии. Если бы что-то

³⁴⁰ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – P. 36–37.

³⁴¹ British documents on foreign affairs... Vol. 38. Germany, 1927 / ed. J. Noaks. – P. 52–53.

³⁴² Ibid. – P. 3–4.

³⁴³ Ibid. – P. 37.

³⁴⁴ CP № 1(27)–50(27)... – P. 126.

³⁴⁵ CP № 301(27)–327(27) – P. 141 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-190.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

было сделано для облегчения существующей экономической ситуации между Польшей и Германией, это принесло бы материальную выгоду британскому углю³⁴⁶. Однако, как уже отмечалось, достижения прогресса в польско-германских торговых переговорах не происходило.

Польша не была единственным конкурентом Великобритании в торговле углём. Но Советом по делам внешней торговли она характеризовалась как «особенно сложный конкурент»³⁴⁷. В переданном в Кабинет в августе 1927 г. обзоре анализировались причины высокой конкурентоспособности польского угля: экономия на зарплатах работников и субсидии польского правительства на доставку угля в балтийские порты³⁴⁸. Оказать влияние на оба эти обстоятельства Великобритании было сложно, потому большое значение имел поиск других способов ослабления польской конкуренции.

Вариантом преодоления ущерба от растущей конкуренции со стороны польского угля мог быть доход от британского экспорта в Польшу. Роль Польши как потенциального рынка для британских товаров, а также как плацдарма для проникновения британских товаров далее в восточном направлении высоко оценивал британский дипломат Реджинальд Липер. 24 декабря 1927 г. он представил анализ перспектив англо-польского торгово-экономического взаимодействия, а также обрисовал его политический аспект. Он писал, что за Польшей с первых лет её независимости в деловых кругах лондонского Сити закрепилась дурная слава. «Вскоре после войны она стала рассматриваться, и небезосновательно, как элемент нестабильности в Европе»³⁴⁹. По мнению Р. Липера, по-другому и быть не могло, так как насущной необходимостью для Западной Европы было

³⁴⁶ CP № 101(27)–150(27) – P. 154 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-186.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

³⁴⁷ CP № 151(27)–200(27) – P. 116–117 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-187.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

³⁴⁸ CP № 201(27)–250(27) – P. 175 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-188.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

³⁴⁹ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1971. – Vol. 4. European and security questions. 1927–1928. – P. 198.

заклучение быстрого мира, а Польша «оттягивала этот счастливый день». Р. Липер дал яркую характеристику, существующим в деловых кругах Лондона представлениям о Польше: она нестабильна политически, нечестно ведёт бизнес, находится под постоянной угрозой нападения или захвата со стороны более сильного восточного соседа – России, – которая рано или поздно «восстановится и захочет мести <...> поляки печально известны отсутствием способности к самостоятельному управлению», для них характерна коррумпированность, отсутствие деловой этики. Автор, однако, уверен, что на текущий момент политическая стабильность в Польше была важна для его страны, так как она «поддерживала баланс в Европе и сдерживала большевизм». Потому для будущих близких отношений необходимо было готовить почву в Великобритании. Необходимо, чтобы англичане знакомились с Польшей сами. Британский дипломат признавал, что нельзя притворяться, что Польша «достигла британских стандартов в вопросах управления и бизнеса», но вместе с тем, заявлял, что очевиден и прогресс, а в Великобритании угроза со стороны России традиционно преувеличена³⁵⁰. Как видим, в лице Р. Липера идея активизации англо-польских торгово-экономических контактов получила яркого лоббиста.

Однако усилиям Р. Липера противодействовали оценки, представленные Советом по делам внешней торговли. По итогам 1927 г. в зависимости от доходов от экспорта зарубежные страны были поделены на четыре категории. Польша (5 млн фунтов), как и Советская Россия (4,5 млн фунтов), была отнесена лишь к третьей по важности группе. Отмечалось, что доход от польского рынка не может значительно влиять на состояние торговли и промышленности в Великобритании, хоть и признавалось, что ближайшие перспективы этого направления благоприятны³⁵¹. Таким образом, наиболее реальной перспективой улучшения ситуации с экспортом британского угля оставалось урегулирование германо-польских отношений.

В начале 1928 г. наметились перспективы заключения польско-германского торгового соглашения. В своей речи 30 января Г. Штрезман специально остановился на противоречиях между аграрными и промышленными кругами Германии по вопросу заключения торгового

³⁵⁰ Ibid. – P. 197–200.

³⁵¹ CP № 351(28)–415(28) – P. 20–21, 23–24 // The NA [Electronic resource] – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-199.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

соглашения и подчеркнул примат интересов промышленников, требовавших рынков для своей продукции³⁵². Хотя встреча между немецкими и польскими дипломатами по вопросу торгового соглашения была отложена, основные вопросы – квоты на поставку угля, леса и свиней из Польши в Германию – немецкой стороной были проработаны³⁵³. Эти обстоятельства порождали надежду на прогресс в деле заключения торгового соглашения.

Чем были вызваны эти видимые положительные сдвиги? Особое беспокойство и дипломатическую активность Польши в 1928 г. вызывал вопрос о досрочной эвакуации Рейнской области. Это решение неоднозначно оценивалось и представителями британской дипломатии. В октябре 1928 г. британский дипломат У. Сидс писал, что прекращение оккупации Рейнской области произведёт не тот эффект, который ожидается: после эвакуации иностранных войск Германия станет сочетать экономическое развитие со стремлением к исправлению восточной границы. Он задавался вопросом, не означает ли «конструктивное» сотрудничество поощрение нового раздела Польши³⁵⁴. В таких обстоятельствах польские дипломаты попытались добиться от Франции дополнительных гарантий безопасности своего государства: они предлагали проекты соглашений, размещение в Польше артиллерийских складов, получение кредитов на довооружение. Безуспешность этих попыток стимулировала Польшу к поиску иных механизмов гарантий³⁵⁵. С одной стороны, предполагалось, что Польша, пытается укрепить свою позицию с помощью Италии или Венгрии³⁵⁶. С другой стороны, Польша предпринимала тактические шаги по модификации политики в отношении Германии, что внешне проявилось в признаках сближения. Там Великобритания пыталась выступать в качестве посредника. Прогресс выразится в заключении 31 октября 1929 г. соглашения о взаимном отказе от финансовых претензий (ликвидационного соглашения)³⁵⁷, ратификация которого затянулась до марта 1930 г.

³⁵² British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. : From the First to the Second World War. – Ser. F. Europe, 1919–1939. – Bethesda : University Publications of America, 1993. – Vol. 39. Germany, 1928 / ed. J. Noaks. – P. 16–20.

³⁵³ Ibid. – P. 74.

³⁵⁴ Ibid. – P. 243–245.

³⁵⁵ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 208–209.

³⁵⁶ British documents on foreign affairs... Vol. 39. Germany, 1928 / ed. J. Noaks. – P. 115.

³⁵⁷ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 209–210.

Тем временем в сфере экспорта угля ситуация продолжала ухудшаться. В январе 1928 г. глава Совета по делам внешней торговли констатировал, что экспорт угля из Соединенного Королевства в Норвегию, Швецию и Данию продолжал сокращаться. Виной этому была конкуренция польского угля³⁵⁸. Такая же тенденция сохранялась на протяжении всего года. В ноябре глава Совета по делам внешней торговли вынужден был констатировать, что «конкуренция с Польшей по-прежнему была столь же жесткой, как и раньше, и наша страна не в силах справиться с ней»³⁵⁹. То есть формировалась устойчивая оценка Польши как британского конкурента в сфере экспорта угля.

Только Р. Липер продолжал лоббировать англо-польское экономическое сотрудничество, подчёркивая, что главным экономическим соперником Великобритании является Германия. В ноябре 1928 г. он описывал польскую оценку политической ситуации: Германия с помощью американского капитала хочет выдавить Великобританию с европейских рынков или вынудить её торговать со странами Центральной и Восточной Европы, преимущественно, Польшей, используя Германию как посредника. Р. Липер писал, что Польша видит в Великобритании государство, способное поддерживать равновесие в Европе. Однако поляки считают, что об их стране мало известно, им мало доверяют, что мешает налаживанию торговли. Польша заинтересована в торговле, так как считает, что Лондон будет использовать её посредничество для торговли с СССР. Польша подчёркивает, что при налаживании деловых отношений с СССР Германия может стать конкурентом Великобритании, а Польша им не станет, что должно делать её более привлекательной в качестве посредника³⁶⁰. Однако, обрисованная британским дипломатом перспектива была далёкой и трудоёмкой. В текущей же ситуации 1929 г. польская конкуренция ощущалась как значительная проблема.

Более благоприятные обстоятельства для торговли британским углём складывались лишь время от времени, в частности, в начале

³⁵⁸ CP № 1(28)–50(28) – P. 22 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-192.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

³⁵⁹ CP № 301(28)–350(28) – P. 342 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-198.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

³⁶⁰ British documents on foreign affairs... Vol. 39. Germany, 1928 / ed. J. Noaks. – P. 285–287.

1929 г., когда вывоз польского угля через порты Гдыня и Данциг был закрыт в связи с обледенением, а погода в Европе оставалась холодной³⁶¹. Однако глава торговой палаты признал, что «мы едва ли были в состоянии воспользоваться падением перевозок по морю, поскольку замороженное состояние портов повлияло как на наши импортные возможности, так и на их экспортные возможности³⁶². В июньском обзоре торговли он отметил, что экспорт угля за первые четыре месяца этого года увеличился. Однако увеличение экспорта означало не то, что Великобритания перехватила торговлю у Польши, а что торговля расширилась³⁶³.

Сохранение значительной конкуренции со стороны Польши вынуждало представителей торгового ведомства Великобритании проводить оценку рисков, с ней связанных, и в условиях затягивания подписания польско-германского соглашения искать другие варианты уменьшить польскую конкуренцию. В июньском меморандуме главы торговой палаты отмечалось, что малейшего намека на возможные проблемы с рабочей силой в угольной промышленности будет достаточно, чтобы нанести значительный ущерб экспортной торговле³⁶⁴. Оценивая будущее англо-польской конкуренции, глава торгового ведомства писал, что к 1930 г. будет открыта новая железнодорожная ветка от карьеров до Данцига и Гдыни, что значительно увеличит возможности по перевозке угля для Польши. Единственным вариантом успеха в этой конкуренции выступало, по его мнению, снижение цен английским бизнесом и создание равных условий для ведения угледобычи в странах-конкурентах: в вопросах рабочих часов, зарплаты и условий труда. Этой проблемой занимались Международное бюро труда и Экономический комитет Лиги Наций³⁶⁵.

³⁶¹ CP № 51(29)–100(29) – P. 401 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-202.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

³⁶² CP № 101(29)–150(29) – P. 243 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-203.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

³⁶³ CP № 151(29)–200(29) – P. 119 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-204.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

³⁶⁴ Ibid. – P. 303.

³⁶⁵ CP № 151(29) – 200(29) ... – P. 310–311.

Наконец, 11 марта 1930 г. был подписан германо-польский торговый договор. Однако с началом Великой депрессии правительства перешли к политике «разори соседа», заключённый договор не вступил в силу. Летом 1930 г. германо-польские отношения вновь ухудшились, пресса обеих сторон активно критиковала друг друга, на границе имели место инциденты³⁶⁶.

Таким образом, во второй половине 1920-х годов продвижение британской торговли значительно влияло на оценку британскими политиками места Польши в европейских отношениях.

Во-первых, налаживание торговых отношений требовало достижения мирного урегулирования на европейском континенте, острые польско-германские отношения рассматривались как препятствие на пути к этой цели.

Во-вторых, переход угольных шахт Верней Силезии от Германии к Польше по условиям мирных соглашений после Первой мировой войны превратил её в конкурента для британской угольной промышленности. В качестве меры для смягчения этой конкуренции рассматривалась нормализация польско-германских отношений, но попытки реализации польско-германских торговых переговоров во второй половине 1920-х гг. оказались малопродуктивны. Прежде всего ходу желательных для Великобритании торговых переговоров мешала острота политических отношений между Польшей и Германией, связанная с притязаниями Германии на пересмотр её послевоенной восточной границы.

В-третьих, Польша рассматривалась как потенциальный рынок для британской продукции и финансов, а также плацдарм для налаживания экономических отношений с СССР. Однако британской элитой Польша оценивалась как элемент нестабильности в Европе, что очень затрудняло налаживание экономических отношений с ней.

2.6 Балтийский вектор польской политики во второй половине 1920-х годов

В документах Форин Офис и Кабинета второй половины 1920-х гг. нашли отражение два вопроса, связывавших Польшу и регион Восточной Прибалтики: Восточный пакт или «Восточное Локарно» и проблема польско-литовских отношений.

³⁶⁶ Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны... – С. 126–127.

Обсуждение первого из них инициировала немецкая дипломатия. В сообщении от 26 февраля 1926 г. из Риги отмечалось, что немецкий дипломат проявлял большой интерес к попыткам Польши реализовать проект соглашения, включив в него Советскую Россию, страны Прибалтики, Швецию, Финляндию. Он подчеркнул, что целью политики Германии было не допустить успеха попыток Польши сформировать подобный союз, так как он будет враждебен Германии. Он видел Восточный пакт лишь с участием Германии, Советской России и прибалтийских стран. Английская сторона обозначила свою позицию, указав, что Великобритания заинтересована в любых предложениях по поддержанию безопасности во всех регионах, но не готова давать рекомендации о форме какого-либо восточноевропейского пакта. При этом английские дипломаты заметили, что реализация немецкой формулы является политикой «окружения Польши» и в Западной Европе её не поддержат. По итогам беседы немецкий дипломат подчеркнул, что никакое соглашение между Польшей и Германией невозможно при текущей линии границы³⁶⁷. Таким образом, в начале 1926 г. Великобритания, декларируя отказ от рекомендаций о форме восточноевропейского пакта, всё же обозначила один критерий: поддержка в Западной Европе, что означало и поддержку со стороны союзной Польше Франции.

В течении 1926 г. в международных отношениях произошёл ряд важных политических перемен, в результате которых Германия укрепила свои позиции: в апреле был подписан германо-советский договор о нейтралитете, а в сентябре Германия стала членом Совета Лиги Наций. В мае произошёл переворот в Польше, в результате к власти пришёл Ю. Пилсудский, что вызывало опасения обострения польско-литовского конфликта. СССР активизировал переговоры о заключении договоров о ненападении с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, в результате которых 28 сентября был подписан договор о ненападении и нейтралитете между Литовской республикой и СССР. В это же время начали обостряться англо-советские отношения.

В январе 1927 г. по запросу Кабинета в Форин Офис был подготовлен уже упоминавшийся нами ранее меморандум с анализом международных последствий разрыва англо-советских отношений. В нём отмечалось, что он обострит отношения в Центрально-Восточной Европе, Литва в поисках защиты может сблизиться с СССР³⁶⁸.

³⁶⁷ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1966. – Vol. 1. The Aftermath of Locarno 1925–1926. – P. 471–473.

³⁶⁸ СР № 1(27)–50(27)... – P. 203.

Со своей стороны, в начале февраля 1927 г. министр иностранных дел Германии Г. Штресеман выразил озабоченность английскому представителю в Берлине развитием событий в прибалтийском регионе. Он высказал подозрения, что Варшава концентрирует вооружённые силы, намереваясь установить свой протекторат над Литвой, и заявил, что это чревато «войной без границ», сославшись на предупреждения, прозвучавшие в беседе с наркомом СССР Г. Чичериным. Последний, по его словам, подозревал Великобританию в намерении «окружить Россию», а Германию – в намерении обменять Мемель и Литву на «коридор», отделявший восточную часть Германии от западной по решению Парижской мирной конференции. Г. Чичерин допускал, что слабое государство «типа Литвы» следует поместить между СССР и Германией, но его страна будет сражаться против занятия этой роли Польшей, так как при условии доступа к морю и возможности помощи из Западной Европы та станет почти «первоклассной державой»³⁶⁹.

16 февраля немецкая дипломатия вновь интересовалась позицией Великобритании по вопросу польско-литовских отношений, подчеркнув, что и Франция, и Италия не рассматривают никакой формы протектората Польши над Литвой³⁷⁰. То есть, Германия опасалась, что Польша усилится и окружит Восточную Пруссию, потому использовала ссылку на позиции Франции и Италии, а также фактор «угрозы со стороны СССР», чтобы склонить Великобританию к давлению на Польшу с целью сдерживания последней и не допущения в регион прибалтийских стран в любой форме.

Дж. О Чемберлен пытался снизить нарастающее напряжение в связи с польской политикой в прибалтийском регионе. В его телеграмме с инструкциями по этому вопросу содержались уверения, что он не видит непосредственной опасности в этом регионе, и просьбы информировать, если что-то станет известно в Берлине³⁷¹. Очевидно, что это не отражало его реальную оценку ситуации. Ещё 22 января в письме к своей сестре он сообщал о письме из Форин Офис, в котором Германия, Польша и Литва характеризовались как «крайне раздражённые и раздражающие друг друга в текущий момент» и содержался призыв к главе Форин Офис использовать весь его «такт» для беседы с их представителями для успокоения³⁷².

³⁶⁹ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – P. 16–17.

³⁷⁰ Ibid. – P. 36–39.

³⁷¹ Ibid. – P. 39.

³⁷² The Austen Chamberlain diary letters... –P. 309.

В течение нескольких последующих месяцев в условиях обострения англо-советских отношений (разрыв произойдёт 27 мая – Е. Д.) значимость событий, происходивших в прибалтийском регионе, возрастала. По мнению многих политиков, отражённому в соответствующих газетных публикациях, этот разрыв ставил прибалтийские страны в ситуацию выбора своей внешнеполитической ориентации, хоть британский представитель в Риге и заверял своего советского коллегу в отсутствии попыток со стороны его государства создать антисоветский блок в регионе³⁷³. Уровень подозрительности со стороны Великобритании также повысился. В частности, в условиях сохранявшего остроту польско-литовского конфликта Дж. О. Чемберлен сам инициировал беседу с немецким послом на соответствующую тему. В ходе беседы он высказал подозрение, что Литву поощряют к непримиримой позиции по отношению к Польше агенты Советской России, а также, признавая исчерпанность средств со стороны Великобритании, интересовался, может ли Германия оказать давление на Литву. Основную причину своей озабоченности он связывал с угрозой использования Польшей механизма Лиги Наций в случае развития конфликта, что может повлечь масштабную войну³⁷⁴.

Параллельно летом 1927 г. британские дипломаты регулярно мониторили обсуждение проектов «Восточного Локарно» и реакцию на них в Германии. 13 июля в донесении из Варшавы Дж. О. Чемберлену сообщали о реакции немецкой прессы на тезис министра иностранных дел Польши А. Залеского о «Восточном Локарно». В немецких газетах подчёркивалась «невозможность для Германии согласиться на такого рода расширение гарантии, признанной в отношении её западной границы». Польские же издания писали, что их немецкие коллеги неправильно интерпретировали эту идею. Она относится к соглашению между Польшей, СССР и его «пограничными государствами», а не к польско-германской границе, линию которой Польша не намерена обсуждать. Польская «Gazeta Warszawska Poranna» также писала, что «Восточное Локарно» будет бесполезно без гарантий со стороны Великобритании и Италии, как и Франции³⁷⁵.

³⁷³ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – P. 118–120.

³⁷⁴ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1973. – Vol. 5. European and security questions. 1928. – P. 157.

³⁷⁵ British documents on foreign affairs... Vol. 38. Germany, 1927 / ed. J. Noaks. – P. 249–251.

В сентябре 1927 г. Польша предприняла попытку расширить международные гарантии своих границ. Она озвучила на восьмой сессии Ассамблеи Лиги Наций идею общей декларации всех членов Лиги и стран, не входящих в Лигу, о намерении отказаться от войны, как способа решения международных споров. Польский проект гласил, что все агрессивные войны запрещены, и содержал призыв от имени Лиги приступить к заключению пактов о ненападении. Этот проект в прессе получил название «Восточное Локарно». Однако принятая 24 сентября резолюция содержала лишь рекомендацию задействовать мирные средства для решения возникающих споров, а рекомендация о заключении пактов о ненападении между всеми членами Лиги была снята³⁷⁶.

То есть к осени 1927 г. Польше не удалось реализовать в каком-либо формате проект Восточного пакта, при этом Великобритания заняла очень сдержанную позицию в этом отношении, рассматривая в качестве главных факторов развития ситуации позиции Германии и СССР, не желавших усиления роли Польши в восточнобалтийском регионе, а также Франции, не желавшей ослабления позиций своего польского союзника.

С середины осени обозначился виток обострения польско-литовских отношений, осложнивший ещё более реализацию проекта «Восточного Локарно». В октябре 1927 г. А. Залеский специально приехал обсудить с Дж. О. Чемберленом состояние «технической войны» в литовско-польских отношениях. Польский дипломат обращался с просьбой повлиять на литовское правительство, чтобы оно выполнило просьбу польской стороны об издании декларации о состоянии мира с Польшей. Глава Форин Офис обещал вникнуть в эту ситуацию, но поспешил предупредить польского коллегу, что любая попытка поляков добиться сатисфакции от Литвы силой настроит британцев против Польши: «Польша рассматривается многими кругами как достаточно беспокойное государство, источник опасности для мира в Европе. Польскому правительству нужно более, чем любому другому, проводить политику величайшего терпения и умеренности. Эпизод с Вильно (заятие города отрядами Л. Желиговского с последующим присоединением Виленщины к Польше в 1922 г. – Е. Д.) не был забыт, и хоть его результат был санкционирован Конференцией послов и навязан нам, он не был полностью прощён. И если сейчас действия польского правительства вызовут новые беспорядки, немедленные последствия

³⁷⁶ Родин, Д. В. Дискуссия вокруг польского проекта «Восточного Локарно» на VIII сессии ассамблеи Лиги Наций (сентябрь 1927 г.) / Д. В. Родин // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – №1. – С. 108 – 116.

будут мрачными <...> более серьёзные последствия Польша ощутит в тот день, когда она может оказаться в состоянии настоящей опасности, поддержка Лиги, симпатия других государств будут иметь большое значение для неё»³⁷⁷. 12 октября глава Форин Офис информировал коллег по британскому Кабинету о своей беседе с А. Залеским, обозначив, что премьер-министр Франции занимал такую же позицию³⁷⁸.

В ноябре 1927 г. Дж. О Чемберлен вновь привлёк внимание коллег по Кабинету к остроте литовско-польских отношений, к намерению Литвы передать спор на рассмотрение Лиги Наций. При этом он выразил надежду, что благодаря сотрудничеству с Францией и Германией удастся добиться разрядки в этом вопросе³⁷⁹. В канун предстоящего в декабре заседания Совета Лиги глава Форин Офис снова обращал внимание Кабинета на риски, связанные с литовско-польскими отношениями. 30 ноября на заседании он говорил, что, если Литва будет настаивать на продолжении технического состояния войны с Польшей и на «выдумке (!), что Вильно является конституционно и по закону столицей Литвы», и Лига будет не в состоянии изменить эту ситуацию, никто не может предсказать, какие действия предпримет Ю. Пилсудский³⁸⁰.

В то же время польско-литовские отношения были частой темой в беседах британских дипломатов с их коллегами из других стран. Так британский посол в Берлине в конце октября 1927 г. инициировал беседу с министром иностранных дел Германии Г. Штреземаном о Литве. Последний признавал необходимость Литвы для Германии, которая не могла позволить Польше иметь выход к морю между ней и Россией. Также глава немецкой дипломатии высказал опасения по поводу литовско-польских отношений, отметив, что какое-то решение лучше найти закулисно до вынесения вопроса на заседание Совета Лиги в декабре³⁸¹.

³⁷⁷ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1971. – Vol. 4. European and security questions. 1927–1928. – P. 47–49

³⁷⁸ Cabinet Conclusions 31(27)–64(27), 1927 11 May – 22 December. – P. 291 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-55.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

³⁷⁹ Ibid. – P. 352.

³⁸⁰ Ibid. – P. 417.

³⁸¹ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1971. – Vol. 4. European and security questions. 1927–1928. – P. 55–57.

24 октября французский посол в Лондоне предложил организовать совместно с Италией демарш в Ковно (сегодня Каунас – Е. Д.), чтобы добиться взаимного признания польского и литовского правительств³⁸². Не дождавшись реакции, 28 октября французский посол вновь обратился с вопросом о «литовской ситуации», на что был получен ответ, что планируется создать специальную комиссию трёх (какой-либо представитель Дании, А. Бриан и Г. Штреземан) для предварительной выработки рекомендаций ввиду обращения Литвы к Лиге. Английские дипломаты рекомендовали и Польше обратиться в Лигу³⁸³. Схема, предложенная Дж. О. Чемберленом, вызывала недовольство у польских политиков. Как прокомментировал её А. Залеский, «Великие державы выводят из компетенции Совета споры, которые касаются их, но не возражают, чтобы великие державы решали споры между двумя меньшими государствами»³⁸⁴.

Свою оценку ситуации дал и английский посол в Варшаве, но сообщил её лишь главе Форин Офис: поскольку существование Литвы лежит в интересах Германии, она будет поддерживать мирное урегулирование спора между Польшей и Литвой, чтобы не дать первой повода начать наступление на Литву, остановить которое ни у России, ни у Германии сейчас недостаточно сил. Потому, возможно, влияние Германии и России будет использовано, чтобы подтолкнуть Литву прийти к разумному соглашению с Польшей³⁸⁵.

Опасения, что польско-литовский конфликт спровоцирует более масштабную войну, подогревались сообщениями о настроениях в Москве. Одно из таких сообщений Дж. О. Чемберлен представил в Кабинет в декабре 1927 г. Речь шла о содержании бесед с «большевиками, и даже с самим мистером Чичериным» по вопросам международных отношений. В ходе них у информаторов сформировалось впечатление, что СССР не готовит наступательной войны, но озабочен возможностью войны в ближайшем будущем. Там существовали подозрения, что у поляков есть враждебные намерения по отношению к Литве, есть опасность мятежа в Ковно, подобного тому, что был в Вильно (акция Л. Желиговского – Е. Д.). Эта ситуация будет поводом для вмешательства со стороны СССР «всеми силами»³⁸⁶.

³⁸² Ibid. – P. 72.

³⁸³ Ibid. – P. 72–73.

³⁸⁴ Ibid. – P. 78–79.

³⁸⁵ Ibid. – P. 133–135.

³⁸⁶ CP № 301(27)–327(27)... – P. 87–88.

То есть урегулирование отношений между Польшей и Литвой рассматривалось в Великобритании как крайне желательное, так как их обострение могло посредством механизмов Лиги Наций затронуть саму Великобританию. При этом у английских дипломатов сохранялся взгляд на Польшу и Литву как, соответственно, профранцузское и пронемецкое государства, схему урегулирования отношений между которыми должны выработать их «патроны».

7 – 10 декабря 1927 г. прошли заседания Совета Лиги, в ходе которых было достигнуто польско-литовское соглашение: Польша обязалась уважать политическую независимость и территориальную целостность Литвы, а Литва заявила, что не считает себя в состоянии войны с Польшей. Великобритания добилась в Совете создания специальной комиссии по наблюдению за ходом польско-литовских переговоров³⁸⁷.

Итоги декабрьских решений были прокомментированы Дж. О. Чемберленом как «удовлетворительное решение польско-литовского спора» и «иллюстрация того, как многое может быть достигнуто, когда Берлин, Париж и Лондон находятся в согласии»³⁸⁸.

После сглаживания остроты литовско-польских отношений в дипломатических беседах вновь стала подниматься тема Восточного пакта. 10 декабря 1927 г. Дж. О. Чемберлен в беседе с Г. Штреземаном передавал тому слова А. Бриана о возможной необходимости после урегулирования польско-литовского конфликта подписать пакт о ненападении между прибалтийскими странами, СССР, Германией, Польшей, Румынией. Он также предлагал Г. Штреземану поразмышлять об этом. Последний при этом назвал помимо осложнявшей реализацию этого проекта проблемы Бессарабии, на которую указал и Дж. О. Чемберлен, также проблему «польского коридора», так как Германия «никогда не признает» постоянного отделения от неё Восточной Пруссии. В ходе беседы выяснилось, что А. Бриан поднимал эту же тему в разговоре с Г. Штреземаном, и предположил, что, если бы Польше гарантировали транзит, владение свободным портом Данциг и, «возможно, Мемелем», названную проблему можно было урегулировать. Оба политика проявляли склонность предполагать, что непосредственно в переговорах с Ю. Пилсудским удастся достичь урегулирования вопроса о коридоре³⁸⁹.

³⁸⁷ Мельтюхов, М. И. Прибалтийский плацдарм... – С. 299–301.

³⁸⁸ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1971. – Vol. 4. European and security questions. 1927–1928. – P. 180.

³⁸⁹ Ibid. – P. 180–182.

Здесь следует отметить, что 22 декабря Англия и Франция сообщили Литве, что считают решение 1923 г. по Виленскому вопросу (признание включения Виленщины в состав Польши – Е. Д.) окончательным³⁹⁰. Это решение подтверждает оценку, данную польским историком, современником тех событий, Здзиславом Будецким: «англосаксонские государства апеллировали к идее самоопределения народов, но лишь более сильных в спорных ситуациях»³⁹¹.

Таким образом, роль «разменной монеты» при решении вопроса о реализации проекта восточноевропейского пакта Великобританией отводилась Литве, Польша теперь выступила как государство, позиция которого подлежала учёту и обсуждению, однако позиция Германии оставалась приоритетным по сравнению с ней фактором.

Однако скорой реализации проекта Восточного пакта не последовало. С одной стороны, начало польско-литовских переговоров о полной нормализации отношений затягивалось. В ходе мартовских переговоров 1928 г. примирения достигнуто не было³⁹². В течении весны 1928 г. у британских политиков сохранялось представление об остроте польско-литовских отношений³⁹³. Глава Форин Офис оказывал нажим на литовскую сторону. В мае 1928 г., принимая премьер-министра Литвы А. Вольдемараса, Дж. О. Чемберлен подчёркивал, что бескомпромиссная позиция Литвы в переговорах с Польшей не встретит симпатии у Великобритании и у других членов Лиги Наций³⁹⁴.

В ответ Литва предприняла попытки укрепить свои позиции. 24 сентября она обменялась с СССР нотами, предоставлявшими режим наибольшего благоприятствования в торговых взаимоотношениях, а 30 октября был подписан германо-литовский торговый договор³⁹⁵. С другой стороны, позиция Германии не способствовала скорой реализации такого проекта. Летом 1928 г. Дж. О. Чемберлену приходили сообщения из Берлина, что в немецкой прессе в ответ на предполагаемые претензии Польши на гарантии её границ путём подписания

³⁹⁰ Мельтюхов, М. И. Прибалтийский плацдарм... – С. 299.

³⁹¹ Budecki, Zd. Op. cit. – S. 40–41

³⁹² Мельтюхов, М. И. Прибалтийский плацдарм ... – С. 300–301

³⁹³ Poland (military preparations). 25 April, 1928 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1928/apr/25/poland-military-preparations>. – Date of access : 18.04.2025.

³⁹⁴ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1973. – Vol. 5. European and security questions. 1928. – P. 47.

³⁹⁵ Мельтюхов, М. И. Прибалтийский плацдарм... – С. 304.

«Восточного Локарно» утверждалось, что ни одно немецкое правительство не поддержит эту идею³⁹⁶. В Польше имелись опасения, что после урегулирования проблем на своих западных границах Германия стремилась поддерживать неопределённость на северных границах Польши, чтобы при случае поднять вопрос и о пересмотре её западных границ. Этим обусловлена поддержка Германией Литвы в её претензиях на Виленщину, равно как и стремлением сохранять возможность прямого контакта с Россией через территорию Литвы³⁹⁷. Английский посол в Берлине в свою очередь опровергал такое мнение, приводя содержание беседы с Г. Штреземаном, в которой тот уверял, что полякам нечего бояться Германии, они легко победят рейхсвер, потому пересмотр вопроса о германо-польской границе лежит вне практической политики³⁹⁸.

3 января 1929 г. У. Эрскин, новый английский посланник в Польше, сообщал в Лондон, что в Варшаву поступило предложение от СССР подписать дополнительный протокол к пакту Бриана-Келлога, не дожидаясь ратификации всеми подписантами. Британский дипломат считал, что это предложение вызвано сложным финансовым положением СССР, с одной стороны, и укреплением положения Польши, с другой. В таких условиях, по мнению У. Эрскина, СССР опасался Польши и действительно проявлял стремление к подписанию мирного пакта³⁹⁹. Как известно, Польша отнеслась к этому предложению положительно и 9 февраля 1929 г. в Москве Эстония, Латвия, Польша, Румыния и СССР подписали «протокол Литвинова».

Таким образом, к концу 1920-х гг. поиски приемлемого для непосредственных и закулисных участников проекта Восточного пакта не увенчались успехом, при этом по оценкам британских дипломатов, роль Польши как фактора международных отношений в регионе несколько выросла, хоть и не достигла уровня ключевых акторов – Германии и СССР.

³⁹⁶ British documents on foreign affairs... Vol. 39. Germany, 1928 / ed. J. Noaks. – P. 123–124.

³⁹⁷ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1973. – Vol. 5. European and security questions. 1928. – P. 599–600.

³⁹⁸ DBFP 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1975. – Vol. 6. – P. 14–16.

³⁹⁹ Ibid. – P. 25–26.

3 «ОДНА ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ТРУДНОСТЕЙ В СВЯЗИ С ОБЩЕЙ ПРОБЛЕМОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» (ИЮНЬ 1929 ГОДА – 1933 ГОД)

3.1 Приход второго лейбористского Кабинета

Второе лейбористское правительство в Великобритании было сформировано 5 июня 1929 г. во главе с Джеймсом Рамсеем Макдональдом. Это был не первый опыт взаимодействия польских политиков с лейбористами, поэтому в Польше усилились опасения, что новое правительство будет более благосклонно к немецкому ревизионизму⁴⁰⁰. В своих воспоминаниях польский политик и дипломат Эдвард Рачинский отмечал прогерманский характер левой британской прессы того времени⁴⁰¹.

Ряд шагов лейбористских политиков на международной арене подтверждали справедливость опасений Польши. Например, в ходе первой конференции в Гааге в августе 1929 г. Великобритания поддержала принятие «плана Юнга» и договорённость о досрочной эвакуации Рейнской области до июня 1930 г., то есть на пять лет раньше срока, установленного Версальским договором, против чего активно выступала Польша. Попытки же Польши включить германо-польское ликвидационное соглашение в окончательный протокол второй Гаагской конференции осенью 1929 г. не увенчались успехом. Он вошёл лишь в перечень документов конференции⁴⁰². Единственным реверансом в сторону Польши было окончательное решение вопроса, поставленного ещё при консерваторах, о повышении ранга представительства в Польше до посольства, о чём говорилось в официальном коммюнике 18 октября⁴⁰³.

В первом квартале 1930 г. на Великобританию распространился мировой экономический кризис, внимание Кабинета начали преимущественно занимать экономические проблемы. Однако те вопросы международных отношений, где ситуация могла обостриться, оставались под контролем. В рамках польского вектора велось наблюдение прежде всего за польско-советскими и польско-германскими отношениями.

⁴⁰⁰ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 224.

⁴⁰¹ Raczyński, Ed. In allied London / Ed. Raczyński. – London : Wiedenfeld and Nicolson, 1962. – P. 1.

⁴⁰² Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – P. 273.

⁴⁰³ Piszczkowski, T. Op. cit. – S. 333.

В отношении первых британские дипломаты из Москвы писали о том, что СССР сосредоточен на внутренней экономической политике «аграрной революции», и если он обратится ко внешней, то первой целью будет Бессарабия. Особого интереса с советской стороны к Польше пока не наблюдалось⁴⁰⁴. Также констатировалось, что СССР опасался обострения отношений, так как оно могло помешать завершить пятилетний план. Отношения между Россией и Польшей характеризовались как «громогласно-сварливое состояние»⁴⁰⁵.

Как отмечалось ранее, в польско-германских отношениях наблюдались признаки улучшения: 1 марта 1930 г. был подписан германо-польский торговый договор, польский министр иностранных дел А. Залеский в марте выступал в Сейме с речью, в которой заявил о необходимости улучшения германо-польских отношений и Сейм ратифицировал ранее отсроченные соглашения с Германией⁴⁰⁶. Эти шаги были положительно оценены в британской прессе⁴⁰⁷. Однако в начале 1930 г. появлялись в Великобритании и антипольские анонимные издания, в которых критиковалась польская система правления, действия Ю. Пилсудского, вновь подчёркивалась «проблема коридора». Подобные издания очень беспокоили польских дипломатов⁴⁰⁸.

В этот период взгляды британской элиты на место Польши в европейской политике иногда находили отражение в выступлениях государственных деятелей по абсолютно разным вопросам. Например, на заседаниях Кабинета в мае 1930 г. обсуждался проект строительства туннеля через пролив Ла-Манш. В условиях обострения отношений между странами в годы экономического кризиса Кабинет выступил против этого проекта. Акцент делался на том, что туннель создаст угрозу безопасности Великобритании, так как протяженные общие границы и простота коммуникаций через них не способствуют международной дружбе. В подтверждение этого тезиса был особо выделен пример районов Польши «где национальности фактически перемешаны, ненависть достигает своего максимума». При этом даже заключённые договора не предотвращали агрессии, что подтверждено примером польской оккупации Вильно. С другой стороны, отмечалось, что расстояние в международных отношениях, «по-видимому,

⁴⁰⁴ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 97–99.

⁴⁰⁵ Ibid. – P. 121–123.

⁴⁰⁶ Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны... – С. 126–127.

⁴⁰⁷ Климовский, Д. С. Указ. соч. – С. 149–150.

⁴⁰⁸ Piszczkowski, T. Op. cit. – S. 333.

придает очарование взгляду. Давняя дружба и взаимное восхищение существовали между Францией и Россией, Францией и Польшей»⁴⁰⁹. Союзные отношения между Францией и Польшей в военной сфере косвенно подтверждались сведениями о военных программах разных стран. В частности, в сентябре 1930 г. первый лорд Адмиралтейства, информируя коллег по этому вопросу, упомянул заказанные Францией три подводных лодки для Польши⁴¹⁰.

Уже летом 1930 г. польско-германские отношения ухудшились, что спровоцировало вмешательство британских дипломатов на местах. Министр без портфеля в кабинете Г. Брюнинга Готфрида Тревиранус в своём выступлении от 10 августа упомянул «неисцелённую рану на востоке», намекнув тем самым на «польский коридор», предсказал что будущее Польши неустойчиво без пересмотра границ. Уже 13 августа британский посол в Берлине Г. Рамбольд писал А. Гендерсону об острой критике по отношению к этому высказыванию. В связи с ней немецкий политик дал интервью по радио, в котором подчёркивал, что речь не шла о ревизии восточных границ силовыми средствами, «несправедливость границ может быть исправлена лишь мирными средствами, но Германия не может отказаться от требования равноправного, честного и открытого соглашения»⁴¹¹. Эта ситуация вызвала болезненную реакцию в Польше, в частности, А. Залеский сообщил немецкому посланнику, что она рассматривалась как нападка на территориальную целостность польского государства. В этих обстоятельствах Г. Рамбольд обратился за комментарием к министру иностранных дел Германии. Тот сказал, что Г. Тревиранус не ознакомил предварительно министерство со своей речью и допустил, что это была лишь предвыборная речь⁴¹². Английский посол допускал, что Г. Тревиранус «выразил мнение, которое поддерживал каждый немец по отношению к неудовлетворительному,

⁴⁰⁹ CP № 151(30)–200(30) – P. 230–233 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-212.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴¹⁰ CP № 301(30)–350(30) – P. 240–249 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-215.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴¹¹ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : His Majesty's Stationery Office, 1946. – Vol. 1. – P. 495–496.

⁴¹² Ibid. – P. 496.

невыносимому характеру немецкой восточной границы». По мнению Г. Рамбольда, эта речь подтверждала оценку британского Форин Офис того, в каком порядке Германия будет решать внешнеполитические проблемы: первым по степени важности и неотложности будет изменение германо-польской границы, потом – перевооружение, чтобы достичь как минимум паритета с Польшей, далее – аншлюс Австрии, наконец – получение колоний и мандатов, чтобы восстановить статус мировой державы. По мысли Г. Рамбольда, подобные заявления обостряют обстановку и создают неблагоприятные условия для политического решения вопросов⁴¹³. То есть британские дипломаты, по сути, признавали в германо-польских отношениях две объективные проблемы, выражая лишь недовольство тактикой, которой придерживались немецкие дипломаты в попытках их решения.

Давая итоговую оценку международного положения Польши в начале 1931 г. британский посол в Варшаве У. Эрскин констатировал его ухудшение по двум параметрам: ухудшение германо-польских отношений в связи с ситуацией, описанной выше, а также охлаждение франко-польских отношений в условиях досрочного вывода французских войск из Рейнской области⁴¹⁴.

1931 г. принёс новые признаки охлаждения франко-польских отношений: в июле британский посол в Москве Э. Овей информировал о беседе с М. Литвиновым, посвящённой советско-французским переговорам по вопросу пакта о ненападении (будет подписан осенью 1932 г. – Е. Д.). Британский дипломат поинтересовался не последует ли польско-советский договор о ненападении, и со слов М. Литвинова сообщал, что он не ожидается, но «теперь Франция не сможет больше вмешаться, если Польша нападёт»⁴¹⁵.

Возвращаясь к оценке У. Эрскина, можно отметить, что он также констатировал ухудшение англо-польских отношений. Оно было связано с ростом интереса отдельных слоёв британского общества к внутренней жизни Польши, где разрастался конфликт между сеймом и правительством, за которым стоял Ю. Пилсудский. В октябре 1930 г. прошли выборы в Сейм, где победу одержали сторонники правительства, левица и центр потерпели поражение, эндеки добились успеха. При этом и посол У. Эрскин, и Форин Офис признавали, что выборы

⁴¹³ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : His Majesty's Stationery Office, 1946. – Vol. 1. – P. 499–501.

⁴¹⁴ Piszczkowski, T. Op. cit. – S. 339.

⁴¹⁵ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 216–217.

прошли с нарушениями, но их результат признан был удовлетворительным, после чего проблемы демократии в Польше не были объектом интереса правительственных кругов Великобритании. Но методы, которые использовал Ю. Пилсудский для преследования своих политических противников, вызвали рост разочарования в нём даже среди тех, у кого он ранее вызывал симпатию, нанесли удар по его репутации⁴¹⁶.

Ещё один блок информации, которая не способствовала улучшению имиджа Польши в глазах британского истеблишмента, – вопрос о положении национальных меньшинств, в частности её репрессивная политика в отношении украинцев в Галиции и немцев в Горной Силезии. Последняя спровоцировала жалобу немцев в Лигу Наций в январе 1931 г. В итоге в среде лейбористов симпатии к Польше снизились. Было принято решение поднять этот вопрос в Совете Лиги. В апреле 1931 г. комитет во главе с А. Гендерсеном выступил с осуждением Польши⁴¹⁷.

В такой обстановке в Польше росли опасения, что британские политики всё более склоняются к ревизии германо-польской границы с целью снижения риска разрастания конфликта в германо-польских отношениях. Весной 1931 г. польский посол К. Скирмунт обеспокоенно писал из Лондона о муссировании в британской прессе вопроса территориальных уступок со стороны Польши⁴¹⁸.

Подогревали такие опасения итоги личных бесед польских дипломатов с английскими коллегами. Например, в июне 1931 г. К. Скирмунт выразил в разговоре с заместителем главы внешнеполитического ведомства Великобритании Р. Ванзитартом озабоченность деятельностью организации «Стальной шлем» и поощрением её со стороны немецкого правительства. В ответ британский дипломат указал послу на неспособность немецкого правительства остановить эту деятельность, охарактеризовав текущее правительство Германии как лучшее с точки зрения способности поддерживать равновесие. При этом в отчёте А. Гендерсону он соглашался, что немецкое правительство приветствует деятельность «Стального шлема»⁴¹⁹. Когда же польский посол привлёк внимание главы Форин Офис к неудовлетворительному состоянию германо-польских экономических отношений, указал на отказ Германии возобновить торговое соглашение и просил оказать

⁴¹⁶ Piszczkowski, T. Op. cit. – S. 340–344.

⁴¹⁷ Ibid. – S. 345.

⁴¹⁸ Климовский, Д. С. Указ. соч. – С. 151.

⁴¹⁹ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : His Majesty's Stationery Office, 1947. – Vol. 2. – P. 68–69.

влияние на Германию, А. Гендерсон заявил, что в ответ Польша должна смягчить свою позицию по вопросу о положении немецкого меньшинства в Польше⁴²⁰. Как видно, ни одно из обращений Польши не находило сочувствия у британских дипломатов.

В условиях экономического кризиса, спровоцировавшего рост реваншизма и агрессивных настроений, востребованным для Кабинета было мнение военного ведомства. В марте 1931 г. его глава Томас Шоу представил меморандум с оценкой ситуации в Европе. Основной тезис состоял в том, что в Европе доминировали три большие военные проблемы: франко-германская, франко-итальянская и «русская» проблема. При рассмотрении первой из них автор высоко оценивал возможности французской армии, а также потенциал её союзников. Польша рассматривалась как «военный вассал» Франции, участница сети её военных союзов, нацеленных на формирование вокруг Германии «стального кольца». В случае франко-германского конфликта большая часть польской армии должна была быть вовлечена в наблюдение за действиями СССР, как и Румыния на своём фланге. Общая ситуация описывалась следующим образом: «сегодня в Европе нет ничего более очевидного, чем постепенное появление ревизионистского блока держав, состоящего из бывших вражеских государств и Италии в противовес Франции и ее сателлитам». Говоря о позиции своей страны, Т. Шоу отмечал, что значение подписи Великобритании в Локарнских соглашениях скорее моральное, так как быстро мобилизовать сколько-либо значительные силы она неспособна. Однако автор меморандума приходил к выводу, что на текущий момент Франции с её военным потенциалом, сетью союзов и военным бессилием Германии из-за договорных ограничений, как и её сателлитам фактически нечего бояться Германии. С военной точки зрения они значительно перестрахованы. «У войны, которую бы развязали объединённые Италия и Германия, в частности Германия, освобожденная от ограничений мирных договоров, против Франции было бы больше шансов на успех. Но и в таком случае, при условии, что французские союзники останутся непоколебимыми, трудно предвидеть успешный результат, за исключением варианта более отдаленного будущего, если Германия снова станет великой военной державой»⁴²¹.

⁴²⁰ Ibid. – P. 150.

⁴²¹ CP № 51(31)–100(31) – P. 454–455 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-220.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

Таким образом, характеризуя оценку места Польши в европейских отношениях со стороны второго лейбористского правительства, нужно отметить, что она формировалась под влиянием как позиции профессиональных дипломатов Форин Офис, так и идейных установок лейбористов. Традиционно Польша рассматривалась в контексте польско-германских, польско-советских, польско-французских и польско-литовских отношений; уделялось внимание таким аспектам, как внутривнутриполитическая ситуация в Польше, её военный потенциал.

3.2 Британско-польская конкуренция в сфере торговли углём на рубеже 1920-х – 1930-х годов

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. в условиях разворачивавшегося мирового экономического кризиса экономическим аспектам отношений с другими странами уделялось значительное внимание не только со стороны органов власти, но и прессы. В частности, польский посол в Лондоне К. Скирмунт в то время писал в Варшаву, что есть две области польской действительности, за которыми внимательно следит английская пресса: «Гдыня и морские вопросы, угольные дела»⁴²².

К концу 1920-х гг. сотрудники британских экономических ведомств констатировали значительную конкуренцию со стороны Польши в деле экспорта угля⁴²³.

Цель преодоления польской конкуренции предполагала изменение условий внутренней торговли. В британском правительстве активно обсуждался вопрос о финансовой помощи со стороны внутренней торговли – экспортной. Из минусов такого варианта отмечалось, что отдельные потребители внутри страны будут платить более высокую цену, чтобы покрыть дополнительные затраты. Признавалось, что это предложение встретит противодействие со стороны производителей. Они будут жаловаться, что им приходится изыскивать деньги, которые используются для субсидирования поставок дешевого угля. Однако в пользу реализации такого варианта приводился довод о том, что «если мы потеряем нашу внешнюю торговлю углем, увеличение себестоимости производства негативно скажется на внутренних ценах в большей степени, чем на них повлияет налог».

⁴²² Климовский, Д. С. Указ. соч. – С. 103.

⁴²³ CP № 201(29)–250(29) – P. 252 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-205.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

Помимо этого, указывалось, что «если внутренняя торговля не готова помочь экспортной торговле сохранить свои внешние рынки, экспортные фирмы будут конкурировать за внутренний рынок. Поэтому для последнего это в какой-то степени вопрос личных интересов»⁴²⁴. Очевидно, что такой вариант был очень непопулярен внутри страны.

В конце 1929 г. сохранялась надежда на подписание польско-германского торгового договора, который перераспределит часть польского экспорта в Германию. В декабрьском меморандуме глава торговой палаты даже сообщил, что торговое соглашение между Германией и Польшей уже подписано, и эмбарго на поставки польского угля в Германию будет снято в ближайшее время. Это означало, что Польше будет разрешено отправлять в Германию от 300 000 до 350 000 тонн в месяц⁴²⁵. Однако переговоры затянулись.

Польская конкуренция являлась постоянной темой в обзорах начала 1930 г., связанных с вопросами экспортной торговли. В них подчёркивалась особая активность польских конкурентов: «польские угольные компании охотятся за каждым бизнесом, к которому только могут прикоснуться. Они взяли бункерный бизнес (поставка топлива для использования судами – Е. Д.) для немецких портов по смехотворно низким ценам. Они увеличили продажи в Италии, Франции и Голландии по очень заниженным ценам, изо всех сил стараясь удержать уровень цен в Прибалтике»⁴²⁶.

Поскольку германо-польский торговый договор 1930 г. не вступил в силу, в мартовском обзоре торговли польская конкуренция была названа «угрожающей». Польша снизила свои цены из-за провала соглашения с Германией, поэтому активно конкурировала по низким ценам с британским углем. В условиях разворачивавшегося мирового кризиса потребность в угле сокращалась, а рост польской конкуренции вынуждал британских политиков признавать, что «в настоящее время перспективы в целом очень плохие»⁴²⁷. В начале 1931 г. было даже отмечено, что

⁴²⁴ Ibid. – P. 157.

⁴²⁵ CP № 311(29)–371(29) – P. 598 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-207.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴²⁶ CP № 51(30)–100(30) – P. 241–242 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-210.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴²⁷ CP № 101(30)–150(30) – P. 28, 50–55 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-211.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

уголь из Польши предлагается в Лондоне. Констатировалось, что для британской угольной отрасли невозможно восстановить бизнес, который обеспечивается государственными субсидиями в Польше⁴²⁸.

На международном уровне Великобритания также предпринимала усилия для снижения польской конкуренции. В мае 1931 г. было принято решение направить депеши различным правительствам – Бельгии, Польши, Германии и Франции – от имени президента Совета по торговле с предложением снижения тарифных барьеров, которые являются препятствием для восстановления торговли в Европе⁴²⁹. Однако, как известно, начала реализовываться иная политика. В декабре 1931 г. глава торговой палаты, выступая перед Кабинетом по вопросу торговли, отметил, что Франция ввела 15-процентный дополнительный налог, который повлиял на импорт угля. Это ставило Великобританию в ещё более невыгодное положение по сравнению с Польшей, при том, что квота на британский уголь уже до этого была снижена. Частичное объяснение таким действиям Франции присутствует в его дальнейшей речи, из которой явствует, что большая доля французского капитала была инвестирована в польскую угольную промышленность⁴³⁰. Вскоре Великобритания сама прибегла к протекционизму. В 1932 г. был введён закон об импортных пошлинах: был введён 10% тариф, а на ряд промышленных товаров – протекционистский тариф 33,5%. На имперской конференции в Оттаве в августе 1932 г. были подписаны соглашения с доминионами, предусматривавшие торговые преференции⁴³¹.

По инициативе Великобритании в январе 1932 г. было проведено неформальное собрание Международного бюро труда, где обсуждался вопрос о подписании международной конвенции об ограничении

⁴²⁸ CP № 1(31)–50(31) – P. 117 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-219.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴²⁹ Cabinet Conclusions 26(31)–47(31), 1931 29 April – 24 August. – P. 93 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-67.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

⁴³⁰ Cabinet Conclusions 72(31)–93(31), 1931 29 October – 16 December. – P. 195–197 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-69.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

⁴³¹ Трухановский, В. Г. Указ. соч. – С. 187–188.

трудового времени при работе в угольных шахтах. В ходе собрания Польша, однако, не проявила желаний немедленно заключить подобную конвенцию⁴³².

Обращаясь к месту британско-польской торговой конкуренции в истории двухсторонних межгосударственных отношений, нельзя не отметить определённую корреляцию между торговой конкуренцией и восприятием польской тематики в Великобритании в целом. По мнению польской исследовательницы М. Новак-Келбиковой, в 1930–1932 гг. вообще все польские проблемы для британских политиков и общественного мнения были маргинальными, их основное внимание привлекали хозяйственные проблемы и имперские⁴³³. Действительно, отчёты польских дипломатов из Лондона показывают, что при беседах польских политиков с британскими коллегами, например, К. Скимунта с главой Форин Офис маркизом Редингом или А. Залеского с Дж. Р. Макдональдом и Джоном Саймоном, британская сторона проявляла интерес и оживление только при обсуждении проблем экономических или хозяйственных⁴³⁴. Как метко отметит позже Э. Рачинский, в 1920-х – середине 1930-х гг. англо-польские отношения были корректными, но прохладными, а лондонская пресса была прогерманской. Сам он соотносил изменение этого положения с подписанием польско-германской декларации о неприменении силы в 1934 г., после которой Польшу «перестали травить»⁴³⁵. Однако можно вспомнить и экономические события этого периода. В 1934 г. было достигнуто польско-британское соглашение о прекращении конкурентной борьбы между экспортёрами. К этому времени в польской Верхней Силезии наметилось устойчивое падение объёмов добычи. Завершилась к этому времени и польско-германская «ценовая война», Германия уже не нуждалась в поставках польского угля⁴³⁶.

Таким образом, в условиях разворачивавшегося мирового экономического кризиса Великобритания, столкнувшись с конкуренцией со стороны Польши в сфере торговли углём, не смогла, несмотря

⁴³² CP № 51(32)–100(32) – 3. 7–8 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-228.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴³³ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 317.

⁴³⁴ Климовский, Д. С. Указ. соч. – С. 185–191.

⁴³⁵ Raczynski, Ed. Op. cit. – P. 1.

⁴³⁶ Попов, А. А. Пути развития угледобычи в Верхней Силезии в 1922–1945 гг. / А.А. Попов. // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* – 2016. – № 2. – С. 130.

на активное использование экономических и дипломатических средств, реализовать успешную модель по её быстрому преодолению. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. в среде британской элиты закрепилось восприятие Польши как торгового конкурента.

3.3 Экономический кризис в первой половине 1930-х годов

Мировой экономический кризис распространился на Великобританию в первом квартале 1930 г. Осенью 1931 г. он затронул уже и область финансов – опасения иностранных вкладчиков привели к оттоку капиталов из Лондона. Для выхода из него 21 сентября 1931 г. был проведён через парламент закон об отмене золотого стандарта фунта стерлингов. Наибольшей силы кризис достиг во втором квартале 1932 г., охватив и сферу торговли, что проявилось в сильном сокращении поступлений от английского экспорта, доходов от размещённых за границей капиталов и доходов от судоходства⁴³⁷.

В этих обстоятельствах одной из ключевых задач коалиционного национального правительства Дж. Р. Макдональда, пришедшего к власти 17 октября 1931 г. (останется до 7 июня 1935 г. – Е. Д.), было преодоление экономического кризиса.

Приход к власти в Соединённом Королевстве на смену лейбористскому коалиционному Кабинету, включавшего консерваторов, вызвал определённые ожидания в Польше. Предполагалось, что этот Кабинет будет менее прогерманским, чем лейбористский. Главой Форин Офиса до выборов октября 1931 г. был либерал маркиз Рединг, после выборов – Джон Саймон, бывший юрист с консервативными взглядами.

Осенью 1931 г. К. Скирмунт встретился с лордом Редингом. В ходе встречи польский дипломат поднял вопрос связи политических отношений и экономических проблем. К. Скирмунт заявил, что не может быть улучшения экономической ситуации без политической разрядки, которая связана с урегулированием отношений между Берлином и Варшавой. По свидетельству польского посла глава британского Форин Офиса с большим вниманием слушал изложение финансовых вопросов, данные о работе польских банков в Данциге и Верхней

⁴³⁷ Трухановский, В. Г. Указ. соч. – С. 181–188; Суслопарова, Е. А. Британские лейбористы: испытание кризисом 1931 г. / Е. А. Суслопарова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2009. – № 1. – С. 14, 18.

Силезии, но остальные аспекты польско-германских отношений не вызвали пристального интереса и тем более заявлений о готовности оказать влияние на Германию⁴³⁸.

26 ноября Дж. Саймон представил Кабинету оценку международной ситуации и политики Соединённого Королевства. Этот меморандум был подготовлен в Форин Офис как ответ на текущие вызовы международной жизни: готовящуюся конференцию по разоружению (начнёт работу в феврале 1932 г. в Женеве – Е. Д.), а также конференцию по проблеме репараций (созыв её предложил Дж. Р. Макдональд для выработки политики, которой следовало придерживаться после окончания годовичного срока моратория на выплату репараций и возврат военных займов; она будет созвана в Лозанне 16 июня – 9 июля 1932 г. – Е. Д.). По мнению Форин Офис, вопрос разоружения будет тесно связан с экономическими проблемами. В документе прослеживалась связь экономических и политических проблем: валютный кризис неизбежно ведёт к экономическому хаосу в Европе. Экономический хаос и попытки справиться с ним затрагивают политические вопросы репараций и военных долгов. Соединенные Штаты связывают их с вопросом разоружения, а последнее, по мнению французского правительства, зависит от проблемы безопасности. Эта проблема поднимает вопрос о территориальном статус-кво в Европе (например, вопрос о восточной границе Германии), что подводит к конфликту между сохранением или пересмотром мирных соглашений⁴³⁹.

Давая характеристику места разных государств в системе международных отношений в такой ситуации, авторы меморандума писали, что Франция стремится к недопущению пересмотра договоров, кроме как путём переговоров. США отказываются идти навстречу Франции в вопросе долгов. Франция отказывается идти навстречу Германии по вопросу репараций, если США не пересмотрит военные долги. США отказываются ослабить отток золота из Европы до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о разоружении и пока не будут устранены более опасные политические проблемы, такие как проблема восточной границы Германии. До тех пор, пока этот политический тупик не будет преодолён, экономический кризис будет продолжать подрывать социальную и политическую структуру Европы⁴⁴⁰.

⁴³⁸ Климовский, Д. С. Указ. соч. – С. 185–186.

⁴³⁹ CP № 301(31)–331(31) – P. 4 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-225.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴⁴⁰ Там же.

Рассматривая вариант выхода из этого «тупика», Форин Офис видел следующие схемы: США идут навстречу должникам по военным долгам, тогда кредиторы Германии идут на уступки в вопросе репараций. После чего Германию, удовлетворенную в вопросах разоружения и репараций, можно побудить принять в качестве окончательного решения по восточной границе более умеренный вариант, нежели полную реституцию; Польшу, «столкнувшуюся с объединением Великобритании, Америки, Франции, Германии и Италии, возможно, можно было бы привести в более разумное расположение духа, хотя для неё необходимо было бы найти какую-то услугу за услугу, либо политическую, либо экономическую, либо и то, и другое вместе»⁴⁴¹. Признаётся, что вопрос о восточной границе Германии (который включает в себя вопрос о польском коридоре, статусе Данцига и аннексированной части Верхней Силезии) является краеугольным камнем проблемы безопасности. Чем дольше Польша владеет этими территориями, тем больше они полонизируются, что делает проблему ещё более актуальной для Германии. По мере того, как требования Германии в других местах продолжают удовлетворяться, её требования, как правило, концентрируются на вопросе о восточной границе. Предполагается, что, если бы Франция смогла добиться своих основных требований в другом месте, возможно, она не обязательно поддержала бы польские претензии, если бы они были слишком неудобными для её собственной политики⁴⁴².

При характеристике отношений Польши и Франции подчёркивается, что «польский альянс, например, сейчас является скорее помехой, чем преимуществом для Франции»⁴⁴³. Альтернативой могло бы быть подписание какого-либо гарантийного документа. Однако это допускалось лишь при условии, что британские риски будут сведены к минимуму, и особенно риск, связанный с вопросом о восточной границе. «Если удастся изменить нынешнюю границу таким образом, чтобы это устраивало Германию, не разжигая при этом вражды поляков, то, возможно, будет устранено самое большое препятствие для нашего принятия обязательств по протоколу. Более того, здесь есть все предпосылки для заключения сделки. В обмен на льготы на Висле Германию можно было бы попросить согласиться на некоторое усиление контроля Лиги Наций над Рейном». Рассуждая о возможности мирного изменения нынешнего статуса восточных границ Германии, авторы отмечали, что «Германия говорит, что это необходимо. Великобритания считает, что

⁴⁴¹ Ibid. – P. 4–5.

⁴⁴² Ibid. – P. 7–8

⁴⁴³ Ibid. – P. 7.

это целесообразно. Соединенные Штаты Америки (или, по крайней мере, мистер Гувер) считают, что пограничный вопрос лежит в основе всех наших политических и финансовых трудностей. Франция (или, по крайней мере, месье Лаваль) признаёт, что этот коридор является чудовищным. Но Польша (по словам М. Лавалья) скорее пойдет на войну, чем согласится на какие-либо изменения». Допускается, что в ходе переговоров удастся путём объединённого давления на Польшу «преодолеть даже упрямство поляков без кровопролития. Европе следует осознать, что её спасению препятствует польская гордость, и поэтому польской гордостью нужно пожертвовать»⁴⁴⁴.

Как видим, в оценках Форин Офис в условиях мирового экономического кризиса экономические проблемы рассматривались в тесной связи с политическими. Решение политических вопросов считалось необходимым достигать объединёнными силами Великобритании, США, Франции, Германии и Италии. Польша рассматривалась как государство, от которого могут потребоваться уступки, хоть за них и предполагалась компенсация, всё же участие её на равных в решении политических проблем не стояло на повестке дня.

Авторы меморандума следующим образом оценили положение Польши в системе европейских отношений: «Польша (ещё один соратник Франции по опасениям) связана с Румынией двойным страхом – перед Германией, с одной стороны, и перед Россией – с другой. Россия, плохой ребёнок в этой беспокойной детской, добавила социальной ненависти и страха к национальному»⁴⁴⁵. Отмечалось, что «в настоящее время Франция и её союзники все повёрнуты лицом к Германии; но некоторые из них уже нервно оглядываются через плечо на врагов с других сторон. В ходе наступления на Германию Польша и Румыния, вероятно, уже нейтрализованы Россией; они вряд ли смогли бы вести войну на два фронта»⁴⁴⁶. «Польша желает сохранить статус-кво, закреплённый за ней мирным урегулированием. Её географическое положение между двумя могущественными врагами, Германией и Россией, и меньшим врагом, Литвой, очень хрупкое, и вряд ли стоит удивляться тому, что она пыталась обезопасить себя военными союзами – с Францией (против Германии) и с Румынией (против России). Польский вопрос, включающий в себя вопросы Данцига, Коридора и Верхней Силезии, является одной из величайших трудностей в связи с общей проблемой безопасности»⁴⁴⁷.

⁴⁴⁴ Ibid. – P. 12.

⁴⁴⁵ Ibid. – P. 7.

⁴⁴⁶ Ibid. – P. 7–8.

⁴⁴⁷ Ibid. – P. 10.

В документах британского Кабинета периода экономического кризиса связь между политическими и экономическими вопросами прослеживается гораздо чаще.

Пример влияния политических событий на экономические интересы можно найти в выступлении главы комитета рыбной промышленности. При анализе причин сокращения экспорта, в частности маринованной сельди, чьим основным потребителем была ранее Российская империя, а на тот момент основными рынками стали Германия, Латвия и Польша, в декабре 1931 г. он отметил, что политические трения между государствами препятствуют торговле. Польско-литовский спор из-за региона Вильно, разногласия по поводу функционирования транспортных коридоров между Данцигом и Польшей, Данцигом и Германией и различные другие нерешённые дипломатические вопросы – всё это создавало препятствия на пути оживления и развития торговли⁴⁴⁸.

Осознавая важность экономических вопросов для британской политики, глава польского министерства иностранных дел А. Залеский в ходе визита в Лондон в середине декабря 1931 г. пытался использовать доводы торгово-экономического характера для противостояния идеям ревизии версальских границ. Он говорил, что большая часть внешне-торгового оборота Польши проходит через Поморье, то есть «польский коридор». Не стоит предпринимать политические шаги, которые бы мешали экономическому восстановлению. Ю. Липский, входивший в состав делегации, в беседе с начальником департамента стран Центральной Европы Ормом Сарджентом предлагал вариант создания блока государств в Центральной Европе, который мог бы противостоять Германии и СССР, и при условии получения кредитов мог бы стать рынком для Великобритании⁴⁴⁹. Однако констатировать, что эти доводы значительно повлияли на политику Великобритании, не приходится.

В условиях сохранения кризисных явлений в конце 1931–1932 г. страны Европы сделали ставку на введение протекционистских тарифов, что обострило отношения между ними. О мерах, предпринятых Великобританией в этом направлении, писалось выше. Польское

⁴⁴⁸ CP № 1(32)–50(32) – P. 31 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-227.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴⁴⁹ Nowak-Kielbikowa, Op. cit. – S. 295–299; Климовский, Д. С. Указ. соч. – С. 190–192.

правительство 21 декабря 1931 г. издало так называемые «кризисные реестры» по импорту и повышению пошлин. В Германии с 23 января 1932 г. были введены высокие пошлины на польское масло⁴⁵⁰.

В этих обстоятельствах 16 июня 1932 г. начала работу конференция в Лозанне под председательством Р. Макдональда. 9 июля 1932 г. она приняла решение о прекращении действия «плана Юнга», и о том, что Германия должна передать Банку международных расчётов правительственные облигации на сумму 3 млрд. марок с указанием схемы их выкупа и выплаты процентов по ним. Эта схема принималась в счёт окончательного погашения репараций⁴⁵¹. Также в заключительный акт конференции была включена «Резолюция, касающаяся Центральной и Восточной Европы». Она предполагала назначение комиссии, которая будет разрабатывать программу мероприятий, необходимых для восстановления стран региона. Должны были быть разработаны мероприятия по упразднению государственного валютного контроля, оживлению торговли. Было предложено правительствам этих стран, в том числе Польши, назначить в эту комиссию своих представителей. Эта резолюция вызвала сразу же заявление делегации Румынии, что принять и парафировать этот документ она, как приглашённое государство, не может без тщательного изучения правительством⁴⁵².

Недоверие Румынии не было исключением. В связи с переговорами в Лозанне у польских политиков возникли подозрения, что там могут быть достигнуты договорённости о пересмотре границ в Европе. Тем более, что 13 июля 1932 г. была подписана англо-французская декларация, которая помимо прочего гласила, что стороны намерены согласовывать свои позиции по всем репарационным вопросам, а также вопросам о переустройстве Европы. Германия, Бельгия и Италия были приглашены также подписать этот документ. Правда, он так и остался декларацией⁴⁵³. Однако само его появление подтверждает принятие Великобританией стратегии, обозначенной в упомянутом выше меморандуме Форин Офис: достижение договорённости между основными

⁴⁵⁰ Климовский, Д. С. Указ. соч. – С. 197–198.

⁴⁵¹ Заключительный акт Лозаннской конференции, 9 июля 1932 г. // Сборники документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению и др. – М. : НКВД, 1933. – С. 21.

⁴⁵² Там же. – С. 25.

⁴⁵³ Nowak-Kiełbikowa, M. Op. cit. – S. 283–285.

игроками международных отношений и лоббирование их совместными усилиями желательных решений. Польше британская политическая элита роль такого игрока не отводила.

В указанных обстоятельствах 25 июля 1932 г. в Москве был подписан польско-советский договор о ненападении (это было условие готовившегося франко-советского договора, и в течение 1932 г. Советский Союз заключил договоры о ненападении также с Финляндией, Латвией, Эстонией и, наконец, в ноябре с Францией – Е. Д.).

Уже 28 июля 1932 г. британский представитель из Варшавы писал, что с точки зрения Польши договор будет иметь положительный эффект. Действуя как политическая разрядка в Восточной Европе, он поспособствует росту уверенности деловых кругов, финансовая ситуация и экономическое положение улучшатся. Он высказал мнение, что польское правительство рассчитывает, что договор поспособствует улучшению отношений Польши с её западными соседями⁴⁵⁴.

Однако польский реверанс в сторону СССР пришёлся на период обострения англо-советских отношений: 16 октября 1932 г. английское правительство в одностороннем порядке разорвало торговое соглашение 1930 г. с СССР. Начавшиеся в скором времени переговоры о новом торговом соглашении шли сложно. В марте 1933 г. они были прерваны в связи с делом «Метро-Виккерс», в апреле Великобритания ввела эмбарго на советский экспорт. Только 1 июля торговая война завершилась и переговоры были возобновлены 3 июля. Лишь к началу сентября выработка временного торгового соглашения была завершена⁴⁵⁵.

В этих обстоятельствах в беседах с английскими дипломатами польские политики очень сдержанно комментировали факт заключения польско-советского договора. 7 декабря 1932 г. британский посол в Польше У. Эрскин писал из Варшавы Дж. Саймону о беседе с польским министром иностранных дел Ю. Бекком на тему польско-советского пакта. По словам главы польского министерства иностранных дел, советская сторона будет придерживаться договора, пока он ей будет подходить, а польское правительство продолжало рассматривать в качестве фундаментальной основы своей политики союз с Румынией⁴⁵⁶.

⁴⁵⁴ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 240.

⁴⁵⁵ Майский, И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. / И. М. Майский. – М. : Наука, 1971. – С. 256–280.

⁴⁵⁶ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 284–285.

Что касается улучшения экономического положения, тоже всё оказалось непросто: стороны не спешили заключать торговый договор. Визит в Польшу в мае 1933 г. представительной хозяйственной делегации во главе с замнаркома внешней торговли И. В. Боевым имел результатом лишь подписание протокола о расширении товарооборота между Польшей и СССР. Поездка Ю. Бека в Москву в феврале 1934 г. также не принесла ощутимых результатов в направлении заключения торгового договора. Договор будет подписан лишь 19 февраля 1939 г.⁴⁵⁷

Эта сдержанность польских политиков и акцентирование потенциальной пользы от договора для улучшения польско-германских отношений, которое лоббировала Великобритания, на наш взгляд, были частично обусловлены торгово-экономическими интересами Польши. В 1928 г. Великобритания была на четвертом месте (226,7 млн злотых) среди стран, в которые поступал польский экспорт, опередили её Германия, Австрия и Чехословакия. Соединённое Королевство занимало третье место среди стран, ввозивших товары в Польшу, после Германии и США⁴⁵⁸. В 1930–1931 гг. польский экспорт на британский рынок характеризовался ростом динамики. В 1930 г. Великобритания заняла второе место после Германии. В 1931 г. экспорт увеличился до 318 млн зл., так как со стороны Лондона не было ограничений и Великобритания впервые оказалась на первом месте⁴⁵⁹. В то же самое время Польша вводила ограничения на ввоз иностранных товаров, английский импорт в Польшу сокращался. Введение в Великобритании в конце 1931 г. таможенного протекционизма ударило по польскому экспорту в эту страну. Защита отечественного производства в Польше сказала, в свою очередь, на ввозе из Великобритании. Импорт сократился в 1932 г. до 74,8 млн зл. Великобритания в статистике Польши в 1932–1933 гг. занимала третье место среди стран, поставлявших товары в Польшу, сразу после Германии и США⁴⁶⁰. Одновременно Великобритания продолжала оставаться лучшим покупателем Польши, за ней следовала Германия⁴⁶¹. То есть Великобритания была для Польши очень значимым торговым партнёром, чью позицию, особенно в условиях кризиса, необходимо было учитывать.

⁴⁵⁷ Кузьмичёва, А. Е. Польско-французские отношения в 1933–1935 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.2 / А. Е. Кузьмичёва. – М., 2023. – Л. 101; Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны... – С. 414.

⁴⁵⁸ Kania, K. Stosunki handlowe polsko-angielskie w latach 1918–1939 / K. Kania // *Krakowskie Studia Małopolskie*. – 2006. – № 10. – S. 17

⁴⁵⁹ Ibid. – S. 18.

⁴⁶⁰ Ibid. – S. 19–20.

⁴⁶¹ CP № 1(35)–45(35) – P. 294 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-253.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

Что касается Великобритании, то в условиях кризиса она делала ставку прежде всего на внутриимперскую торговлю. Однако торговые партнёры за пределами империи также постоянно оставались в зоне внимания. В июле 1933 г. в представленном в Кабинет меморандуме о торговых отношениях с зарубежными странами глава торгового ведомства представил программу развития торговли. Он обозначил основные принципы для выбора стран, с которыми планируется вести торговые переговоры и заключать соглашения. Это, во-первых, установка, что Великобритания будет занимать сильную позицию в переговорах со странами, чей торговый баланс с нею благоприятен для них, и во-вторых, установка на то, что экономика других стран дополняет британскую (т. е. это страны, которые заинтересованы главным образом в экспорте сырья или продуктов питания в Соединенное Королевство). Эти два принципа, по мнению главы торгового ведомства, предлагали наибольшую перспективу успеха и требовали минимальных уступок с британской стороны. Давая перечень таких стран, он на первое место поставил Россию, на второе и третье – три балтийских государства и Польшу. Отдельно было подчёркнуто, что существует особая причина для скорейших переговоров с Польшей, поскольку в октябре 1934 г. вступит в силу новый польский тариф, предусматривающий значительно повышенные пошлины на промышленные товары⁴⁶².

В соответствии с этой программой 16 февраля 1934 г. состоялось подписание англо-советского торгового соглашения⁴⁶³. Шли переговоры и с Польшей: торговая миссия посетила Польшу в марте 1934 г., а собственно переговоры начались в июне 1934 г. С этого времени польская делегация постоянно находилась в Лондоне⁴⁶⁴. 6 декабря 1934 г. в Лондоне обе страны подписали угольное соглашение, которое положило конец периоду конкурентной борьбы, длившейся с 1926 г. Экспорт в Великобританию из Польши в 1934 г. вырос до 192 млн зл. Импорт из Великобритании вырос не сильно и составил 86 млн зл.⁴⁶⁵

Показательным для ответа на вопрос о том, каким образом экономические и дипломатические отношения были связаны, является

⁴⁶² CP № 151(33)–200(33) – P. 194–195 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-242.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴⁶³ Майский, И. М. Указ. соч. – С. 286.

⁴⁶⁴ CP № 1(35)–45(35)... – P. 294–296.

⁴⁶⁵ Kania, K. Stosunki handlowe... – S. 21–22.

тот факт, что для обсуждения отчёта экономического консультативного совета на заседании Кабинета привлекались представители внешне-политического ведомства. В частности, в декабре 1934 г. в Форин Офис были сформулированы «соображения имперской внешней политики» для учёта в ходе переговоров. Особо подчёркивалось, «что касается внешней политики, то сокращение сверх определённого предела экспорта из стран, экономика которых связана с нашей, не может не сказаться на наших общих отношениях с этими странами, а также на их внутренней стабильности <...> Экспорт бекона важен не только для Дании, но и в большей или меньшей степени для Голландии, Польши <...> Скандинавские и прибалтийские страны, дружба которых с нами является важным политическим фактором, <...> оказались бы в числе пострадавших, если бы были введены какие-либо ограничения на импорт сливочного масла и яиц»⁴⁶⁶.

Как видим, экономические отношения были тесным образом переплетены с дипломатическими.

Однако, несмотря на благоприятствующие торговым договорённостям рекомендации британских дипломатов, ход англо-польских коммерческих переговоров затянулся. В январе 1935 г. глава торговой палаты представил отчёт о четырёх месяцах переговоров. Он признавал, что «новое польское государство занимает то, что можно охарактеризовать как одну из ключевых позиций в экономике Европы, и, на мой взгляд, по всем основаниям крайне желательно, чтобы мы укрепляли и развивали наши коммерческие отношения с Польшей». Однако переговоры были охарактеризованы как сложные. Анализируя причины сложностей, автор отчёта указывал на отсутствие опыта долгой международной экономической деятельности у польских властей: «Польша – новая страна, которая до настоящего времени полагалась скорее на разовые торговые сделки». Также помехой была широкая практика протекционизма: «Польша, хотя и является в основном сельскохозяйственной страной, хорошо развита в промышленном отношении. Поддерживается высокий уровень защиты, а тариф является чрезвычайно сложным. Кроме того, Польша защищает свой обмен посредством системы запретов на импорт, которые затрагивают около 75 процентов импорта из Соединенного Королевства». Ещё одна помеха – непреклонность Польши в вопросе

⁴⁶⁶ CP № 226(34)–305(34) – P. 251 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-251.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

гарантий для её экспорта: «Польское правительство по политическим и другим причинам очень стремилось получить точные гарантии относительно будущего своей торговли с этой страной сельскохозяйственной продукцией, особенно беконом, на долю которого приходится около трети от общего объема торговли Польши с Соединенным Королевством»⁴⁶⁷.

Поскольку торговый баланс в начале 1930-х гг. складывался в пользу Польши – в 1933 г. импорт из Польши в Великобританию составил 6,6 млн фунтов стерлингов, а экспорт в Польшу из Великобритании составлял 2,7 млн фунтов стерлингов, плюс реэкспорт – 1,1 млн – британская сторона была заинтересована в продвижении своих товаров, в том числе из колоний. Великобритания стремилась добиться освобождения колониальной торговли от правил компенсационной торговли Польши, в соответствии с которыми импорт определённых классов колониальных товаров мог быть поставлен в зависимость от компенсационного экспорта определённых классов польских товаров или уплаты специальных пошлин вместо них⁴⁶⁸.

Также сложности вызывал вопрос о перевозках товаров: «Польша полна решимости приложить все усилия для создания национального торгового флота и очень ревниво относится ко всему, что, казалось бы, мешает ей продвигать интересы судоходства». Рассуждая о перспективах развития торговли между странами, глава торговой палаты заключал, что эффект «зависит в значительной степени от развития покупательной способности Польши, финансового положения польских трейдеров, курса валют, конкурентоспособности других стран, усилий, предпринимаемых экспортёрами Соединенного Королевства, чтобы воспользоваться предоставляемыми им возможностями, и, последнее, но не менее важное, доброй воли со стороны Польши в поощрении торговли Соединенного Королевства и в соблюдении духа и буквы торгового соглашения»⁴⁶⁹.

Таким образом, две крупные проблемы британской экономики начала 1930-х гг. – упадок торгового судоходства и пассивность торгового баланса⁴⁷⁰ – явно отразились в торговых переговорах с Польшей. Лоббирование британской позиции по обоим этим направлениям соответствовало экономическим интересам страны.

⁴⁶⁷ СР № 1 (35)–45(35)... – Р. 294.

⁴⁶⁸ СР № 1(35)–45(35)... – Р. 295.

⁴⁶⁹ Ibid. – Р. 294–296.

⁴⁷⁰ Трухановский, В. Г. Указ. соч. – С. 228–229.

30 января 1935 г. Кабинет министров уполномочил главу торговой палаты заключить соглашение по направлениям, указанным в его меморандуме⁴⁷¹. Торговое соглашение было подписано 27 февраля 1935 г. Оно распространялось на британские колонии и подмандатные территории, что имело большое значение для польского экспорта. Это был тарифный договор с большим количеством скидок, содержащихся в двух списках. В первом – для товаров, произведённых в Соединенном Королевстве, во втором – для товаров из колоний и подмандатных территорий. Общее количество таможенных скидок, предоставленных Великобритании, составило 421. По словам польского исследователя К. Кани : «Польша не могла отказаться от соглашения, поскольку была бы лишена возможностей экспорта в Англию, которая в то время была самым важным получателем польских товаров, сохраняя эту позицию до 1938 г.»⁴⁷². Таким образом, Великобритании удалось реализовать задачу по расширению возможностей экспорта своих товаров в переговорах с Польшей.

Однако, как оценивали британские дипломаты англо-польские торгово-экономические отношения? В исследованиях отмечена проблема конкуренции английских и немецких товаров на европейском рынке⁴⁷³. Как видно из приведённой ранее статистики, Германия устойчиво занимала одно из ведущих мест среди торговых партнёров Польши. И это в условиях, когда экономические отношения этих стран переживали не самые лёгкие времена: в 1932 г. Германия ввела максимальные импортные пошлины на многие польские товары; зеркальные меры были приняты польской стороной. Однако в октябре 1933 г. начались торговые переговоры Германии с Польшей, 7 марта 1934 г. в Варшаве был подписан протокол о прекращении таможенной войны⁴⁷⁴. Наконец, 4 ноября 1935 г. было подписано польско-германское соглашение об экономическом сотрудничестве, что могло усилить конкуренцию британским торгово-экономическим интересам в Польше со стороны Германии.

В начале 1936 г. сотрудники Форин Офис представили комментарии по вопросу немецкой конкуренции. Британские дипломаты,

⁴⁷¹ Cabinet Conclusions 1(35)–35(35), 1935, 9 January – 7 June. – P. 94 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-81.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

⁴⁷² Kania, K. Stosunki handlowe... – S. 24–25.

⁴⁷³ Трухановский, В. Г. Указ. соч. – С. 235–236.

⁴⁷⁴ Кузьмичёва, А. Е. Указ. соч. – С. 98.

рассматривая экономическую экспансию Германии, исходили из того, что «нацизм не причина, а симптом экономических сложностей». С их точки зрения в случае отсутствия какого-либо экономического союза с Великобританией, Францией или СССР наилучшим экономическим решением для Германии, вероятно, была бы организация рынка в Центральной и Южной Европе. Допускалось, что растущая экспортная торговля Германии в эти районы послужила бы «полезным дополнительным предохранительным клапаном. Если бы мы могли способствовать такой естественной тенденции каким-либо взаимным актом самоотречения, согласно которому мы отказались бы от наших прав на режим наибольшего благоприятствования в Центрально-Восточной Европе в обмен на ограничение Германией интенсивной конкуренции в Скандинавии и Прибалтике, эта тенденция могла бы усилиться и канализоваться. Это тенденция, которая, возможно, уже действует в Польше, где немецкий экспорт собирается увеличиваться в соответствии с недавним коммерческим соглашением, согласно которому польский импорт немецких товаров должен быть удвоен, если Германия продолжит закупать польскую сельскохозяйственную продукцию». То есть рассматривалась возможность создания немецкой «отдушины» в Центрально-Восточной Европе, исходя из принципа, что этот регион представляет собой «естественное поле для немецкой торговли и промышленности»⁴⁷⁵.

Таким образом, в условиях экономического кризиса в первой половине 1930-х гг. торгово-экономические аспекты британско-польских отношений оказались тесно связаны с дипломатическими. Наряду с интересом к выгодам от британско-польской торговли, место Польши оценивалось Великобританией, прежде всего, исходя из проблемы обеспечения безопасности в Европе, для решения которой не исключались различные уступки (территориальные – со стороны Польши в пользу Германии; дипломатические – со стороны Франции за счёт Польши; экономические – со стороны Великобритании в пользу Германии в регионе Центрально-Восточной Европы).

3.4 Женевская конференция (1932 год)

В начале 1930-х гг. крупной международной площадкой для обсуждения вопросов обеспечения безопасности и разоружения стала

⁴⁷⁵ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1976. – Vol. 15. – P. 762–768.

конференция в Женеве по сокращению и ограничению вооружений, которая начала свою работу в феврале 1932 г. Подготовка к проведению этой конференции шла долго – подготовительная комиссия приступила к работе вскоре после Локарнской конференции в мае 1926 г., а закончила свою работу лишь в декабре 1930 г.⁴⁷⁶

Председателем Женевской конференции был британский лейбористский политик Артур Гендерсон, один из её инициаторов ещё в годы нахождения на посту главы внешнеполитического ведомства. Подготовка конференции стимулировала внешнеполитическое ведомство Великобритании к очередному раунду аналитической работы. Накануне визита 9 декабря 1931 г. польской делегации в Лондон с целью изложить свою концепцию готовящейся конференции в Форин Офис были подготовлены два меморандума: по вопросу Данцига и польско-германских отношений. В первом проводилась мысль о том, что Данциг стремится в большей мере восстановить связь с Германией, во втором рассматривались варианты улучшения польско-германских отношений либо посредством подписания «Восточного Локарно», либо посредством двустороннего политического договора. Оговаривались варианты отказа Польши от права на часть территорий взамен на гарантию безопасности остальных и представление дополнительных гарантий Франции, чтобы союз с Польшей был не ей нужен, а на Польшу легче было оказать давление. Были указаны факторы, влиявшие на позицию Великобритании по вопросу германо-польских отношений: недопущение перерастания конфликта за пределы локального, неприятие общественным мнением обязательств в отношении той части мира, где у Великобритании нет непосредственных интересов. Содержание этих документов не озвучивалось на встрече с польскими дипломатами, но в ходе неё глава Форин Офис Дж. Саймон поинтересовался, готова ли Польша для обеспечения условий для разоружения пойти на территориальные уступки. Глава польского МИД А. Залеский такой вариант исключил. В итоге в Форин Офис оформилось мнение, что в польско-советских отношениях существует возможность улучшения, подписания договора о ненападении, но не видно возможностей улучшения отношений с Германией⁴⁷⁷.

В качестве попытки дать оценку ситуации в Европе и помочь сформулировать декларативный документ о целях Великобритании в международных отношениях 1 января 1932 г. появился секретный

⁴⁷⁶ Jeziorny, D. Op. cit. – S. 43.

⁴⁷⁷ Nowak-Kiełbikowa, M. Op. cit. – S. 295–298, 302–303.

меморандум. Он был подготовлен по просьбе госсекретаря по иностранным делам дипломатом Робертом Ванситтартом, занимавшим пост его постоянного заместителя. В рамках общей оценки ситуации в Европе британский дипломат обозначил место Польши. С одной стороны, связанные с польским государством проблемы британский дипломат называл в ряду острых политических проблем в Европе: «с политической точки зрения есть острые проблемы Силезии, польского коридора, России и пограничных государств, Бессарабии, Вильно, Трансильвании, габсбургский вопрос <...> Истина заключается в том, что реальное разоружение вряд ли достижимо без морального разоружения, что означает пересмотр договора. Последняя форма разоружения сделала бы первую гораздо менее неотложной»⁴⁷⁸. Второе, что обращает на себя внимание, Польша традиционно рассматривалась как французский сателлит, на которого Франция рассчитывала⁴⁷⁹. Правда, наличие этого сателлита, как и остальных, рассматривалось как недостаточное с точки зрения Франции для обеспечения её безопасности, потому делался вывод, что «с одной стороны, Франция все еще рассчитывает на нас (Великобританию – Е. Д.), хотя и в более отдаленном смысле; она упорно и глупо ссорилась с двумя из трех наиболее “плодовитых” европейских стран, Германией и Италией, и часто с третьей, Россией, которую она подозревает в том, что та “точит зуб” на пару её сателлитов, Польшу и Румынию. Она бы очень неохотно рассматривала постепенное охлаждение нашего отношения к Европе, под которым она понимает себя, поскольку это, в конечном счете, оставило бы её наедине с этими более плодовитыми матерями детей»⁴⁸⁰. В своих рекомендациях по вопросу о том, какую позицию должна занять Великобритания на конференции в Женеве, автор меморандума исходил из того, что Лондон не мог «поддержать подталкивание Германии в объятия России»⁴⁸¹. В качестве основной задачи момента предлагалось решить, «как при наименьших усилиях поддерживать результат временных и частичных решений. Это важно не только для внешней, но и для внутренней политики. На конференции по разоружению должно быть сделано всё, чтобы предотвратить вспышки противоречий между Францией и Германией. Общественное мнение и Доминионы больше склонны к поддержке позиции Германии»⁴⁸².

⁴⁷⁸ CP № 1(32)–50(32)... – P. 88.

⁴⁷⁹ Ibid. – P. 91–92.

⁴⁸⁰ Ibid. – P. 93.

⁴⁸¹ Ibid. – P. 88.

⁴⁸² Ibid. – P. 88–94.

С указанными рекомендациями британская делегация прибыла на конференцию, первое заседание которой прошло 2 февраля 1932 г. под председательством А. Гендерсона. Это было начало первой сессии, которая завершится 23 июля того же года. 9–23 февраля происходили общие выступления делегаций и вносились предложения, 24 февраля Конференция направила Общей комиссии все предложения делегаций, после чего до 23 июля пленарных заседаний не было. 5 февраля были озвучены предложения французской делегации т. н. «план Тардьё»⁴⁸³. Франция делала акцент на проблеме безопасности, создании армии Лиги Наций. Без таких гарантий она соглашалась лишь на ограничение вооружений, исходя из потребностей каждого государства. Этих положений придерживалась и Польша, она также лоббировала идею «морального разоружения», одноимённый меморандум польские дипломаты передали приглашённым на конференцию правительствам ещё в сентябре 1931 г. через секретариат Лиги Наций⁴⁸⁴. А. Темперли в своей работе охарактеризовал эту ситуацию, как наличие «французской группы»: «Малая Антанта и Бельгия поддерживали очень тесные отношения с Францией. Польша была гораздо более независимой, но в важных случаях можно было положиться на то, что она подчинится взмаху французского кнута»⁴⁸⁵.

В период этой сессии, следуя установке «предотвратить вспышки противоречий между Францией и Германией», британские политики пытались выступить с компромиссными предложениями⁴⁸⁶. В поисках приемлемых для противостоящих сторон формул одним из препятствий была Польша. Проблемы, проистекавшие из её международного положения, постоянно приходилось учитывать при разработке проектов урегулирования. Например, 31 марта Дж. Саймон подготовил для Кабинета меморандум, где сформулировал контраргументы на потенциальные

⁴⁸³ Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению Признание Маньчжоу-ГО и др. / под. Ред. К. В. Антонова. – М. : Издание НКВД, 1933 . – С. 42–47.

⁴⁸⁴ Там же. – С. 32–33; Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents / League of Nations. – Vol. 1. – Geneva, 1932. – P. 66–68, 117–119.

⁴⁸⁵ Temperley, A. C. The whispering gallery of Europe / A. C. Temperley. – London : Collins, 1938. – P. 186.

⁴⁸⁶ Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению Признание Маньчжоу-ГО и др. / под. Ред. К. В. Антонова. – М. : Изд-во НКВД, 1933 . – С. 63–64.

заявления Франции. В частности, на утверждения Парижа, что границы Польши небезопасны и необходимо заключение всеобъемлющего договора. Глава Форин Офис сформулировал принцип невозможности «принять концепцию сверхдержавы, обычной функцией которой является выполнение функций международного полицейского». Взамен предлагался принцип «региональных гарантий между государствами на европейском континенте»⁴⁸⁷.

Параллельно велась работа с немецкой стороной, в ходе которой также поднималась польская тема. В частности, посол в Берлине Гораций Рамбольд 6 июня сообщал в Форин Офис о беседе с немецкими дипломатами по вопросу о возможном вкладе Германии в систему безопасности. В ходе неё на вопрос, что Германия могла бы внести со своей стороны, министр иностранных дел Германии фон Нейрат сразу поднял вопрос о «польском коридоре» и подчеркнул, что «при нынешнем положении вещей политика Германии не направлена на обеспечение изменений, но, с другой стороны, совершенно невозможно, чтобы Германия рассматривала возможность сохранения существующей ситуации вечно». В ответ была предложена концепция договорённости на несколько лет, в течение которых между европейскими государствами будет заключено соглашение не проводить политику, рассчитанную на то, чтобы поднимать спорные политические вопросы⁴⁸⁸.

Выработать согласованную схему ограничения вооружений до лета 1932 г. не удалось. 22 июля Германия озвучила Декларацию о неучастии в дальнейшей работе конференции⁴⁸⁹. Это означало фактическое окончание первой сессии. 23 июля была принята резолюция, отложившая очередную сессию конференции и оставившая в работе только её бюро и комиссии⁴⁹⁰.

⁴⁸⁷ CP № 101(32)–150(32) – P. 203 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-229.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴⁸⁸ CP № 151(32)–200(32) – P. 283–284 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-230.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁴⁸⁹ Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению Признание Маньчжоу-ГО и др. / под. Ред. К. В. Антонова. – М. : Изд-во НКИД, 1933 . – С. 96–97.

⁴⁹⁰ Conference for the Reduction... Vol. 1. – Geneva, 1932. – P. 268–271.

Однако через три дня правительство Германии заявило о присоединении к «пакту доверия», подписанному между Великобританией и Францией ещё 13 июля и содержащему заявление о намерении «работать друг с другом, а также с другими делегациями в Женеве для такого разрешения проблемы разоружения, которое было бы справедливым и выгодным для всех заинтересованных держав»⁴⁹¹. Все европейские государства, члены Лиги Наций, приглашались присоединиться к этому пакту, но Германия решительно протестовала против присоединения Польши. Такая ситуация показывала Варшаве, что в политике западных государств усиливалась тенденция решать важные для неё вопросы без её участия. Союз с Францией переставал рассматриваться как надёжный. В свете этих событий особое значение для Польши имел договор с СССР: он обеспечивал спокойную ситуацию на востоке Европы и давал основания проводить более самостоятельную политику на западе⁴⁹².

Обозначенные обстоятельства, а также успешный для Германии ход Лозаннской конференции, повлекший снижение репарационных выплат, подтолкнули Польшу, стремившуюся к усилению своей позиции в международных отношениях, к подписанию 25 июля 1932 г. известного пакта о ненападении с СССР. Данный шаг польского правительства не мог не получить оценку британских дипломатов. Как отметила польская исследовательница М. Новак-Келбикова, факт польско-советского договора был принят без опасений, но и без энтузиазма. Он рассматривался как один из многих договоров, подписанных СССР с пограничными государствами⁴⁹³. На это настраивали сообщения от британских представителей из Москвы о том, что на текущий момент СССР занят урегулированием отношений со всеми государствами, с которыми в недавнем прошлом у него были реальные или потенциальные разногласия, Польша лишь одна среди них⁴⁹⁴. Очевидно, никакого ажиотажа и переоценки положения Польши этот дипломатический шаг не вызвал, он рассматривался как её дипломатический манёвр в отношениях с западноевропейскими государствами.

⁴⁹¹ Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозанские соглашения. Женевская конференция по разоружению. Признание Маньчжоу-ГО и др. / под. Ред. К. В. Антонова. – М. : Изд-во НКВД, 1933. – С. 30.

⁴⁹² Лазько, Р. Р. Перад патопам... – С. 55–56.

⁴⁹³ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 313.

⁴⁹⁴ Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 246–247.

Гораздо больше внимание британских дипломатов привлекали действия Германии, которые становились всё более решительными в деле отстаивания своей позиции, о чём свидетельствовал появившийся 29 августа германский меморандум о равноправии в вооружениях, вручённый французскому послу в Женеве. После того, как остальные страны отказались принять его условия, Германия 16 сентября уведомила об отказе от участия в сентябрьских заседаниях конференции⁴⁹⁵.

Как результат, в подготовленном 29 сентября главой Форин Офис по запросу премьер-министра обзоре европейской ситуации большое внимание уделено именно теме политики Германии. В связи с её осмыслением получил освещение и вопрос, касающийся Польши: «Польская граница (карта которой, как нам говорят, часто висит в комнате молодого немца, чтобы напомнить ему о ране в боку Германии), очевидно, является следующим элементом, который необходимо рассмотреть <...> нет никакой надежды на решение путем соглашения между Германией и Польшей или с помощью какого-либо простого логического решения. Поэтому, если планируется исправление этой ситуации, это будет силовое решение. Каковы признаки того, что Германия думает в этом направлении? Они приняли план, согласно которому немецкая молодежь должна пройти период физической подготовки под руководством военных. Хотя это делается во имя спорта, на самом деле это обеспечивает не только сырьё для армейской подготовки, но и, вполне возможно, позволяет провести предварительную регистрацию»⁴⁹⁶. Этот тревожный итог анализа подталкивал к поиску такого механизма продолжения переговоров о разоружении и безопасности, который с точки зрения Великобритании позволил бы обойти препятствия вроде вопроса о польско-германской границе.

В октябре 1932 г. в Кабинете обсуждался вопрос о ходе конференции о разоружении, возможности возврата на неё Германии. Было принято решение, что, если Польша и Чехословакия займут «обструктивную позицию», желательно ограничить Конференцию Соединённым Королевством, Францией, Германией, Италией и Соединёнными Штатами Америки. При этом премьер-министру и госсекретарю по

⁴⁹⁵ Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению Признание Маньчжоу-ГО и др. / под. Ред. К. В. Антонова. – М. : Изд-во НКВД, 1933 . – С. 102–105, 111–112.

⁴⁹⁶ CP № 301(32)–350(32) – P. 172 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-233.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

иностранным делам предоставлялась свобода действий в отношении возможного допуска других стран, таких как Польша и Чехословакия, если на британских представителей «будут сильно давить»⁴⁹⁷. Таким образом, формулировался принцип принятия решений не с использованием площадки представительной международной конференции, а посредством переговоров между несколькими крупными государствами с обязательным присутствием Германии.

Для его обеспечения, как показывает следующий цитируемый документ, британская дипломатия готова была на определённое пренебрежение позицией Польши. Глава Форин Офис 17 октября заявил Кабинету о «кризисе политики разоружения», который нес угрозу и международным делам, и внутривнутриполитической ситуации. Он признавал, что правительство Германии нацелено на укрепление своей военной силы с целью решения вопроса о польской границе. Однако он придерживался позиции, что, если требование Германии будет быстро и публично удовлетворено, общественное мнение за пределами Германии будет настроено против её перевооружения, и силы внутри Германии, которые настроены миролюбиво, будут иметь больший вес. «Более того, если Германия не будет возвращена на Конференцию по разоружению и соглашение не будет достигнуто в Женеве, нет ни малейшей перспективы какого-либо серьёзного сокращения вооружений со стороны соседей Германии. Конференция, которая началась с того, что была нацелена на всеобщее разоружение, закончится увеличением вооружений и вероятностью возобновления войны»⁴⁹⁸. То есть потенциальными рисками для Польши, по оценке главы Форин Офис, было допустимо пренебречь в пользу идеи общего мира и внутривнутриполитической стабильности.

В то же время проводился анализ текущих рисков со стороны военного ведомства. Свою оценку положения в мире его представители – глава имперского генерального штаба и глава военного ведомства – дали в меморандуме от 28 октября. Авторы его пришли к выводу, что на текущий момент Франция с лёгкостью разобьёт Германию со 100-тысячной армией. Что касается Польши, то её роль в ситуации потенциального франко-германского конфликта – наблюдение за Советской Россией. При этом последняя не готова

⁴⁹⁷ Cabinet Conclusions 41(32)–60(32), 1932 30 June – 39 November. – P. 243–244 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-72.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

⁴⁹⁸ CP № 301(32)–350(32)... – P. 355.

к наступательным действиям, занимается кризисом пятилетнего плана, а её армия преимущественно из крестьян лояльна к правительству, но может быть эффективна лишь на своей территории. Даже в случае советского наступления Польша сможет оказать сопротивление, имея армию хорошего качества, соглашение с Румынией о совместных действиях и соглашение с Францией. Указывалось, что французских призывников вряд ли удастся склонить к участию в боевых действиях в Восточной Европе, но некоторая военная помощь и достаточные поставки военного снаряжения будут получены. Сама Польша, по оценке авторов меморандума, не стала бы искать никаких военных авантур далеко за пределами своих границ. Вмешательство Германии в советско-польскую войну представлено как маловероятное. Война между Польшей и Германией, в которой Россия не принимает участия, по мнению авторов, должна закончиться потерей Восточной Пруссии и военным поражением Германии. Подводя итоги, авторы резюмировали, что ситуация такова, что «Польша, поддерживаемая своими военными союзами, достаточно защищена либо от России, либо от Германии по отдельности, либо в составе коалиции»⁴⁹⁹.

Через несколько дней глава военного ведомства представил Кабинету меморандум в связи с обсуждением на международном уровне вопроса об ограничении и сокращении вооружений. Он изложил следующую позицию: Германия не собирается придерживаться соглашений типа пакта Бриана-Келлога, она не скрывает намерения избавиться от Версальского договора, следующей её политической целью станет «исправление польского коридора», изменение восточных границ, которые она считает несправедливыми, позже, возможно, и западных⁵⁰⁰.

Таким образом осенью 1932 г. в британском военном ведомстве существовала оценка Польши, как государства, чьи вооружённые силы и военные союзы позволяли обеспечить защиту имеющихся у него территорий, а также не настроенного на новые территориальные приобретения. При этом положение её абсолютно стабильным не представлялось ввиду ревизионистской позиции Германии.

Подобные оценки давали и отдельные политики, ближе знакомые с польскими проблемами в силу прошлого опыта своей деятельности.

⁴⁹⁹ CP № 351(32)–400(32) – P. 160–162 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-234.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁵⁰⁰ Cabinet Conclusions 41(32)–60(32)... – C. 263–265.

Например, в конце осени 1932 г. советский посол И. М. Майский во время визитов к британским политикам встречался с Д. Ллойд Джорджем, который в ответ на заявление посла, что пятилетка будет успешной, если не будет войны, ответил, что никто не собирается воевать с СССР. «Французский солдат, пожалуй, ещё выступит против немца, но воевать за Польшу? С какой стати? <...> Кто же ещё вам может грозить? Польша? Но что она в состоянии сделать одна, да ещё в обстановке отчаянных внутренних трудностей? К тому же Польша сейчас гораздо больше опасается столкновения с Германией, чем с вами»⁵⁰¹.

12 декабря 1932 г. была принята резолюция о равенстве прав в вооружениях, в том числе для Германии, декларировавшая обеспечение безопасности для всех стран Европы⁵⁰². Эта уступка в пользу требований Германии была направлена на достижение цели по возобновлению работы конференции и означала для Польши рост риска потенциальной угрозы.

Таким образом, в 1932 г. британские дипломаты рассматривали Польшу как государство, чьё международное положение связано с рядом острых политических проблем, вызванных неудовлетворённостью её соседей итогами территориального размежевания с польским государством: проблема Силезии, «польского коридора», польско-советского размежевания, статуса Виленского региона.

Во время первой фазы Женевской конференции по оценкам британских дипломатов и военных наиболее остро стоял вопрос германо-польских отношений. Это было связано со стремлением Германии к ревизии её восточных границ и подготовкой к варианту её силового осуществления. На тот момент военный потенциал Польши и наличие у неё военных союзников оценивались как достаточные условия для защиты её территорий, однако требуемое Германией увеличение вооружений могло изменить расстановку сил в центрально-восточноевропейском регионе.

Проведение переговоров на площадке Женевской конференции виделось как возможность не допустить бесконтрольное вооружение Германии и обострение её отношений с Францией, потому предотвращение срыва конференции из-за отказа немецкого правительства от переговоров было целью британской дипломатии. В этом аспекте Польша выступала в роли фактора, затруднявшего достижение названной цели. Снижение влияния этого фактора осложнялось союзнической ролью Польши по отношению к Франции, что не позволяло Великобритании самолично эффективно оказывать давление на польское правительство.

⁵⁰¹ Майский, И. М. Указ. соч. – С. 177.

⁵⁰² Conference for the Reduction... Vol. 2. – Geneva, 1935. – P. 447.

Разрабатывалась формула преодоления влияния польского фактора путём ограничения непосредственных участников переговоров на Конференции, что позволило бы добиться удовлетворения некоторых требований Германии, содержащих потенциальные риски для сохранения целостности текущей территории Польши.

3.5 «Пакт четырёх»

Новый раунд заседаний Женевской конференции начался 2 февраля 1933 г., но уже 29 июня следующее заседание конференции было отложено из-за позиции Германии. После чего только 9 октября конференция возобновила работу, однако предложение начать процесс выравнивания Германии в вопросе вооружений лишь через четыре года вызвало протест с её стороны и 14 октября она покинула конференцию, а 19 октября вышла из Лиги Наций. 22 ноября 1933 г. Президиум конференции по разоружению единогласно решил, что работа конференции должна быть на некоторое время приостановлена. На протяжении 1934 г. Пленум конференции не собирался, несколько раз заседал Президиум, работали отдельные комитеты. После заседания Президиума 20 ноября работы по вопросам разоружения в 1934 г. не возобновлялись, в 1935 г. заседало несколько комитетов по торговле и гласности, в 1936 г. после денонсации Германией военных условий Версальского мирного договора конференция была окончательно прервана⁵⁰³.

В преддверии возобновления заседаний конференции в 1933 г. в Форин Офис велась аналитическая работа, направленная на выработку позиции британской делегации по вопросам, которые потенциально могут возникнуть в ходе переговоров. Показательно появление в это время секретного «Меморандума о Данциге и польском коридоре», что означало ожидание выступления немцев с инициативой пересмотра границы. В этом документе доказывалось, что проблема германо-польского территориального размежевания имела «эмоциональный характер». Авторами меморандума отмечалось наличие нескольких проектов изменений границ, которые характеризовались как неприемлемые. Например, клайпедский или литовский вариант предполагал перемещение границы и обмен польским и немецким

⁵⁰³ Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. X. Разоружение, 1933–1936 / Наркомат по иностранным делам СССР. – М.: Изд-во НКВД, 1936. – С. 43–53, 123–126.

населением, проживающим в польском Поморье и округе Клайпеды. Вторым вариантом предполагалось возвращение Германии Данцига и территории к северу от него вместе с железной дорогой из Данцига до Щетина, при этом Гдыня оставалась за Польшей. Этот вариант был хорош лишь для Германии, так как стратегическое положение Гдыни оказывалось под угрозой. Также как нереальные характеризовались разные технические решения, включавшие улучшение коммуникаций между Германией и Восточной Пруссией, так как они только откладывали решение вопроса о судьбе Данцига. В качестве рекомендаций обозначалось, что, если при обсуждении вопроса о равенстве вооружений Германия поставит вопрос о коридоре, то лучшим решением, которое удовлетворит большинство немецких претензий без больших жертв со стороны Польши была бы передача Германии Данцига, так как постройка Гдыни ликвидировала причину – предоставление Польше порта в Балтийском море, – по которой Данциг был оторван от Германии. Возврату должен предшествовать плебисцит, итог которого будет в пользу Германии. Польше останется возможность упрощённого транзита и зона беспошлинной торговли. Одновременно железная дорога Берлин-Кролевец с прилегающей территорией будет передана Германии для транзитного проезда. Желательно, чтобы река Висла и Быдгощский канал получили международный статус, торговля была справедливо разделена между Гдыней и Данцигом, соблюден политический нейтралитет последнего. Такое решение должно получить международные гарантии наподобие локарных соглашений⁵⁰⁴. Этот проект получит название «план Роберта Хэнки»⁵⁰⁵. То есть Польша британскими дипломатами не рассматривалась как государство с неприкосновенными границами, не исключалась возможность их трансформации с целью удовлетворения территориальных претензий Германии и достижения с нею сделки по вопросу разоружения.

Следует отметить, что британских дипломатов укрепляло в их взглядах знание о наличии схожих оценок в США и Италии. Так 31 января 1933 г. британский посол в США Роналд Линдси писал в Лондон о беседе с Ф. Рузвельтом. В ходе неё поднимались разные международные вопросы, в том числе, связанные с Польшей. Ф. Рузвельт, по словам Р. Линдси, заявил, что «хочет внести какой-то вклад в политическое переустройство и, следовательно, в безопасность Европы, хотя этот вопрос никоим образом не является американским

⁵⁰⁴ Nowak-Kiełbikowa, M. Op. cit. – S. 324–325.

⁵⁰⁵ Piszczkowski, T. Op. cit. – S. 360.

интересом и лишь не на много больше британским, он упомянул вопрос о польском коридоре, который, как он понял, сейчас находится в тупике». Ф. Рузвельт озвучил идею возврата коридора и предоставление Польше непрерывного и бесперебойного независимого железнодорожного сообщения с Гдыней⁵⁰⁶. Из сообщений британского посла в Риме Форин Офис также было известно, что Б. Муссолини в беседе с французским послом изложил свой взгляд на проблему польского коридора, рассматривая её как самую давящую и опасную. На взгляд итальянского премьер-министра, Данциг и полоса побережья шириной в 10–15 км. должна быть передана Германии, чтобы обеспечить её сообщение с Восточной Пруссией. Была также идея компенсации Польше, но без подробностей, он надеялся обсудить эти проекты с французским и английским послами⁵⁰⁷.

В течении февраля наблюдалось сохранение остроты польско-германских отношений. Например, именно в это время Совет Лиги рассматривал жалобу Германии на то, что при проведении аграрной реформы польское правительство ликвидировало немецкую собственность⁵⁰⁸. В итоге 28 февраля в Кабинет был представлен меморандум Джона Саймона «Кризис в Европе». В нём «политические противоречия» между Германией и Польшей были расположены на втором месте после франко-германских по степени остроты; в случае срыва конференции по разоружению прогнозировалось их обострение⁵⁰⁹. Такая ситуация требовала поиска вариантов дальнейшей работы конференции.

Как уже отмечалось, ещё в октябре 1932 г. при обсуждении в Кабинете вопроса о ходе конференции, было решено, что желательно ограничить её, по возможности, Соединённым Королевством, Францией, Германией, Италией и Соединёнными Штатами Америки. В середине марта 1933 г. идея ограничения конференции до переговоров крупнейших государств нашла своё воплощение в проекте

⁵⁰⁶ CP № 1(33)–30(33) – P. 210 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-237.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁵⁰⁷ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1956. – Vol. 5. – P. 56–57.

⁵⁰⁸ Meysztowicz, J. Czas przeszły dokonany : wspomnienia ze służby w Ministerstwie Spraw Zagranicznych w latach 1932 – 1939 / J. Meysztowicz. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1984. – S. 67.

⁵⁰⁹ CP № 31(33)–33(33) – P. 11 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-238.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

«Пакта четырёх», а также в «плане Макдональда» от 16 марта по спасению конференции, который предполагал переговоры вне Лиги Наций между «великими державами»⁵¹⁰.

Эти проекты вызвали немедленную реакцию польской стороны. В Женеве прошла беседа между британским премьер-министром Р. Макдональдом, Дж. Саймоном и министром иностранных дел Польши Юзефом Беком, в ходе которой последний выражал озабоченность, чтобы на Женевской конференции не произошёл пересмотр мирных договоров без согласия всех подписантов. На это английский премьер ответил, что можно либо согласиться с отдельными изменениями, либо позволить Германии разорвать весь договор; что целью общей политики, особенно в Центральной Европе, должно быть снижение напряжённости, достижение согласия. Говоря об общем положении Польши, британский премьер отметил, что признаёт сложности, с которыми должно сталкиваться польское министерство иностранных дел, «находясь в столь сложном уголке Европе»⁵¹¹.

22 марта 1933 г. на заседании Кабинета премьер-министр информировал о своей поездке в Женеву, где продолжалась конференция по проблемам разоружения, а также в Италию в ответ на приглашение Б. Муссолини, который предложил идею сближения четырёх «великих западных держав» (Великобритания, Франция, Германия, Италия – Е. Д.) для сохранения мира в Европе минимум на десять лет. Отмечалось, что итальянский премьер высказал мысль, что мир будет в опасности, если не будет пересмотрен Версальский договор. В частности, он говорил о «польском коридоре» и исходил из принципа, что «все договора священны, но ни один не вечен». Комментируя предложение Италии, Дж. Саймон указал, что Франция не дала на него определённого ответа. Она проявила беспокойство, поскольку такая коалиция, включающая Германию, вызовет трудности в отношениях с Польшей и Малой Антантой. Дж. Р. Макдональд согласился с мыслью Дж. Саймона о разделении Европы на два лагеря, отметил сближение Италии и Германии. Он подчеркнул, что одна из проблем, которые лежат перед Великобританией, – не допустить изоляции Франции. «Но и слишком сблизившись с Францией, мы можем попасть в опасность противоположного характера»⁵¹².

⁵¹⁰ Nowak-Kiełbikowa, M. Op. cit. – S. 331, 342

⁵¹¹ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E.L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1956. – Vol. 5. – P. 61–63.

⁵¹² Cabinet Conclusions 1(33)–28(33), 1933 19 January – 13 April. – P. 324–328 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-75.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

Среди британских политиков высказывались разные оценки проекта «Пакта четырёх» и вопроса о потенциальной ревизии границ. Так заместитель лидера лейбористской партии и будущий премьер-министр Клемент Эттли отмечал, что «пересмотр территориального урегулирования в пользу Германии стал бы ироничным дополнением к захвату Китая Японией»⁵¹³. В целом же, при обсуждении в парламенте возобладала точка зрения, сформулированная консерватором, будущим главой Форин Офис, позже премьер-министром Энтони Иденом: «правительство Его Величества считает, что оно не должно уклоняться от ответственности, какой бы нежелательной она ни была, когда, взяв ее на себя, оно могло бы способствовать успешному завершению Конференции»⁵¹⁴. Несмотря на признание сложностей при решении вопроса о пересмотре мирных договоров, этот вариант был предпочтительнее, чем потенциальное разделение Европы на два лагеря: с одной стороны, Франция «со своими сателлитами на востоке Европы – Польшей, Чехословакией, Румынией и Югославией, с другой стороны, Италия и Германия, а также включённые в сферу их влияния Австрия и Венгрия»⁵¹⁵. Подытожил эти рассуждения лорд Диркенсон, выступая в палате лордов и заявив, что «нет ничего невозможного в том, чтобы достичь урегулирования по этим двум пунктам, и я должен сказать, что, по моему, мы действительно в неоплатном долгу перед синьором Муссолини за то, что он предложил, что он сам поможет найти какое-то решение пограничных вопросов такого рода»⁵¹⁶. Таким образом, с появлением варианта возвращения к модели «концерта великих держав» как основы международных отношений в Европе, в среде британских политиков усилилась тенденция рассматривать Польшу в роли потенциального донора как безопасности в Центрально-Восточной Европе, так и безопасности самой Великобритании.

⁵¹³ Foreign Affairs. 13 April, 1933 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1933/apr/13/foreign-affairs>. – Date of access : 02.05.2025.

⁵¹⁴ European Situation. 23 March, 1933 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://web.archive.org/web/20161013064756/http://hansard.millbanksystems.com/commons/1933/mar/23/european-situation>. – Date of access : 03.05.2025.

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ Foreign Affairs. 30 March, 1933 // House of lords debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://web.archive.org/web/20121226082208/http://hansard.millbanksystems.com/lords/1933/mar/30/foreign-affairs>. – Date of access : 03.05.2025.

Из сообщений британского посла в Лондоне было известно, что план Б. Муссолини был встречен в Варшаве с озабоченностью, даже с испугом. По мнению британского дипломата, обеспечить принятие поляками этого плана на данный момент было не реально, так как их беспокоили две вещи: формирование «концерта держав», в который они не войдут, и ревизия их границ⁵¹⁷. Как позже напишет член британской делегации на конференции Артур Темперли «В Центральной Европе быстро нарастала буря протеста против пакта, и она с полной силой обрушилась на голову Франции. Страны Малой Антанты были вне себя от ярости и под руководством м-ра Бенеша и м-ра Титулеску начали запугивать Францию и угрожать ей расторжением их военных союзов, если не будут исключены все ссылки на пересмотр международных договоров. Польша присоединилась к этому хору и была особенно озлоблена, не столько из-за вопроса о пакте, сколько из-за того, что с ней обращались как с маленькой державой»⁵¹⁸.

В таких обстоятельствах стало известно о встрече в Берлине 2 мая 1933 г. Адольфа Гитлера и польского посла Альфреда Высоцкого, действовавшего по инструкции Юзефа Пилсудского. После встречи появилось совместное коммюнике о приверженности договорным обязательствам⁵¹⁹. Этот факт вызвал интерес британских дипломатов. 5 мая британский посол из Берлина писал Дж. Саймону о том, что после официального коммюнике он обратился с вопросом к польскому послу в Германии об их «закулисье» и поинтересовался слухами о том, что в Германии очень опасаются превентивной войны со стороны Польши. А. Высоцкий же назвал их абсурдными⁵²⁰.

В то же время в среде британских дипломатов появились новые оценки франко-польских отношений. 9 мая английский посол лорд Тирелл в письме Дж. Саймону из Парижа писал, что Франция становится все более обеспокоенной запутанным характером своих обязательств в отношении польской западной границы, между нынешним леворадикальным правительством и режимом маршала Пилсудского «почти не осталось любви», вероятность того, что французское правительство в нынешних обстоятельствах сможет оказать какое-либо эффективное влияние на Польшу, невелика. «Отчасти есть чувство, что

⁵¹⁷ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1956. – Vol. 5. – P. 114–115.

⁵¹⁸ Temperley, A. C. Op. cit – P. 242–245.

⁵¹⁹ Meysztowicz, J. Op. cit. – P. 68.

⁵²⁰ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1956. – Vol. 5. – P. 200–202.

на Польшу больше нельзя положиться в противостоянии немецкой экспансии, которое стоит за кампанией Э. Эррио в пользу более тесных отношений с Советской Россией. Что сделала бы Польша в случае военных действий между Германией и Францией – еще один вопрос, по которому я не имею права высказывать свое мнение»⁵²¹. В конце мая лорд Тирелл констатировал дальнейшее обострение франко-польских отношений из-за «обструкции и нетактичных методов» польского посла⁵²².

Попытки французских дипломатов в начале лета 1933 г. изменить позицию Польши были неудачны. В июне британский посол писал из Варшавы о попытках своего французского коллеги убедить Польшу, что в рамках четырёхстороннего пакта улучшатся франко-итальянские отношения, что позволит потенциально Франции больше сил задействовать при необходимости для помощи Польше. Ю. Бек, министр иностранных дел Польши, в ответ утверждал, что пакт будет обозначать гегемонию четырёх держав, точнее – трёх, так как Франция всегда будет в меньшинстве, угрожал отказом от места в Совете Лиги и даже выходом из этой организации. По мнению британского посла, упрямство Польши было вызвано соображениями престижа – «считая себя по меньшей мере полувеликой державой, она обижается, когда к ней относятся, как к малой», – но также реальным страхом того, что Франция примет обязательство пойти на некий компромисс по вопросу ревизии границ и в таком случае Польше будет очень тяжело сопротивляться давлению четырёх держав⁵²³. То есть, по оценке британского посла, вопрос о четырёхстороннем пакте вызвал значительное напряжение в отношениях Польши и Франции. Для британских политиков это означало, что механизм давления на Польшу через Францию несколько ослабевал, превращение её в донора безопасности осложнялось.

Одновременно с проработкой западного вектора Польша предпринимала дипломатические шаги в отношении своего восточного соседа. В Лондоне летом 1933 г. проходила конференция по хозяйственным вопросам, где также велись переговоры о конвенции об определении агрессора. Польшу там представлял Эдвард Рачиньски.

⁵²¹ CP № 121(33)–150(33) – P. 7–8 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-241.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁵²² DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1956. – Vol. 5. – P. 280–281.

⁵²³ Ibid. – P. 334–336.

3 июля была подписана многосторонняя конвенция об определении агрессора между СССР и соседними с ним странами. Подписала её и Польша⁵²⁴. 4 июля британский посол У. Эрскин сообщал в Лондон о беседе с Ю. Беком по вопросу подписанной конвенции, в ходе которой польский политик подчеркивал, что не было идеи подписания более широкого соглашения или чего-то наподобие ответа на четырёхсторонний пакт (!). По оценке британского дипломата, советская сторона склонна преувеличивать значение этой конвенции для польско-советских отношений, подписание этой конвенции не ведёт к значительным изменениям⁵²⁵. То есть подписание конвенции с СССР, как дипломатический манёвр со стороны Польши в условиях складывания «Пакта четырёх», не повлияло на оценку положения Польши, не усилило её позиции в глазах Великобритании в это время.

Как уже отмечалось, после отказа А. Гилера от предложения Франции о введении для Германии испытательного периода международного контроля, с конца июня 1933 г. до 9 октября был перерыв в работе конференции в Женеве. За это время у ряда британских дипломатов нарастало недоверие к Германии и недовольство предлагаемыми вариантами разоружения. Например, Дж. Саймон передал в Кабинет меморандум о внешней политике немецкого нацистского правительства. В нём автор писал об активной физической подготовке немецких мужчин, об активной пропаганде в стране. От отмечал, что немецкие министры и официальные лица довели задачу сокрытия «ура-патриотизма» за безобидным языком до высокого искусства, и за их речами скрывается тезис о том, что Германия вступит в войну с Польшей в самый ранний возможный момент. Он высказал убеждение, что нельзя было бы выбрать момент хуже, чем нынешний, чтобы выступить за резкое сокращение вооружений Франции, Малой Антанты и Польши. По мнению британского дипломата, Франция, Соединенные Штаты и Великобритания должны обратиться к Германии с суровым предупреждением о том, что не может быть никакого разоружения, никакого равенства статуса и никакого ослабления Версальского договора, если в Германии не произойдет полный отказ от нынешних военных приготовлений и тенденций⁵²⁶. Госсекретарь по иностранным делам также представил Кабинету

⁵²⁴ Od Genewy do Jałty. Rozmowy radiowe / E. Raczyński, T. Żenczykowski. – Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 1991. – S. 10.

⁵²⁵ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 587–588.

⁵²⁶ CP № 121(33)–150(33)... – P. 48–51.

меморандум, посвящённый вопросу о мерах, которые могут быть приняты, чтобы вынудить Германию придерживаться обязательств по ограничению вооружённых сил, предусмотренных Версальским мирным договором. В заключении автор остановился на характеристике позиции восточных соседей Германии – Польши и Чехословакии, – отметив, что эти страны не связаны обязательством не нападать на Германию и не вторгаться в неё, что ставит их в такое же положение, как у Великобритании⁵²⁷. Как видно из приведённых документов, глава британской дипломатии, анализируя происходившие в Германии в первой половине 1933 г. процессы, допускал модель международных отношений в Центрально-Восточной Европе, в которой Польша могла быть включена в механизм сдерживания вооружения Германии. Однако эта модель на тот момент не получила воплощения и развития.

Реализуя принцип обсуждения и решения важных вопросов не на уровне международных конференций, а в узком формате между «великими державами», 15 июля 1933 г. Великобритания подписала с Францией, Германией и Италией «Пакт четырёх». Он предполагал, что подписанты будут добиваться согласия по всем затрагивающим их вопросам. Среди прочего и по Статуту Лиги Наций, в частности его 19 статье, которая позволяла приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир⁵²⁸. Это составляло договорную базу для пересмотра положений Версальского договора, в том числе о германо-польском территориальном размежевании. В дальнейшем, как известно, проект «Пакт четырёх» не получил значительной реализации, не смог стать механизмом продления работы конференции, которая будет приостановлена 22 ноября 1933 г.

Подписание пакта не ослабило подозрений со стороны Форин Офис в отношении экспансионистских планов Германии. 30 августа Дж. Саймон после возвращения из Европы представил Кабинету меморандум о ситуации в Европе с прогнозами на будущее, подготовленный его постоянным заместителем Р. Ванзитартом. По мнению автора, двумя самыми насущными проблемами являлись судьба Австрии и вопрос перевооружения. Британский дипломат выразил мнение, что все речи А. Гитлера о мирных намерениях направлены на

⁵²⁷ СР № 121(33)–150(33)... Р. 220–223.

⁵²⁸ Документы международных отношений (1917–1945 гг.) / сост. И. А. Ахтамзян. – М. : Анкил, 1999. – С. 59–61.

выигрыш времени и не заслуживают доверия. Констатировалось, что Германия ещё не готова нанести удар по Польше, так как в настоящее время её вооружений недостаточно, действия в отношении «польского коридора» будут следующим шагом после Австрии. Автор меморандума выразил уверенность, что немцы будут откладывать этот шаг только до тех пор, пока их вооружения не станут достаточными, чтобы позволить им справиться с Польшей. Он отмечал, что многие люди поддались настойчивой немецкой пропаганде по вопросу «коридора» и человеческому инстинкту избавиться от яблока раздора между более слабой и более сильной державой путём урегулирования в пользу последней. По мнению Дж. Саймона «Польша будет сражаться; но – через несколько лет – смогут ли 30 миллионов человек удержать 60? Конечно, нет – в одиночку. Но если Польша будет уничтожена и если Италия окажется вне поля зрения <...> Германия несколько лет спустя сможет сделать то, на что она никогда не могла надеяться в 1914 году – сражаться на одном фронте, поскольку сама по себе Чехословакия вряд ли может являть собой второй фронт»⁵²⁹. Автор меморандума видел в действиях Германии вызовы, каждый из которых будет нести с собой более серьезную угрозу для Соединённого Королевства, кульминацией которой станет потребность в военно-морском флоте и колониальная империя. «Сейчас мы находимся на том этапе, когда мир в наше время (и даже в Восточной Европе) должен быть первым соображением»⁵³⁰.

Исходя из этих оценок, можно констатировать, что положение Польши и состояние проблемы германо-польской границы рассматривалось британской дипломатией не как изолированная ситуация в регионе Центрально-Восточной Европы, а как маркер степени угрозы для безопасности Великобритании. То есть Польша оказывалась в роли показателя сохранения послевоенного устройства и сдерживания экспансионизма нацистского правительства Германии, которое в будущем могло представлять собой угрозу для Соединённого Королевства, её военно-морского флота и колониальной империи.

Таким образом, в 1933 г. Лондоном не исключалась возможность трансформации польских границ, Польша рассматривалась в роли потенциального донора безопасности. Однако любые территориальные

⁵²⁹ CP № 201(33)–250(33) – P. 70–74 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-243.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

⁵³⁰ Там же.

перемены в Центрально-Восточной Европе, означавшие изменение версальских соглашений, рассматривались как допустимые только в мирной форме, в рамках действия существовавшего механизма Лиги Наций, где Великобритания занимала одно из ключевых мест. Вариант силового решения Германией ставившегося ею вопроса о пересмотре польских границ рассматривался как опасная перспектива нарушения версальских соглашений, которая могла повлечь угрозу жизненно важным британским интересам. С этой точки зрения, международное положение Польши играло для Великобритании роль маркера устойчивости версальских соглашений как в Центрально-Восточной Европе, так и в мире в целом.

4 «ПРОМЕЖУТОЧНОЕ» ГОСУДАРСТВО В «СЛОЖНОМ УГОЛКЕ ЕВРОПЫ» (ЯНВАРЬ 1934 ГОДА – МАЙ 1937 ГОДА)

4.1 Германо-польская декларация о неприменении силы от 26 января 1934 года

Уход осенью 1933 г. Германии с Женевской конференции и её выход из Лиги Наций меняли геополитическую ситуацию в Центрально-Восточной Европе, что было отмечено британскими дипломатами. 17 января 1934 г. британский посол У. Эрскин писал из Варшавы Дж. Саймону, о политике Польши, направленной на улучшение отношений с Германией (первый признак тому – начало торговых переговоров в октябре 1933 г., о чём писалось ранее – Е. Д.). По его мнению, такая политика преследовала две цели: заполнить пробел, образовавшийся в системе безопасности Польши в связи с выходом Германии из Лиги, а также застраховаться от соглашения между Францией и Германией, которое может оставить Польшу на произвол судьбы. Он указывал, что сближение с Германией без предварительного информирования Франции было ответом на действия Франции по подписанию «Пакта четырёх» и заявлением, что Польша ожидает отношения к себе как к равному, а не как к сателлиту. По оценке британского посла, после прихода на пост главы польского министерства иностранных дел Ю. Бека (ноябрь 1932 г. – Е. Д.) в политике Польши стала очень заметна тенденция к большей независимости и активности. При этом У. Эрскин отмечал, что стремление польских политиков к признанию важности их государства, обусловленной географической позицией, размером территории и военной силой, «не удобно и не оправдано» и может создать много проблем⁵³¹.

Итогом такой польской политики стало подписание 26 января 1934 г. германо-польской декларации о неприменении силы, о чем 27 января в Лондон сообщил из Берлина Э. Фиппс⁵³². В Великобритании

⁵³¹ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 638–640.

⁵³² British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. : From the First to the Second World War. – Ser. F. Europe, 1919–1939. – Bethesda : University Publications of America, 1993. – Vol. 45. Germany, 1934 / ed. J. Noakes. – P. 21–22

была известна реакция Франции на это событие. Британский представитель в Париже писал Дж. Саймону, что, с одной стороны, реакция положительная, так как декларация подтверждает существующие договорённости (польско-французский союз – Е. Д.), с другой стороны, присутствовало раздражение, так как польское правительство не проинформировало Париж заранее о точном тексте⁵³³. Похожей была и реакция британской дипломатии: 29 января 1934 г. Дж. Саймон пригласил польского посла К. Скирмунта, поздравил его с заключением «пакта о ненападении» с Германией, но при этом подчеркнул, что британское правительство ещё не получило текста соглашения, а оно «желало бы взаимодействовать с Польшей как с одним из государств, имеющих право на наиболее раннее получение информации»⁵³⁴, что требовало взаимности. Уже 30 января У. Эрскин из Варшавы в свою очередь писал Дж. Саймону, что беседовал с Ю. Беком, чтобы узнать подробности о польско-германской декларации. В ходе встречи, по его словам, он подчеркнул, что столь быстрое развитие событий стало для него неожиданностью⁵³⁵.

Как оценивалось содержание декларации британским Форин Офис? 9 апреля 1934 г. был представлен в Кабинет меморандум, в котором утверждалось, что агрессивность Германии растёт, последствия поражения в войне будут неизбежно ликвидироваться: «польский коридор, аншлюс, Силезия, возможно, колонии». По мнению Э. Фипса, Германия не верит ни в Лигу, ни в переговоры. В Форин Офис рассматривали названную декларацию, как польскую инициативу, предполагалось, что Германия не намерена её соблюдать⁵³⁶.

Насколько появление польско-германской декларации повлияло на оценку места Польши в европейских отношениях? Как минимум, это событие учитывалось при планировании будущей политики. Например, 28 февраля 1934 г. в Кабинет поступил сверхсекретный документ по вопросам обороны, в котором анализировалась потенциальная возможность авиационных налётов со стороны Германии. Допускалось, что налёты могут быть менее частыми в случае столкновения с воздушными силами Франции и других держав. При рассуждении

⁵³³ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 6. – P. 349

⁵³⁴ Ibid. – P. 352–353.

⁵³⁵ Ibid. – P. 357–360.

⁵³⁶ CP № 1(34)–65(34) – P. 250–256 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-248.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

о последних отмечено, что на Польшу рассчитывать не приходится, так как она может быть парализована специальным соглашением⁵³⁷. В итоге, с одной стороны, ставка была сделана на собственные военно-воздушные силы. В марте 1934 г. при утверждении бюджета уже было предусмотрено незначительное их увеличение, а 20 июля была объявлена программа дальнейшего увеличения военной авиации⁵³⁸. С другой стороны, рассматривался вариант побудить Францию принять минимальные немецкие условия, касающиеся вопроса о границах с Польшей или Австрией, реализации её амбиций по отношению к Данцигу или Мемелю, но при этом не идти на военный союз с Парижем⁵³⁹.

Март принёс очередной признак налаживания отношений между Польшей и Германией – 7 марта 1934 г. в Варшаве был подписан протокол о прекращении таможенной войны с Германией⁵⁴⁰. В этих обстоятельствах французские дипломаты предприняли усилия с тем, чтобы не допустить дальнейшего взаимодействия Польши с Германией в одиночку. Эту цель преследовал визит в Польшу Л. Барту в апреле 1934 г.⁵⁴¹ Французские дипломаты, передавая в Лондон информацию о визите, сообщали, что «поляки заявили, будто они ожидают отношения к себе как к независимой великой державе, и отношение предыдущих правительств радикалов, особенно в вопросе разоружения, очень пошатнуло их веру во Францию»; они не склонны к сближению с советским правительством России, а Франция желала бы этого, чтобы использовать Россию для сдерживания Германии. Была также информация, что планируется визит во Францию польских военных для обновления условий секретного военного соглашения⁵⁴². По мнению французских дипломатов, Польша не перемещалась в орбиту Германии, ничего за пределами январской германо-польской декларации нет. При попытке выяснить ответ на вопрос об обновлении условий военного соглашения, английские

⁵³⁷ CP № 66(34)–111(34) – P. 385–386 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-247.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁵³⁸ Трухановский, В. Г. Указ. соч. – С. 249.

⁵³⁹ Cabinet Conclusions 1(34)–15(34), 1934 16 Jan – 16 Apr. – P. 336 – 337 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-78.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁵⁴⁰ Кузьмичёва, А. Е. Указ. соч. – Л. 98.

⁵⁴¹ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 6. – P. 648.

⁵⁴² Ibid. – P. 669–670.

дипломаты пришли к выводу, что после подписания «Пакта четырёх» франко-польские отношения охладели и на данном этапе шло их восстановление⁵⁴³.

9 мая 1934 г. английский посол У. Эрскин также писал в Форин Офис из Варшавы о визите Л. Барту в Польшу, его значении и результатах. По его мнению, сомнительно, что Польша достигла с Германией какого-то соглашения по вопросу разоружения, а также он усомнился, что Ю. Пилсудский благоволит А. Гитлеру: такое впечатление он может производить намеренно, чтобы добиться большего от Франции. Британский посол предполагал, что самое главное, чего ждёт Польша от Франции, – поддержка претензий на постоянное место в Совете Лиги Наций и на отказ от договора о положении национальных меньшинств⁵⁴⁴.

По-видимому, с учётом результатов визита Л. Барту и содержания сообщений британского посла в Польше, Дж. Саймон представлял 14 мая Кабинету проект европейской конвенции против бомбардировок с воздуха. Глава Форин Офис указывал, что это мера направлена против потенциальных бомбардировок со стороны Германии, суть её состояла в том, что страны, подвергшиеся бомбардировкам, получали право наносить аналогичные удары по территории противника. Отмечалось, что такие удары смогут очевидно наносить лишь Франция и Великобритания, но не исключалась возможность, что к ним присоединится Польша⁵⁴⁵.

Таким образом, появление германо-польской декларации в январе 1934 г. продемонстрировало британским политикам реализацию стремления Польши к повышению своего международного статуса, заставило моделировать их дальнейшую политику, прежде всего оборонительную, с учётом как возможности участия Польши в действиях, направленных против Германии, так и без её участия.

4.2 Проект «Восточное Локарно»

В феврале 1934 г. во Франции сменилось правительство, главой французского министерства иностранных дел стал Луи Барту. Он

⁵⁴³ Ibid. – P. 688–689.

⁵⁴⁴ Ibid. – P. 693–694.

⁵⁴⁵ CP № 112(34)–176(34) – P. 181 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-249.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

проводил политику решительного противодействия курсу Германии и сближения с СССР. Весной 1934 г. эта политика реализовалась в проекте системы договоров, который получит название Восточный пакт или «Восточное Локарно». Проект обсуждался летом 1934 г., тогда же он был объектом внимания британских дипломатов.

14 июня британский посол Дж. Кларк из Парижа писал в Форин Офис о проекте Восточного пакта, который Л. Барту активно поддерживал. Отмечалось, что французский министр выражал надежду, что такое соглашение о взаимной гарантии будет подписано между Советской Россией, балтийскими странами, Польшей, Чехословакией, Германией и Францией⁵⁴⁶. В тот же день британский посол выслал в развёрнутом виде свои размышления по вопросу франко-советских отношений. Он считал, что сама Франция классически использовала СССР как противовес Германии, потому хотела ограничить соглашение (подписанты – Франция, СССР, Польша, Чехословакия, Германия), но СССР настоял на включении в проект стран балтийского региона, так как они могли стать объектом агрессии Германии. По словам посла, французская сторона считает, что значительные трудности могут быть со стороны Польши, которая под руководством Ю. Пилсудского «ведёт узкую и эгоистичную политику»⁵⁴⁷. Объективно, реакцию Польши на этот проект определяли факторы соперничества с СССР в Восточной Европе: реализация этого проекта привела бы к повышению роли СССР и понижению роли Польши⁵⁴⁸.

Стремясь добиться поддержки своего проекта от Великобритании, Л. Барту готовил поездку в Лондон. 20 июня посол Дж. Кларк писал из Парижа в преддверии этой поездки, излагая своё видение расстановки сил в случае реализации «Восточного Локарно». Во-первых, Франция стремится перехватить инициативу в Европе, предпринимает усилия по воссозданию системы сателлитов и больше не будет действовать под давлением Великобритании или США. Во-вторых, вступление СССР в Лигу Наций станет мерой по умиротворению Восточной Европы, сдерживающим фактором для Германии и «даже Польши». В-третьих, британский дипломат писал, что «Польша представляет собой элемент неопределённости, который может сломать эту систему. Предполагалось, что у Ю. Пилсудского есть территориальные амбиции в Литве и Украине, которые Германия

⁵⁴⁶ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 6. – P. 752–753.

⁵⁴⁷ Ibid. – P. 753–756.

⁵⁴⁸ Лазько, Р. Р. Указ. соч. – С. 91.

охотно удовлетворит, особенно, если они станут компенсацией за исправление германо-польской границы <...> две полувоенных диктатуры в союзе могут достичь многого». В-четвёртых, проводилась мысль, что, если Германия и Польша останутся вне «Восточного Локарно», оно едва ли станет эффективным инструментом. В целом, несмотря на то, что Восточный пакт оценивался как попытка создать систему безопасности без Великобритании и мог снизить её роль в Европе, Дж. Кларк подчёркивал, что Франция не думает о разрыве сотрудничества с Великобританией, Франция рассматривает эту независимую систему безопасности, как существенное предварительное условие разоружения⁵⁴⁹. Более того, Дж. Кларк в своём послании передавал просьбу французских дипломатов об оказании давления на Польшу, Германию и Италию с тем, чтобы они приняли франко-советский план. По мнению Франции, всё зависело от Польши: если Польша согласится, то Германии сложно будет отказаться; обе страны, особенно Польша, ждут реакции Великобритании⁵⁵⁰.

Со своей стороны британский посол в Варшаве сообщал свою оценку позиции Польши в складывавшейся ситуации. 3 июля У. Эрскин писал, что решение, которое должна принять Польша, определит её внешнеполитическую ориентацию. Сам он высказывал мнение, что Варшава отвергнет проект «Восточного Локарно» или обусловит своё согласие согласием Германии. Он выделил несколько причин: нежелание расширять международные обязательства, негативное впечатление от Локарно 1925 г., проблемы в отношениях с Литвой, возможность ухудшения отношений с Германией, если та не присоединится к пакту, «неуклюжие попытки угроз со стороны Франции франко-советским союзом. Такой союз уменьшит важность франко-польского союза и снизит престиж Польши как главного союзника Франции. Это, возможно, толкнёт Польшу в руки Германии». По мнению У. Эрскина, Польша постарается улучшить по возможности отношения с Германией и сохранять, хотя бы теоретически, союз с Францией. Тогда она сможет занять главную позицию в Восточной Европе, балансируя между Германией и франко-советской комбинацией и являясь желательной для обеих сторон. Также, по его мнению, советы Великобритании не влияют на позицию Польши⁵⁵¹.

⁵⁴⁹ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 6. – P. 764–768.

⁵⁵⁰ Ibid. – P. 769–771.

⁵⁵¹ Ibid. – P. 782–784.

Англо-французская встреча с участием глав внешнеполитических ведомств обеих стран прошла в Лондоне в начале июля 1934 г. Франция действительно пыталась убедить Соединённое Королевство поддержать её политику, надавить на Германию. В ходе встречи Дж. Саймон со своей стороны обозначил ключевые линии в позиции Великобритании: она приветствует региональные пакты по типу Локарно, но лишь при условии их взаимности и заключения их параллельно с переговорами о вооружении. То есть от СССР должны быть даны одинаковые гарантии локарнских соглашений и Франции, и Германии. Второй пункт – если договор о «Восточном Локарно» не предполагал гарантий в пользу Германии, нельзя ожидать, что последняя его подпишет. И третий пункт – Великобритания будет рассматривать проект как желательный для реализации, если предполагались подвижки в вопросе равенства в вооружениях, которого добивается Германия. Дж. Саймон также указал, что по информации Форин Офис, очень прохладно восприняла этот проект и Польша. Глава Форин Офис подчеркнул, что для обеспечения поддержки проекта Восточного Локарно нужно показать британскому обществу, каков вклад этого проекта в решение вопроса о разоружении. Если это только предложение плана обеспечения большей безопасности в Центральной и Восточной Европе, то общественное мнение будет настроено очень критически. В заключение Дж. Саймон подчеркнул, что Великобритания в любом случае не возьмёт на себя новых обязательств в Европе⁵⁵².

Параллельно с франко-английской встречей советский посол И. Майский встречался с одним из влиятельнейших дипломатов в Форин Офис Р. Ванситтартом, убеждая его поддержать проект Л. Барту⁵⁵³.

По итогам встреч и анализа Дж. Саймон подготовил меморандум кабинету о предложении «Восточного локарнского пакта». Британский дипломат предложил передать сообщения о пакте в Рим, Варшаву и Берлин, так как Франция приняла все правки, предложенные Великобританией. В то же время, он выразил сомнения в успехе этого проекта, так как «Польша крайне горяча, а Германия холодна по этому вопросу». Дж. Саймон запрашивал одобрения Кабинета заявленной им позиции⁵⁵⁴. На следующий день на заседании Кабинета

⁵⁵² Ibid. – P. 803–809, 809–816.

⁵⁵³ Майский, И. М. Указ. соч. – С. 291.

⁵⁵⁴ CP № 177(34)–225(34) – P. 45–49 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-250.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

меморандум Дж. Саймона был рассмотрен. Заявленный им курс был одобрен, как и тезисы речи, с которой он должен был выступить в Парламенте 13 июля⁵⁵⁵.

В ходе заседаний 13 июля в Парламенте Дж. Саймон изложил содержание своих бесед с Л. Барту и предложенного Францией проекта пакта, подчёркивая, что, если Германия и Польша будут участвовать непосредственно, то Великобритания «просто находится в положении дружественной державы», на ней не лежит ответственность. Также в ходе заседания заместитель лидера партии лейбористов К. Эттли изложил официальные взгляды лейбористской партии на «Восточное Локарно». Она считала, что правительству следовало оказать давление на Германию и Польшу, чтобы склонить их к участию в Восточном пакте, согласиться, чтобы СССР стал гарантом Локарнского договора 1925 г., выразить готовность проголосовать за включение СССР в Лигу Наций с предоставлением ему места постоянного члена Совета⁵⁵⁶. То есть максимально учесть интересы СССР и включить его в международные отношения.

Ещё 11 июля Дж. Саймон выслал послам в Берлин, Рим и Варшаву телеграмму и текст меморандума, в котором информировал о готовящемся проекте пакта, «договора о региональной помощи», который должны были подписать СССР, Германия, Польша, Чехословакия, Финляндия, Литва, Латвия и Эстония. Также предусматривался отдельный договор между Францией и СССР⁵⁵⁷. Этот меморандум сопровождался отдельными телеграммами для каждого из послов.

В ответной телеграмме из Варшавы от 13 июля У. Эрскин сообщил, что в ответ на его информацию польский министр иностранных дел подтвердил неизменность позиции своей страны: она не может согласиться ни на какой пакт, пока не изучит досконально его текст. Ю. Бек выразил скептицизм в отношении намерений СССР, отметив, что он хочет лишь соглашения с Францией, исключаящего Германию. У. Эрскин подчеркнул свою неуверенность, что от Польши удастся получить определённый ответ⁵⁵⁸.

⁵⁵⁵ Cabinet Conclusions 16(34)–32(34), 1934 18 Apr – 25 Sep. – P. 273–276 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-79.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁵⁵⁶ FOREIGN OFFICE. HC Deb 13 July 1934 // <https://hansard.millbanksystems.com/commons/1934/jul/13/foreign-office>

⁵⁵⁷ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 6. – P. 827–828.

⁵⁵⁸ Ibid. – P. 839–840.

Прогнозы британских дипломатов подтверждались содержанием бесед с польскими коллегами. Последние заявляли, что их правительство выступает за тщательное изучение условий пакта. Например, ставился вопрос о возможном включении в него Румынии, с которой у Польши был договор⁵⁵⁹. Было очевидно, что такая постановка вопроса отяготит заключение пакта в связи с наличием неурегулированного территориального вопроса в румынско-советских отношениях.

Подтверждались прогнозы и анализом ситуации со стороны британских военных. Так военный атташе при посольстве в Варшаве моделировал ситуацию следующим образом: Польша всегда принимала во внимание возможность трёх войн – против Германии или СССР поодиночке, или этих обеих стран, находящихся в союзе. В последнем случае, если только Франция не парализует полностью действия Германии, дальнейшее существование Польши будет сомнительным. В случае войны только с Германией Польша может ожидать помощь от Франции. В случае войны с СССР Франция может посылать Польше вооружение и т.д., а также предпринимать меры, чтобы нейтрализовать Германию. На сегодняшний день Польша заключила соглашения с обоими своими потенциальными врагами. «Восточное Локарно» наряду с преимуществами несло Польше и определённые осложнения. Особенно болезненно воспринималась возможность вступления российских или немецких войск на её территорию даже на условиях союзника⁵⁶⁰.

В итоге к концу июля британский посол в Париже пришёл к выводу о потенциальной неудаче проекта, прогнозируя, что как результат Франция пойдёт на подписание договора с СССР для того, чтобы упредить Германию. «Так или иначе прогноз не очень обнадеживающий»⁵⁶¹.

Тем не менее 31 июля в докладе за подписью премьер-министра С. Болдуина об оборонных потребностях проект «Восточного Локарно» рассматривался как одна из возможностей поддержания мира, однако была однозначно одобрена необходимость усиления сухопутных сил Великобритании военно-воздушными для обороны британских островов с непременным условием доступности французских и бельгийских аэродромов. Реализация же соглашения по вопросу о бомбардировках характеризовалась как затруднительная, так как оно могло вовлечь Великобританию в войну в связи с конфликтом, в котором у неё нет прямого интереса «в какой-нибудь удалённой части Европы, такой как Польша»⁵⁶².

⁵⁵⁹ Ibid. – P. 855–857.

⁵⁶⁰ Ibid. – P. 858–861.

⁵⁶¹ Ibid. – P. 875–877.

⁵⁶² CP № 177(34)–225(34)... – P. 108–118.

Анализ проекта «Восточного Локарно» и попыток его согласования между планирующимися подписантами уже к началу августа подтолкнул Дж. Саймона проинструктировать послов в Варшаве и Берлине о позиции, которую следует занять, если Польша и/или Германия сообщат им свои взгляды на предложенный Восточный пакт. Рекомендованный курс был следующий: следует сказать, что хоть Великобритания и заинтересована в полученной информации, в первую очередь следует её сообщить авторам проекта – Франции и СССР, – обсудить её с ними⁵⁶³. Это отражало его стремление не просто снять со своей страны ответственность за франко-советское предложение, но даже не быть официальным посредником в переговорах.

Однако неофициально анализ ситуации вокруг проекта продолжался. Внимание было уделено характеристике положения Польши и её возражениям против «Восточного Локарно». Из Форин Офис было направлено письмо британскому послу в Париже с указанием использовать итоги анализа в неофициальных беседах с французскими коллегами. Речь шла о том, что Польша видит для себя три основные угрозы: война с СССР, с Германией, с союзом этих государств. Также отмечены четыре соглашения – с СССР 1932 г., Германией (арбитражный договор 1925 г., декларация 1934 г.), Францией (1921 г. с изменениями 1925 г.) и Румынией (1921 г., возобновлён в 1926 г. и 1931 г.), – призванные обеспечить безопасность Польши. Указывалось, что в Польше сохранялось мнение, будто заключение пакта принесёт ей больше обязательств (в отношении Чехословакии и балтийских стран), но не обеспечит помощи в случае немецкой или советской агрессии. Осложняли заключение пакта плохие отношения Польши с Чехословакией и Литвой, польские возражения против допуска войск Германии и СССР на свою территорию, опасение нового открытия переговоров о разоружении, что могло завершиться требованием нового разоружения по отношению к ней. Также польские политики опасались, что заключение пакта может быть использовано Германией, чтобы вновь заявить о желательности пересмотра существующих договоров. Фактором также, по мнению британских дипломатов, может быть тот факт, что польское правительство оценивает действия Франции как направленные на понижение престижа Польши: Франция сосредоточится на франко-советском союзе, что уменьшит ценность франко-польского союза⁵⁶⁴.

⁵⁶³ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 6. – P. 888–889.

⁵⁶⁴ Ibid. – P. 898–901.

Форин Офис также использовал неофициальные каналы, чтобы подтолкнуть Польшу к участию в пакте. Например, польский поверенный в делах в Лондоне был проинформирован мистером А. Б. Бакстером (известный журналист, с 1935 г. будет членом парламента – Е. Д.), что «глава Форин Офис будет рад узнать до отъезда в Женеву, есть ли изменения в вопросе обсуждения предложений о Восточном пакте. Если что-то можно уже сказать о результатах изучения этих предложений уполномоченными польскими властями, правительство Его величества заинтересовано в том, чтобы получить какие-то признаки польской позиции, которая, оно надеется, скоро выльется в положительный ответ авторам проекта»⁵⁶⁵.

В тесной связи с проектом «Восточного Локарно» обсуждалось несколько тем. Первая – вступление СССР в Лигу Наций. В беседах с польскими дипломатами и политиками их британские коллеги однозначно заявляли, что Великобритания приветствует принятие СССР. По вопросу о предоставлении ему постоянного места в Совете, отмечалось, что с учётом размеров и могущества СССР и принципов, заложенных при оформлении устава Лиги, такое место должно быть предоставлено⁵⁶⁶.

В сентябре 1934 г. проходила Ассамблея Лиги Наций. Накануне голосования по вопросу о вступлении в эту организацию СССР польский министр иностранных дел Ю. Бек инициировал встречу с представителем британской делегации. Последний писал Р. Ванзитарту, что две основные темы этой беседы – вступление СССР в Лигу Наций и позиция Польши по вопросу проекта «Восточного Локарно». По первому вопросу Ю. Бек заявил, что Польша, получив заверения от СССР, что все предыдущие договорённости останутся в силе и СССР войдёт в Лигу без всяких оговорок, не будет противодействовать либо выставлять какие-либо условия. По второму вопросу глава польской дипломатии заявил, что у Польши есть несколько предварительных условий. Ю. Бек следующим образом оценил ситуацию: в результате имеющихся договорённостей у Польши теперь хорошие отношения с обоими соседями, она не готова рисковать этим. То есть пакт должен соответствовать имеющимся договорённостям. И второе условие – Германия должна подписать пакт, так

⁵⁶⁵ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1972. – Vol. 12. – P. 49.

⁵⁶⁶ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 731–732.

как Польша не может более вступать в многосторонние соглашения, которые не подписаны Германией. По мнению британского дипломата, Ю. Бек придерживался политики равновесия и «не подпишет пакт, который, по его мнению, такому равновесию угрожает»⁵⁶⁷. В Форин Офис были очень скептически настроены по отношению к таким попыткам Польши. На отчёте об этой беседе, дипломат Гарольд Сарджент сделал 11 сентября пометку, что «политика равновесия – это гимнастический трюк, более сложный, чем они думают <...> вряд ли Польша преуспеет в этом». На это Р. Ванзитарт приписал «Очень верно»⁵⁶⁸.

Как показал дальнейший ход заседаний, Польша всё же имела одно условие, связанное со вступлением СССР в Лигу Наций, но, не имея шансов его диктовать, пошла по иному пути. 13 сентября польская делегация на сессии Лиги Наций выступила с заявлением, что Польша не будет больше сотрудничать с Лигой в вопросе национальных меньшинств, проживающих на её территории. Э. Рачиньски характеризовал этот шаг как шаг в сторону упрочения независимости, но также не отрицал, что в преддверии принятия СССР в Лигу Польша опасается, что он может использовать площадку Лиги для давления в вопросах положения украинцев и белорусов⁵⁶⁹.

Как известно, 18 сентября 1934 г. Ассамблея Лиги Наций большинством голосов постановила принять Советский Союз и предоставить ему постоянное место в Совете.

Поскольку проект «Восточного Локарно» предполагал балтийские государства в качестве подписантов, ситуация там была второй темой, которая привлекала летом 1934 г. интерес Форин Офис, хоть британский представитель в Риге и писал «глупо притворяться, что балтийские государства являются фактором первой важности в европейских делах»⁵⁷⁰. Интерес к ним британские дипломаты связывали с их расположением между Россией, Германией и Польшей (!). Указывая на место троих последних в международной обстановке в балтийском регионе, британский посланник Хью Нэтчбулл-Хьюджессен писал, что после того как Польша поддержала предложение Москвы гарантировать независимость балтийских стран (положительный ответ

⁵⁶⁷ Ibid. – P. 734–736.

⁵⁶⁸ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1972. – Vol. 12. – P. 119–120.

⁵⁶⁹ Od Genewy do Jałty. Rozmowy radiowe / E. Raczyński, T. Żenczykowski. – Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 1991. – S. 12–13.

⁵⁷⁰ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 736.

был дан 19 декабря 1933 г.⁵⁷¹), а Германия однозначно отвергла такое предложение, в отношении этих малых государств роли СССР и Германии поменялись: Германия теперь «пугало», страх перед СССР угас, только место Польши не изменилось, она оставалась противником договора о союзе и сотрудничестве между этими государствами. Изменения отмечались лишь в польско-литовских отношениях: «все последние предложения, чего бы они не стоили, исходили от польской стороны. Может и совпадение, и пустая гипотеза, но все предложения были сделаны после заключения польско-германского пакта, возможно, Германия приветствует нормализацию отношений между Польшей и Литвой с последующим поглощением Литвы Польшей». Анализируя причины такой позиции, брианский дипломат писал, что если это и не сделка в обмен на «коридор», то в интересах Германии по крайней мере всё, что толкает Польшу в сторону Мемеля (Клайпеда – Е. Д.) и Либавы (Лиенава – Е. Д.). Это позволяет ослабить влияние Литвы в автономной территории и поддерживать вопрос её судьбы открытым. Сомнительно, что нынешний режим в Мемеле будет постоянным. Германия не заинтересована в литвинизации местных немцев, кроме того, немецкий элемент в Мемеле является полезным барьером для польского проникновения в Восточную Пруссию в случае, если польский выход к морю будет перенесён от Вислы к Неману. Либавка упомянута потому, что иногда предполагается, что она может способствовать решению проблемы выхода Польши к морю. Это далёкая перспектива, но один результат налаживания отношений между Польшей и Литвой – восстановление движения по Либаво-Роменской железной дороге»⁵⁷². При анализе международного положения всего региона, британский дипломат вновь ставил Польшу в один ряд с основными акторами там: «Страны Балтии находятся в положении жертв охоты и не понятно, что они предпочтут: опеку со стороны СССР, неуклюжую прямоту Германии, или поглощающие предложения Польши. Очевидно, ни у одного из них намерения не благие. В отчаянной ситуации Польша может быть предпочтительнее. Но Латвия и Эстония понимают, что опасности Польши – их опасности, потому не хотят тесно связываться. Основной их мотив – не привязываться ни к кому из участников восточного пакта. В целом,

⁵⁷¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 12 т. / [АН СССР, Ин-т славяноведения, Польская АН, Сектор истории польско-советских отношений] ; редкол.: сов. часть: И.А. Хренов (отв. ред.) [и др.]; польская часть: Н. Гонсеровская-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. – М. : Издательство «Наука», 1969. – Т. 6: 1933 – 1938 / С. Вроньский [и др.]. – С. 147–148.

⁵⁷² DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – P. 736–740.

главная надежда их выживания – занять классическую роль буферного государства, позицию, аналогичную Бельгии и Голландии. К сожалению для них, роль их морской державы исполняет Швеция, а не Великобритания, а она не чувствует себя способной принять какие-либо обязательства по отношению к ним. Это ослабляет их позицию и ставит в сильную зависимость от баланса сил между Германией, Россией и Польшей. Если этот баланс будет нарушен, им будет угрожать опасность со стороны того, кто станет сильнее». По мнению британского политика, экономический союз с «восстановившейся Россией» при сохранении политической независимости может быть приемлемым решением⁵⁷³. При этом он признавал, что «Россия представляет собой основную опасность с точки зрения прямой агрессии. Опасность со стороны Германии и Польши иная. Проникновение Германии и использование экономического давления может перерасти в угрозу независимости. Польша скорее за косвенные методы. Растущая угроза со стороны России даст ей (Польше – Е. Д.) желаемую возможность втянуть эти государства в “защитные объятия”. Примирение с Литвой запустит процесс поглощения, а Литва и Эстония окажутся с двух сторон окружёнными Польшей»⁵⁷⁴.

Несмотря на то, что 10 сентября 1934 г. Германия передала меморандумы французскому, британскому и советскому правительствам, где были изложены её возражения по поводу условий «Восточного Локарно», и заявила, что лучший результат может быть достигнут двусторонними соглашениями, а Польша в конце того же месяца во время встречи Совета Лиги подчёркивала, что для неё условием принятия пакта было подписание его Германией, на протяжении осени этот проект по-прежнему рассматривался в Форин Офис. 17 октября был подготовлен «Меморандум о предполагаемом Восточном пакте о взаимных гарантиях». Констатировалось, что три балтийских страны в принципе приняли идею, а ответы Польши и Германии негативны по духу⁵⁷⁵. 15 ноября посол в Париже информировал Дж. Саймона о беседе с представителями министерства иностранных дел Франции о развитии ситуации с реализацией проекта: несмотря на смерть Л. Барту (9 октября 1934 г. – Е. Д.), продолжается курс на его реализацию, есть намерение возобновить переговоры с Польшей. Основная сложность – требование Польши, чтобы положения германо-польской декларации о неприменении силы были включены в текст пакта, что сложно

⁵⁷³ Там же.

⁵⁷⁴ Там же.

⁵⁷⁵ British documents on foreign affairs... Vol. 45. Germany, 1934. – P. 332–335.

реализуемо, учитывая идею пакта о взаимопомощи⁵⁷⁶. 21 ноября 1934 г. британский представитель в Женеве сообщал о беседе с французским министром иностранных дел П. Лавалем. Одним из поднятых вопросов был проект пакта. Французский дипломат выделил три условия Польши и ответы Франции: во-первых, от Польши не будут требовать гарантии границ Литвы, пока она её не признает; во-вторых, Франция и Чехословакия согласны не требовать от Польши гарантии границ Чехословакии; в-третьих, на требование Польши, чтобы её не заставляли подписывать договор, если Германия не подпишет, будет предложено подписать, чтобы Германия могла добавить свою подпись к документу позже⁵⁷⁷.

Несмотря на информацию о дальнейших усилиях Франции по лоббированию пакта, глава Форин Офис выказывал сильные сомнения в согласии Германии на подписание такого документа⁵⁷⁸. В этих обстоятельствах он в начале декабря 1934 г. сам сообщил польскому послу Э. Рачиньскому, что для обеспечения безопасности в Европе Великобритания считает «Восточное Локарно» важным делом, Польше следует найти возможность присоединиться к пакту и «использование ею любого влияния на Германию, чтобы та поступила также, будет рассматриваться как существенный вклад в умиротворение в Европе»⁵⁷⁹.

16 декабря посол в Варшаве У. Эрскин сообщал в Лондон о беседе с Ю. Бекком на тему реакции Польши на описанные выше действия Франции и Великобритании в деле лоббирования Восточного пакта. Ю. Бек назвал проект мёртворождённым и высказал сомнения, что Германия его подпишет. Комментируя политику Польши, У. Эрскин писал, что её сближение с Германией – «молодой и деликатный» проект, требующий большего внимания, а свой союз с Францией Польша «возможно, неоправданно» считает неизбежным для Франции и полагает возможным более пренебрежительное к нему отношение без значительного ущерба⁵⁸⁰. У британских дипломатов во Франции формировалось

⁵⁷⁶ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1972. – Vol. 12. – P. 215–216.

⁵⁷⁷ Ibid. – P. 227–230.

⁵⁷⁸ CP № 226(34)–305(34) – P. 391–392 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp/> / <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-251.pdf>. – Date of access : 30.04.2025.

⁵⁷⁹ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1972. – Vol. 12. – P. 304.

⁵⁸⁰ Ibid. – P. 328–329.

мнение, что, если Германия и Польша откажутся присоединиться к Восточному пакту, Париж подпишет двустороннее соглашение с СССР. Частично потому, что видит в нём единственную альтернативу обеспечения безопасности, частично, чтобы не допустить германо-советского сближения⁵⁸¹.

Это мнение находило подтверждение в событиях начала декабря 1934 г., когда П. Лаваль согласился заключить предложенное СССР промежуточное соглашение. Оно было подписано 5 декабря 1934 г. в Женеве и в нём стороны обязались не вести с другими державами какие-либо переговоры, наносящие ущерб подготовке к заключению Восточного пакта⁵⁸². В конце декабря 1934 г. французские дипломаты информировали британских коллег, что настроены продолжать обсуждение проекта «Восточного Локарно» в тесной связи с обсуждением с Германией вопроса о разоружении⁵⁸³.

Накануне приезда французских дипломатов в Лондон в январе 1935 г., Дж. Саймон представлял в Кабинете «общую линию», которой планировал придерживаться в ходе встречи. Он информировал Кабинет, что «Франция желает обеспечить присоединение Германии и Польши к какому-либо подобному пакту («Восточное Локарно» – Е. Д.). И здесь мы снова заявляем, что уже готовы поддержать усилия Франции»⁵⁸⁴. Члены Кабинета, однако, заняли более сдержанную позицию: «Что касается пункта 8(b) (желание м. Лавалья обеспечить присоединение Германии и Польши к предлагаемому Восточному пакту), британские участники переговоров должны согласиться продолжать поддерживать усилия Франции, которым мы уже были привержены, но не должны позволять убедить себя в том, что успех этих трудных переговоров был необходим»⁵⁸⁵.

⁵⁸¹ Ibid. – P. 333–335.

⁵⁸² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – Вып. VIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 года / Народ. комиссариат по иностр. делам СССР; Сост. А.В. Сабанин, В.О. Броун. – М.: НКВД, 1935. – С. 22–23.

⁵⁸³ CP № 226(34)–305(34)... – P. 442–444.

⁵⁸⁴ CP № 1(35)–45(35) – P. 207–208 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-253.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁵⁸⁵ Cabinet Conclusions 1(35)–32(35), 1935 9 Jan – 6 June – P. 19–36 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-81.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

По итогам встречи было согласовано так называемое «лондонское коммюнике» от 3 февраля, в котором прописывалось, что британский и французский министры согласились, что «ничто так не способствовало бы восстановлению доверия и перспективам мира между народами, как всеобщее урегулирование, достигнутое путем свободных переговоров между Германией и другими державами. Это общее урегулирование предусматривало бы организацию безопасности в Европе, в частности, путем заключения пактов, свободно обсуждаемых между всеми заинтересованными сторонами, и обеспечения взаимной помощи в Восточной Европе»⁵⁸⁶.

На март 1935 г. планировались посещения главой Форин Офис нескольких европейских столиц – Берлина, Варшавы и Москвы, правда сроки их были изменены в связи с переносом встречи со стороны А. Гитлера и заявлением Германии о существовании ВВС⁵⁸⁷. Кроме того, как известно, 16 марта в Германии был подписан «Закон о строительстве вермахта» и введена всеобщая воинская повинность.

После этих событий английский представитель в Варшаве 19 марта писал Дж. Саймону, что ожидает следующего эффекта: польское правительство в поисках дополнительной страховки будет сближаться с Парижем или по крайней мере не допускать охлаждения их двухсторонних отношений. Польша может стать осторожнее в дальнейшем развитии отношений с Берлином, но у неё нет причин жалеть о недавнем сближении, без которого нынешний германский экспансионизм представлял бы большую и более близкую угрозу для неё⁵⁸⁸.

Предстоящая поездка главы Форин Офис в Берлин стала причиной появления его секретной записки с описанием позиции, которой он должен придерживаться в ходе встреч с немецкими политиками. О её содержании проинформирован был лишь премьер-министр. Она показывает, что Дж. Саймон намеревался пролоббировать проект «Восточного Локарно» в Германии: «Показать, что есть два направления в развитии европейской ситуации. Обеспечение системы региональных соглашений, которые могут учитывать разные ситуации. Такое соглашение уже есть в Западной Европе, предлагаются также

⁵⁸⁶ CP № 46(35)–85(35) – P. 356–357// The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-254.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁵⁸⁷ Майский, И. М. Указ. соч. – С. 294.

⁵⁸⁸ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1972. – Vol. 12. – P. 673– 674.

соглашения для Австрии и Восточной Европы. При этом необходимо полное участие Германии. Либо появление сообщества государств, сформировавшегося по отношению к какому-либо другому сообществу, которое могло бы возникнуть в результате. Эта система нам не нравится. Выбор зависит от Германии». В ответ на вопрос о предполагаемой позиции А. Гитлера по отношению к Восточному пакту он писал, что его главные возражения, как известно, заключались в том, что, «если Польша попадет в неприятности с Россией, он будет возражать против того, чтобы её спасали». Позиция премьер-министра в целом была сформулирована следующим образом: «Премьер-министр сказал, что деликатность ситуации не должна заставить нас сказать, что мы очень заинтересованы в нынешнем Восточном Пакте»⁵⁸⁹.

Действительно, в ходе англо-германской встречи 25–26 марта 1935 г. в Берлине среди отдельных вопросов первым был вопрос о Восточном пакте. В ходе его обсуждения британские дипломаты заинтересовались отношением Германии к такому пакту, основанному на принципах ненападения, консультации и взаимопомощи. В ответе А. Гитлера прозвучало, что гипотетически в Восточной Европе возможно несколько войн, но в реальности они исключены из-за существующих соглашений, например, «войны между Германией и Польшей не будет из-за пакта о ненападении между двумя державами»⁵⁹⁰.

После встреч в Берлине, последовала поездка Э. Идена (в то время лорд-хранитель печати в правительстве С. Болдуина – Е. Д.) в Москву, Варшаву, Прагу, длившаяся с 27 марта по 18 апреля 1935 г. В своих воспоминаниях британский политик писал об этих визитах. Он уточнял позиции советских и польских властей и пытался, по сути, лоббировать Восточный пакт. В Москве его убеждали, что «польская политика похожа на немецкую». Сам же он считал, что подписание Польшей договоров о ненападении с Москвой и Берлином были действиями личной политики маршала Ю. Пилсудского и полковника Ю. Бека. «Я знал, что они вряд ли с готовностью примут на себя обязательства взаимопомощи в Восточной Европе, если оба их великих соседа не будут частью такого соглашения. Они предпочитали держать их обоих на расстоянии вытянутой руки, такая политика имела видимые преимущества, но имела сомнительную ценность в столь опасном мире»⁵⁹¹. В Варшаве Э. Иден, ссылаясь на наркома иностранных дел

⁵⁸⁹ Cabinet Conclusions 1(35)–32(35)... – P. 239–247.

⁵⁹⁰ Ibid. – P. 270–274.

⁵⁹¹ Eden, A. The Eden memoirs: Facing the Dictators. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1962. – P. 165–183.

СССР М. М. Литвинова, говорил, что, если ничего не предпринять, Советская Россия увеличит свои вооружения; если Германия и Польша не присоединятся к Восточному пакту, может быть реализован проект без них. Он уверял, что «в Англии понимают географические трудности Польши и сочувствуют ей, но, если Франция и Россия согласятся на заключение пакта о взаимопомощи, я хотел бы знать, какова будет позиция польского правительства. Бек сказал, что у него не может быть возражений против этого пакта. Поскольку не было никаких признаков того, что он каким-либо образом одобрял его, я был вынужден сказать, что пытался найти в польской точке зрения какой-то элемент, который не был бы общим с немецкой точкой зрения. Полковник Бек ничего не ответил на это, но повторил, что Польша рада установлению мира со своими соседями»⁵⁹². Подытоживая, Э. Иден писал, что беседа с польским министром встревожила его. «Его цель была не быть втянутым, если только Польша не будет обязана, если война начнётся в Восточной Европе». По мнению британского политика Ю. Бек был слишком уверен в положении его государства. «Вполне возможно, что политика, подобная той, которой он с такой ловкостью следовал, была бы возможна для сильной державы с двумя соседями примерно равной силы или для островной державы. Я сомневался, что у Польши хватит ресурсов для ее проведения. Из двух её великих соседей, один, Россия, в то время не был экспансионистом, в то время как другой, Германия, демонстрировал явные признаки экспансии. С точки зрения холодного расчёта в политике силы, мне казалось неразумным, чтобы держава средней силы склонялась к экспансионистскому соседу или даже делала вид, что делает это. Поляки могли заблокировать любое мирное предложение, но я не был уверен, что они смогут воспрепятствовать любой военной акции в своей части Европы»⁵⁹³.

По итогам встреч Э. Идена с Ю. Пилсудским и Ю. Беком английские дипломаты укрепились в оценке, что Польша при текущем режиме является государством, приверженным пактам со своими соседями, менять позицию не будет и отказывается «признавать обстоятельства, которые требуют перемены позиции»⁵⁹⁴.

Оценку положения Польши со стороны британских политиков и дипломатов на тот момент верно обобщил, на наш взгляд, секретный обзор польско-английских отношений, который был выслан Иностранным отделом Главного управления государственной

⁵⁹² Ibid. – P. 185.

⁵⁹³ Ibid. – P. 187.

⁵⁹⁴ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1972. – Vol. 12. – P. 798–799, 800, 803–810.

безопасности НКВД СССР на имя И. Сталина 1 апреля 1935 г. Авторы текста ссылались на «серьёзный польский источник». В обзоре отмечалось, что официальный Лондон относился к Польше с недоверием, считал, что она «ведет детскую политику престижа, мешающую упрочению мира в Европе и не соответствующую ни политическому, ни военному и ни финансовому значению Польши». Что касается проекта «Восточного Локарно», указывалось, что в Великобритании правительство понимает невыгодность для Польши «французского проекта пакта о взаимной помощи и не намерено настаивать на его реализации в этой форме; оно считает, что негативная тактика Польши лишь путает и парализует переговоры, так как Польша во всем отказывает и ничего со своей стороны не предлагает, что бы могло облегчить реализацию желаемого Англией успокоения в Европе <...> считают, что эти сношения (польско-германские – Е. Д.) с обеих сторон рассматриваются как кратковременные и поверхностные, опирающиеся лишь на тактические соображения теперешней переходной фазы европейских взаимоотношений»⁵⁹⁵. Приведённые далее в обзоре высказывания Р. Ванзитарта позволяют думать, что роль Польши в международных отношениях в Европе в оценках британских дипломатов выросла, она ставилась в один перечень с крупными государствами в деле недопущения агрессии со стороны Германии: «в этом отношении важно лишь соглашение Англии, Франции, Советского Союза, Германии и Польши, так как оно будет иметь решающее влияние»⁵⁹⁶. Как справедливо отмечают авторы обзора, Великобритания намеревалась удержать инициативу переговоров, не допустить непосредственный союз Франции и СССР, не принимать на себя новых обязательств на континенте⁵⁹⁷.

Ещё до возвращения Э. Идена из поездки в Форин Офис был подготовлен меморандум, позже дополненный, где давались комментарии по поводу вопросов, которые предполагались к обсуждению на готовившейся конференции в итальянском городе Стреза. Конференция была запланирована ещё 23 марта с участием Великобритании, Франции и Италии. На ней должен был подниматься вопрос о Восточном пакте, высказывались рекомендации для британских делегатов в том числе «выразить нашу серьёзную обеспокоенность тем, что ни Германия, ни Польша, по-видимому, не готовы присоединиться к Пакту,

⁵⁹⁵ Секреты польской политики. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л.Ф. Соцков. – М. : РИПОЛ классик, 2010. – С. 11–12.

⁵⁹⁶ Там же. – С. 12.

⁵⁹⁷ Там же. – С. 13.

и наше удовлетворение тем, что Пакт будет составлен таким образом, чтобы позволить им присоединиться к нему»⁵⁹⁸. Было особо подчеркнута, что «мы не должны выражать одобрение каких-либо новых обязательств со стороны Франции в таких выражениях, которые увеличат наши обязательства по Локарно», при этом оговаривалось, что «это, конечно, не означает, что, если проблемы в Европе возникнут из-за агрессии Германии на Востоке, которая приведет к вмешательству Франции, в результате чего Германия затем вторгнется во Францию, нам, возможно, не придется принимать участие на основании наших жизненных интересов. Но если мы все-таки примем участие, то только потому, что считаем, что наши жизненно важные интересы серьезно затронуты, а не потому, что этого требует от нас Локарнский мирный договор»⁵⁹⁹.

В канун конференции 8 апреля Кабинет министров провел специальное заседание для рассмотрения политики, которая должна быть принята на конференции в Стресе. Было принято решение оповестить страны-участницы конференции об альтернативе первоначальной концепции Восточного пакта. Был предложен следующий вариант: «Германия заявляет, что очень сильно боится России, и Россия, должно быть, сильно боится Германии. Но там есть большой пояс стран, который лежит между ними – Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония. Если бы Германия обязалась уважать свои восточные границы, а Россия – свои западные границы, и, если бы эти требования соблюдались должным образом, промежуточный пояс не был бы нарушен ни с одной из сторон. Если бы в дополнение к этим гарантиям (которые в основном представлены пактами о ненападении, уже заключенными Германией или Россией) было добавлено обещание Германии прийти на помощь промежуточной стране в случае нападения России, и обещание России сделать то же самое, если промежуточная страна будет атакована со стороны Германии, тогда это было бы реальным вкладом в равную безопасность». Члены Кабинета характеризовали эту схему как попытку найти план, в который была бы включена Германия⁶⁰⁰.

Предпринимая такую попытку, британский Кабинет опирался на оценки своих дипломатов. Например, 6 апреля Эрик Фиппс из Берлина представил в Лондон свои рассуждения о внешней политике Германии и её целях. По мнению британского дипломата, А. Гитлер

⁵⁹⁸ CP № 46(35)–85(35)... – P. 350.

⁵⁹⁹ Ibid. – P. 351.

⁶⁰⁰ Cabinet Conclusions 1(35)–32(35)... – P. 302.

сам пока до конца не осознавал цели Германии в Восточной Европе. Предположительно, он не желал конфликта с Россией в ближайшем будущем, хотел подписать с ней договор о ненападении. «Когда его срок истечёт, как и соглашения с Польшей, положение Германии будет лучше, и она решит, добиваться ли ей целей совместно с Польшей за счёт России и, возможно, Чехословакии, или за счёт Польши с или без соучастия России»⁶⁰¹.

То есть в апреле 1935 г. международная ситуация в Восточной Европе оценивалась британскими политиками и дипломатами как переходная, её развитие зависело от того, как поведут себя ключевые с точки зрения Великобритании державы. В такой ситуации позиция «промежуточных» государств могла поспособствовать реализации того или иного плана.

В апреле-мае французские политики приезжали в Варшаву, продолжая лоббировать Восточный пакт, но Ю. Бек отказался от участия в этом проекте⁶⁰². 2 мая 1935 г. был подписан франко-советский пакт о взаимопомощи, 16 мая того же года в Праге был подписан договор о взаимопомощи между Советским Союзом и Чехословакией, после чего тема проекта «Восточного Локарно» или Восточного пакта начала исчезать из британской внутриведомственной переписки. Великобритания и сама вступила на путь двусторонних соглашений, направленных на решение вопроса об ограничении вооружений. В частности, в июне 1935 г. появилось известное англо-германское морское соглашение.

Однако позиция, которую Польша заняла при обсуждении проекта Восточного Локарно, повлияла на оценку роли и места Польши в Европе. Например, в июле при анализе возможности оказания давления на Италию из-за роста её агрессии в отношении Эфиопии Польша была отнесена к разряду «сомнительных» членов Совета Лиги Наций, у неё мог «возникнуть соблазн» действовать вопреки СССР в этом вопросе⁶⁰³. При дальнейшем обсуждении итало-эфиопского конфликта в сентябре того же года признавалось, однако, что «Польша, которая в целом не одобряла коллективные действия, была готова сыграть свою

⁶⁰¹ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1972. – Vol. 12. – P. 842.

⁶⁰² Meysztowicz, J. Op. cit. – S. 88.

⁶⁰³ CP № 141(35)–180(35) – P. 296 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-256.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

роль»⁶⁰⁴. И действительно, Польша голосовала за санкции в отношении Италии в октябре 1935 г. В беседах с Э. Иденом Ю. Бек заявлял о своей приверженности Лиге⁶⁰⁵.

События в Эфиопии способствовали выдвигению на политическую авансцену в Великобритании тех деятелей, которые рассчитывали найти компромиссное решение этого кризиса. В результате, на всеобщих выборах 14 ноября 1935 г. консерваторы получили 432 места в парламенте против 154 мест, завоёванных лейбористами. Технически новое правительство, сформированное в июне 1935 г. С. Болдуином, оставалось коалицией, так как в него входили национал-либералы и национал-лейбористы, однако консерваторы теперь могли действовать более свободно. Министром иностранных дел был назначен Сэмюэль Хор⁶⁰⁶.

Когда 19 ноября 1935 г. Э. Фиппс написал С. Хору о беседе с французским послом о готовящейся ратификации франко-советского пакта и о мнении французских дипломатов, что сейчас подходящий момент, чтобы вернуть Германию в систему коллективной безопасности, а «Польша, наконец, начинает проявлять признаки отхода от своей политики подчинения Германии», Р. Ванситтарт прокомментировал это сообщение следующим образом: «Я не думаю, что есть какие-либо действия, которые мы можем предпринять в настоящее время. Перспективы того, что из этой интриги выйдет что-то конкретное, не радужны»⁶⁰⁷.

Таким образом британскими дипломатами в 1934–1935 гг. в период обсуждения проекта «Восточного Локарно» Польша оценивалась как «элемент неопределённости», чья тактика парализует переговоры. Это было связано с попытками польского политического руководства балансировать между Германией и франко-советским проектом, что оценивалось официальным Лондоном скептически. Сам проект Восточного пакта не рассматривался в Великобритании как исключительно важный для её безопасности, наоборот, в определённой форме он мог нанести удар по её роли в континентальной Европе как основного желаемого союзника. Одновременно Восточное Локарно

⁶⁰⁴ Cabinet Conclusions 33(35)–56(35), 1935 19 Jun – 18 Dec. – P. 198–217 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-82.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁶⁰⁵ Piszczkowski, T. Op. cit. – S. 396.

⁶⁰⁶ Демидов, С. В. Внешняя политика... – С. 113.

⁶⁰⁷ Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1976. – Vol. 15. – P. 288–289.

привлекало внимание в связи с его возможной ролью фактора, способствовавшего ограничению вооружений и включению Германии в восточноевропейскую систему безопасности. Если и пока такая возможность сохранялась, этот проект вызывал интерес Великобритании, а Польша рассматривалась британскими дипломатами как значимое государство регионального уровня. Однако при оценке ситуации общеевропейского масштаба Польша рассматривалась как страна «промежуточного пояса», примат Германии и СССР был неоспорим.

4.3 «Германская проблема» на рубеже 1935–1936 годов

В конце осени 1935 г. брианские дипломаты отказались от активного вовлечения в дискуссии над проектом «Восточного Локарно», признав его малоперспективным для обеспечения безопасности британских островов и империи. С конца ноября в Форин Офис начали появляться меморандумы, посвящённые анализу вариантов политики в отношении Германии, которая бы позволила обеспечить такую безопасность. В их содержании нашла отражение оценка места и роли Польши в трансформировавшейся международной ситуации рубежа 1935–1936 годов.

21 ноября 1935 г. появился меморандум Орме Сарджента (в то время помощник заместителя главы Форин Офис по вопросам Центральной и Южной Европы – Е. Д.) и Ральфа Вигрема (в то время советник Форин Офис, глава Центрального отдела – Е. Д.) «Великобритания, Франция и Германия». Анализируя международную ситуацию, авторы писали, что Германия проявляла интерес к таким вопросам, как демилитаризованная зона в Рейнской области, колонии и «мирное урегулирование в Центральной и Восточной Европе». При перечислении возможных альтернатив британской политики рассматривалась политика окружения Германии, занятие центрального места в «антиревизионистском блоке», что спровоцировало бы формирование встречного блока. При перечислении потенциальных участников этих блоков к первому отнесены Франция, СССР, Чехословакия, Румыния, «возможно (несмотря на Абиссинию) Италия», Бельгия и «возможно, даже Польша и страны Балтии»; второй блок «вполне мог бы включать Польшу, а также Австрию, Югославию, Болгарию и Венгрию, поскольку мощь Германии, а, следовательно, и сила притяжения Германии, становились все больше»⁶⁰⁸. То есть Польша сохранила позицию

⁶⁰⁸ Ibid. – P. 713–724.

«сомнительного» игрока на международной арене, чему способствовала её политика попыток балансирования, отмеченная ранее. Учитывая текущие германо-польские отношения (подтверждением их потепления казалось подписание 4 ноября 1935 г. соглашения об экономическом сотрудничестве – Е. Д.), авторы меморандума, рассматривая цели Германии в центре и на востоке Европы, относили к ним поглощение Австрии и, возможно, немецких районов Чехословакии, возвращение территории, утраченной в пользу Польши в рамках мирного урегулирования (и, предположительно, в обмен передача Польше некоторых западных провинций России), экономическое проникновение в Прибалтику, бассейн Дуная и Восточную Европу»⁶⁰⁹. Авторы стояли на позиции, что экономическое и культурное проникновение Германии «в какой-то значительной степени <...> несомненно, должно осуществляться также в странах Балтии и Польше» и справиться с ним Великобритании по мере усиления Германии будет очень сложно. При этом они поддерживали тезис о том, что «в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе внешние цели Германии влияют менее непосредственно на отношения Германии с Великобританией» и призывали к политике «примирения с Германией»⁶¹⁰.

При анализе вопросов экономического и торгового характера появилась идея о возможности посредством экономических мер решить политические проблемы. Например, в дополнявшем указанный меморандум документе, посвящённом характеристике экономического положения Германии, предлагалось «выяснить, может ли проблема восточной границы Германии быть решена в экономической сфере, то есть с помощью чего-то вроде экономического союза между Германией и Польшей; такое решение не является невозможным»⁶¹¹. Как уже отмечалось, в начале 1936 г. рассматривалась возможность создания немецкой «отдушины» в Центральной и Восточной Европе, исходя из принципа, что этот регион представляет собой «естественное поле для немецкой торговли и промышленности»⁶¹². В оценках авторов названных документов очевидна ориентировка на «великие державы», как основных субъектов международных отношений, роль Польши у них нивелировалась.

Существовала в Форин Офис и другая точка зрения на политику в отношении Германии. В частности, против уступок ей выступал

⁶⁰⁹ Там же.

⁶¹⁰ Там же.

⁶¹¹ Ibid. – P. 724–726.

⁶¹² Ibid. – P. 762–768.

глава Северного департамента Форин Офис Лоуренс Кольер. Анализируя цели А. Гитлера, он писал, что в отношении Польши тот стремился включить в состав Германии «коридор» и другие части Польши, такие как Верхняя Силезия, где проживало немецкоязычное население. В его меморандуме от 22 ноября Польша выступала как активная сторона: «Поляки хорошо осведомлены об этом (целях А. Гитлера – Е. Д.), но считают, что они стабилизировали ситуацию на данный момент, и что их нынешняя политика дружбы с Германией при том понимании, что она не предпринимает никаких шагов для пересмотра границ за их счет, оказывается весьма удовлетворительной с их точки зрения. Они решительно отреагировали бы на любую попытку изменить эту ситуацию, и они ни при каких обстоятельствах не будут рассматривать передачу своей территории Германии; поэтому кажется очевидным, что мы не можем вмешиваться в этот вопрос <...> герр Розенберг поддерживает план совместного нападения Германии и Польши на Россию с целью отделения Украины и, возможно, других регионов для немецкой эксплуатации; но польское правительство, насколько мы можем судить, не поддержало эту идею <...> польское правительство, согласно нашим последним сообщениям из Варшавы, по-прежнему полно решимости не поощрять никаких немецких действий в этом регионе»⁶¹³.

Роберт Ванситтарт, постоянный заместитель госсекретаря в Форин Офис, занял, по его словам, «промежуточную позицию»: по его мнению, фактором стабилизации может быть Лига Наций, если будет более «эластичной». Польшу он не рассматривал как надёжного союзника Франции: «Отношение Франции к своим союзникам и иждивенцам теперь будет зависеть от её мужественности или её отсутствия. Если она не поддержит нас как на деле, так и на словах, Соединенное Королевство, Россия, Малая Антанта и Польша покинут её, и она не будет иметь никакого значения в Европе, кроме как подстрекательство к агрессии Германии»⁶¹⁴.

18 декабря 1935 г. пост госсекретаря по иностранным делам занял Энтони Иден, до этого занимавший пост министра по делам Лиги Наций. К тому времени внутри консервативной партии международная ситуация воспринималась неоднозначно. Группа политиков во главе с С. Болдуином и братьями Остином и Невиллом Чемберленами делали ставку на мощь Британской империи, незыблемое финансовое

⁶¹³ Ibid. – P. 726–730.

⁶¹⁴ Ibid. – P. 730–736.

положение, лидерство в Лиге Наций. Они опасались критики дорогостоящих программ перевооружения со стороны лейбористской оппозиции, потому предпочитали возможность достижения компромиссного урегулирования за счет определенных уступок Германии. Другая группа, внутренняя оппозиция, чьим лидером был У. Черчилль, и тяготевавшая к нему группа Л. Эмери, видели ключ к безопасности Великобритании в возрождении Антанты. Они обуславливали необходимость сближения с Францией требованиями защиты метрополии. Новый министр иностранных дел был осторожным политиком. Э. Иден считал, что главной проблемой Великобритании в Европе остается Германия. Однако, позиция его была ближе к позиции премьер-министра: европейский континент представлялся Э. Идену как тыл Британской империи, гарантом стабилизации виделась Лига Наций, он готов был ради её сохранения и укрепления идти на многие уступки⁶¹⁵.

17 января 1936 г. глава Форин Офис разослал членам Кабинета подборку отчетов послов в Берлине за период от весны 1933 г. до конца 1935 г. Поводом к этому стало его стремление дать информацию для анализа «немецкой проблемы». Подборка имела общее название «Немецкая опасность». При этом он предлагал и свои умозаключения. Суть их сводилась к очередной констатации целей Германии – поглощение Австрии и других германских народов, экспансия на восток, восстановление колоний – и передаче мнений, имевшихся в политических кругах Германии – «многие ведущие сотрудники Министерства иностранных дел и Генерального штаба выступают за возвращение в Рапалло»⁶¹⁶. Отмечалось, что в текущее время правительство Германии больше занимали экономические вопросы, решение которых было необходимо для того, чтобы «выдержать бремя воссозданной армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил огромных масштабов», а ближайшее будущее зависело от развития англо-германских отношений, политики Италии и германо-польских отношений. Для характеристики последних показательна фраза о том, что соглашение Германии с Польшей НСДАП пришлось «проглотить»⁶¹⁷. Посол в Берлине, Э. Фиппс, также считал, что текущие германо-польские отношения – «отклонение в политике» Германии. В январе 1936 г. он писал, что «в то время как канцлер, одержимый

⁶¹⁵ Демидов, С. В. Внешняя политика... – С. 115–119.

⁶¹⁶ CP № 1(36)–35(36) – P. 56–85 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-259.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁶¹⁷ Там же.

своим большевистским кошмаром, желает сохранить Польшу нетронутой и поместить проблему «коридора» где-то в самом конце длинного списка отдаленных устремлений Германии, Восточная Германия не разделяет этой точки зрения, равно как и военные или юнкерские круги. Таким образом, намерения Германии в отношении Польши неясны, и нельзя исключать сюрприза»⁶¹⁸.

В феврале 1936 г. Кабинету было представлено ещё несколько меморандумов, посвящённых отношениям с Германией, подготовленных Р. Ванситтартом. Позиция Польши оценивалась в них следующим образом: Польша заключила «по крайней мере, поверхностный» мир с Германией, нападение Германии на Польшу «почти наверняка привело бы к вооружённому сопротивлению», экономическое и культурное проникновение Германии в том числе в Польшу – «одна из главных карт в руках Германии, и по мере того, как её сила будет возрастать, она будет разыграна с возрастающей энергией и эффектом»⁶¹⁹. В целом, автор приходил к выводу, что позиции Великобритании в Центральной Европе слабые, скоро перед ней будет поставлен и вопрос о колониях⁶²⁰. По мнению постоянного заместителя главы Форин Офис, правительство «должно быть готово пойти на уступки Германии, и они должны быть ценными для неё, если мы хотим достичь своей цели, но эти уступки должны быть предложены только как часть окончательного урегулирования, которое включает в себя некоторое дальнейшее ограничение вооружений и возвращение Германии в Лигу»⁶²¹.

Однако дальнейшая выработка стратегии была прервана сменой международной ситуации, связанной с вводом войск Германии в Рейнскую демилитаризованную зону.

Таким образом, на рубеже 1935–1936 гг. место и роль Польши в европейской политике рассматривались прежде всего в тесной связи с проблемой Германии. Единства мнений не было. Сохранялась оценка места Польши как нестабильного звена среди европейских государств, допускалась возможность её участия как в блоке с союзной ей Францией, так и в блоке, связанном с Германией. Её географическое положение располагало к выполнению ею роли торговой

⁶¹⁸ Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1976. – Vol. 15. – P. 582–585.

⁶¹⁹ Ibid. – P. 769–791.

⁶²⁰ Ibid. – P. 769–791.

⁶²¹ CP № 36(36)–70(36) – P. 5–51 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-260.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

площадки для германской экономики, что могло быть альтернативой силовому варианту удовлетворения ревизионистских планов правительства Германии. При этом присутствовала оценка роли Польши как потенциального очага сопротивления Германии в условиях открытой экспансии со стороны последней.

4.4 Ремилитаризация Рейнской зоны и анализ её последствий

7 марта 1936 г. немецкие войска вступили в Рейнскую демилитаризованную зону. Эта акция не была полной неожиданностью для британской дипломатии. Такой сценарий рассматривался в меморандумах Форин Офис в начале 1936 г. вместе с рассуждениями о том, как допущение его реализации поспособствует заключению желательной для Великобритании конвенции по вопросам авиации с Германией. В это время Э. Иден писал, что демилитаризованная Рейнская область важна прежде всего для восточноевропейских союзников Франции. Её наличие позволяло Парижу оказать им более эффективную помощь в случае нападения Германии. Появление на этой территории немецких укреплений уменьшило бы влияние Франции в Центральной и Восточной Европе, что поспособствовало бы росту там влияния Германии или СССР. Однако предполагалось, что вопрос о ликвидации демилитаризованного статуса должен быть предметом обсуждения между Великобританией и Германией⁶²². То есть, не имея принципиального значения для безопасности британских островов, это вопрос мог быть одним из предметов дипломатического торга с Германией.

После событий 7 марта ситуация изменилась: по сути, имел место «fait accompli». Однако ввод немецких войск сопровождался дипломатическим шагом со стороны Германии: А. Гитлер предложил Франции и Бельгии вместо фактически аннулированных им локарнских соглашений заключить пакт о ненападении сроком на 25 лет под гарантии Великобритании и Италии, а также воздушный пакт о неприменении авиации против гражданских объектов⁶²³. Это открывало переговорную альтернативу, к которой склонялось политическое руководство Великобритании.

⁶²² Nowak-Kiełbikowa, M. Op. cit. – S. 503–505.

⁶²³ История международных отношений : в 3 тт. / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – Т. 2. Межвоенный период и Вторая мировая война. – М. : Аспект Пресс, 2012. – С. 150.

Для обсуждения вопроса о ситуации в Рейнской области собралась 91-я сессия Лиги Наций в Лондоне. В ходе неё английская делегация отклонила «план Леже», названный по имени генерального секретаря французского министерства иностранных дел А. Леже, который намеревался призвать членов Лиги к введению экономических санкций против Германии. Глава Форин Офис дал понять французам, что его страна также не поддержит никакой военной акции, и выразил готовность способствовать мирному урегулированию проблемы⁶²⁴.

Отклонение французского плана произошло после обсуждения на заседании Кабинета 19 марта возможности введения экономических санкций против Германии. В ходе него были охарактеризованы позиции потенциальных участников голосования. Польша попала в разряд «сомнительных» государств в вопросе поддержки экономических санкций по причине наличия «важных торговых отношений с Германией»⁶²⁵, а также «маловероятных для сотрудничества по политическим мотивам», «государств, которые по тем или иным причинам симпатизируют Германии» вместе с Венгрией и Болгарией⁶²⁶. Такая оценка подтверждалась беседой британского дипломата Говарда Кеннарда с Ю. Бекком, в ходе которой последний ссылаясь на сложное экономическое положение Польши, уходя от вопроса об участии в экономических санкциях⁶²⁷. Тем не менее Польша приняла участие в подписании итоговой резолюции, осуждавшей действия Германии. Правда, Ю. Бек в своей речи больше критиковал условия локарнских соглашений, чем действия Германии⁶²⁸.

Отказ от «плана Леже» требовал других уступок в пользу Франции. 19 марта 1936 г. в кабинете главы Форин Офис были проведены двусторонние англо-французские переговоры. Правительство С. Болдуина подготовило документ, который явился формальным инструментом возрождения англо-французской Антанты. Согласно этому документу, Великобритания брала на себя обязательства в обмен на взаимные обязательства со стороны Франции прийти ей на помощь в случае любой неспровоцированной агрессии, предпринимать все необходимые и доступные шаги по обеспечению её безопасности,

⁶²⁴ Демидов, С. В. Внешняя политика... – С. 120.

⁶²⁵ CP № 71(36)–110(36) – P. 228 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-261.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁶²⁶ Ibid. – P. 223–242, 229.

⁶²⁷ Piszczkowski, T. Op. cit. – S. 399.

⁶²⁸ Od Genewy do Jałty... – S. 15; Piszczkowski, T. Op. cit. – S. 399.

координировать свои военные и дипломатические акции в соответствии с консультациями с французским правительством⁶²⁹. По оценке академика В. Г. Трухановского, Великобритания таким образом согласилась на восстановление Антанты, но на своих условиях: отныне Франция могла выступать на помощь своим союзникам лишь тогда, когда Лондон также согласился бы им помочь⁶³⁰.

В тот же день представителями Соединенного Королевства, Франции, Бельгии и Италии был согласован в Лондоне «Текст предложений». Это соглашение предусматривало, во-первых, приглашение Германии передать в Гаагский суд вопрос о совместимости франко-советского договора 2 мая 1935 г. (А. Гитлер говорил о нём, как о формальном поводе для акции 7 марта 1936 г. – Е. Д.) с Локарнским договором и согласиться на определенные временные ограничения в Рейнской области на период переговоров. От всего этого позже Германия отказалась⁶³¹.

Франция в рамках мер в ответ на ремилитаризацию Рейнской области предлагала британские санкции против Германии, направленные на предотвращение укрепления Рейнской области, или «британские гарантии Австрии, Чехословакии, Польше и Литве в обмен на разрешение Германии укрепить Рейнскую область». О. Сарджент, анализируя эти альтернативы, писал, что введения санкций не допустит общественное мнение Великобритании, кроме того, они могут вводиться лишь на основании решения Лиги всеми её членами. По поводу второго варианта британский дипломат писал, что это новое обязательство для его страны, оно могло бы заставить А. Гитлера отказаться от претензий, если он «понял бы, что ему, в конце концов, не дадут волю рукам на востоке и юго-востоке». Однако «в состоянии ли мы взять на себя какие-либо дальнейшие обязательства, особенно в отношении границ, где нет прямых британских интересов в понимании британской общественности?». Комментируя вышеизложенное, Р. Ванситтарт подтвердил, что о санкциях «не может быть и речи», но гарантии могли бы быть и не совсем исключены, «если бы предложение приняло менее определенную [и] конкретную форму», то есть могли рассматриваться как одно из условий в ходе ведения переговоров⁶³². В итоге, 15 апреля 1936 г. в Лондоне были

⁶²⁹ Демидов, С. В. Внешняя политика... – С. 122.

⁶³⁰ Трухановский, В. Г. Указ. соч. – С. 275.

⁶³¹ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1977. – Vol. 16. – P. 592–598.

⁶³² Ibid. – P. 316–318.

проведены секретные англо-французские штабные переговоры на уровне заместителей начальников генеральных штабов. Конкретное решение свелось к констатации английского обещания начать десантирование своего экспедиционного корпуса во Франции через 15 дней после возникновения военной ситуации⁶³³.

Два выделенных аспекта – экономические санкции и противостояние несанкционированным насильственным территориальным изменениям в Восточной и Центральной Европе в пользу Германии – весной 1936 г. постоянно находили отражение во внутриведомственной переписке Форин Офис. Так посол в Берлине Э. Фиппс в секретном послании Э. Идену задавался вопросом «действительно ли британское общественное мнение одобрило бы какие-либо очень решительные действия, направленные на предотвращение возвращения Германии коридора, Силезии, Мемеля или Данцига? Позже, возможно, общественное негодование могло бы быть вызвано каким-нибудь видимым актом немецкой агрессии на Украине или где-либо еще, но к тому времени Германия была бы настолько сильна, что возмущение, вероятно, было бы платоническим и в любом случае безрезультатным»⁶³⁴. По вопросу о санкциях он считал «сомнительно, что Женева могла бы в качестве последнего средства побудить маленьких соседей Германии пойти на риск и отказаться от торговли с ней <...> затруднительному положению Польши было бы не позавидовать»⁶³⁵.

В это же время часто озвучивалось в среде британской дипломатии мнение о востоке Европы как регионе, не представлявшем объект прямого интереса Великобритании. Его в ходе попыток реализовать переговорную альтернативу в европейских отношениях весной 1936 г. высказывал на заседаниях Кабинета Н. Чемберлен, занимавший на тот момент пост канцлера Казначейства. Так 30 апреля при рассмотрении проекта вопросов, которые должны были быть адресованы правительству Германии, он настойчиво предлагал, что «пункты могли бы быть сформулированы несколько менее категорично <...> можно было бы сказать, что Германия удовлетворительно изложила свое отношение к западной Европе, но что в восточной Европе её отношение было сформулировано не столь четко. Их могли бы спросить, могут ли они

⁶³³ Демидов, С. В. Внешняя политика... – С. 123.

⁶³⁴ CP № 111(36)–170(36) – P. 255–256 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-262.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁶³⁵ Там же.

дать более четкие гарантии Дании, Чехии, Словакии, Польше, Советской России, прибалтийским государствам, Мемелю и Данцигу, и Австрии в том, что у них не было агрессивных намерений. Фактически, вопрос должен быть сформулирован таким образом, чтобы мы могли убедить французское правительство в том, что мы поставили этот вопрос перед Германией, не вызывая трений с немецким правительством»⁶³⁶. Стремление избежать «трений» с Германией и вовлечённости в восточноевропейские дела высказывали представители прежде всего консервативной партии в ходе парламентских заседаний. Так Уильям Астор при рассмотрении международных отношений в Европе 26 марта в палате общин парламента заявлял, что Франция, если Соединённое Королевство будет нести ответственность за защиту её северо-восточной границы, должна взять на себя обязательство «не ввязываться в политические авантюры в восточной Европе, которые могут спровоцировать проблемы, в которые мы можем быть вовлечены»⁶³⁷.

Представители лейбористской партии высказывали идеи иного плана. Например, Хью Долтон в ходе заседания парламента указывал, что «для эффективной организации мира на сегодняшний день самой маленькой территорией, которую можно реально рассмотреть, является весь европейский континент, включая Советский Союз, особенно если, выражаясь еще более реалистично, вы думаете о максимальной силе, которую вы могли бы мобилизовать на своей стороне <...> мы должны охватить всю Европу, включая славянские народы, Польшу, Чехословакию и Югославию, а также Советскую Россию, которые являются неотъемлемой частью европейского сообщества». Он подчёркивал, что для привлечения Польши и других государств восточной Европы к поддержанию коллективной безопасности нельзя заявлять, что Великобритания заинтересована «в мире в западной Европе, но что мир в восточной и центральной Европе по сравнению с этим является незначительным <...> Для Германии важно, чтобы мы сказали, что мы не проводим такого резкого различия, иначе Германия будет думать, что она получила свободу действий в восточной и центральной Европе, за

⁶³⁶ Cabinet Conclusions 30(36)–47(36), 1936 22 Apr – 29 Jun. – P. 57–58 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-84.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁶³⁷ European situation. 26 March, 1936 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/mar/26/european-situation>. – Date of access : 02.05.2025.

которую герр Гитлер боролся в течение последних недель. Давайте проясним, что, насколько это касается нас, у него нет свободы действий, чтобы атаковать Польшу, Чехословакию, Австрию или Советскую Россию через любую удобную дверь, которая может быть открыта для него»⁶³⁸. Несколько пространнее, но в том же ключе высказывался лидер лейбористской партии Клемент Эттли. Апеллируя к популярной идее Лиги Наций, он подчёркивал, что «реальная позиция Лиги не делает различий между границами. Это не говорит о том, что эта страна в силу своего исторического положения больше заинтересована в границах Голландии и Бельгии, чем в границах Чехословакии или Польши. Позиция Лиги заключается в том, что мы выступаем за верховенство закона, а не за конкретные территории»⁶³⁹.

Тем временем развитие событий давало всё больше оснований рассматривать Польшу в качестве страны, сближавшейся с Германией. В мае 1936 г. Польша денонсировала ранее заключенный польско-французский торговый договор, а торгово-экономические связи Польши с Германией пошли по восходящей линии⁶⁴⁰. Показательной для Великобритании была и позиция Ю. Бека в отношении итало-эфиопской войны, когда он говорил британским дипломатам в Женеве, что не стоит спешить с введением санкций, «не было необходимости в неоправданной спешке»⁶⁴¹. Такие высказывания в условиях намечавшегося итало-германского сближения давали повод для формирования аналогичного взгляда.

Однако говорить о закреплении за Польшей у британских дипломатов летом 1936 г. оценки исключительно такого содержания не приходится. В меморандуме Форин Офис от 3 июля, появившемся в связи с очередной готовящейся встречей государств-подписантов Локарно в рамках попыток заключения «нового Локарно», подчёркивалось, что есть возможность «что развитие событий сделает для нас невозможным противостоять немецким замыслам в центральной и восточной Европе; но <...> у нас нет гарантий, что ситуация в этих регионах будет развиваться так, как мы ожидаем. Откуда мы знаем, что Германия не столкнется там с большими трудностями в отношениях с Россией или Польшей? Мудрость подсказывает, что там, где так много неопределенного, было бы разумно сыграть в выжидательную игру». Предлагалось продолжить переговоры и воздерживаться от открытого осуществления

⁶³⁸ Там же.

⁶³⁹ Там же.

⁶⁴⁰ Демидов, С. В. Внешняя политика... – С. 124.

⁶⁴¹ СР № 111(36)–170(36)... – Р. 142–143.

любого курса действий, который указывал бы на то, что Великобритания не заинтересована в проблемах восточной и центральной Европы. «У этой страны есть только два пункта разногласий с Германией, а именно: (а) мы подозреваем и не одобряем ее политику экспансии в восточной и центральной Европе, и (б) она хочет, чтобы мы вернули её колонии. Даже если предположить, что ради соглашения с Германией мы отказались от нашей позиции в отношении (а), мы не приблизимся к разрядке с Германией до тех пор, пока не сделаем еще один шаг в отречении, согласившись на ретроцессию её колоний»⁶⁴².

Летом – осенью 1936 г. действительно были признаки, что Польша может создать «большие трудности» Германии в её политике в Восточной Европе. В частности, внимание Великобритании привлекала ситуация в Данциге, где активизировалась нацистская партия, Германия пыталась минимизировать значение верховного комиссара Лиги Наций, пост которого в то время занимал ирландец Шон Лестер. Великобритания стремилась дистанцироваться от этих проблем, возложив заботу о них на Польшу. Тем временем немецкое правление города выступало со всё более провокационными заявлениями⁶⁴³. В ответ на одно из них министр иностранных дел Польши Ю. Бек «ясно дал понять, что он не отдаст Данциг и что Польша была готова, в случае возникновения движения против Верховного комиссара Лиги, поддержать его (комиссара – Е. Д.) силой». Его жёсткая позиция в этом вопросе была замечена британскими дипломатами⁶⁴⁴. Однако глава Форин Офис допускал, что «поляки могут пойти на компромисс с Германией и потребовать отзыва Верховного комиссара. Это означало бы ещё большее унижение для Лиги Наций, которая не могла переходить от одного унижения к другому без последствий для позиции правительства здесь»⁶⁴⁵. Э. Иден даже инструктировал посла в Париже проинформировать французское министерство иностранных дел, что с его точки зрения «Польша является единственной державой, которая извлекает выгоду из существующего режима, и, если она не сможет обеспечить дальнейшее соблюдение Данцигского

⁶⁴² DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1977. – Vol. 16. – P. 592–598.

⁶⁴³ Nowak-Kielbikowa, M. Op. cit. – S. 525–526.

⁶⁴⁴ Cabinet Conclusions 48(36)–59(36), 1936 1 Jul – 27 Oct. – P. 43–65 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-85.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

⁶⁴⁵ Ibid. – P. 58.

статута во всей его полноте, Лига может быть вынуждена пересмотреть всю свою позицию», потому желательно, чтобы Польша смогла договориться с Германией. Правда он подчёркивал, что это лишь предварительные замечания, и ни на какие демарши британские дипломаты не пойдут⁶⁴⁶.

Хоть данцигский эпизод и привлекал внимание, основные усилия британской дипломатии после ремилитаризации Рейнской зоны были нацелены на поиск возможностей заключения «нового Локарно» и проведения международной конференции, посвящённой этому вопросу. При обсуждении этих проектов также проявились две позиции в отношении Польши: либо в конференции должны принять участие державы Локарно и, поскольку она должна будет касаться европейского мира, Россия и Польша; либо с самого начала было бы лучше не включать Россию и Польшу, поскольку главной целью было привести Германию к рабочим договорённостям с Европой⁶⁴⁷. По вопросу о содержании «нового Локарно» Форин Офис предлагало Кабинету настаивать на продлении арбитражных договоров, то есть и договора между Германией и Польшей, но «если Германия возражает против договоров с Польшей и Чехословакией, являющихся частью Западного пакта, мы должны попытаться добиться своей цели, воспользовавшись предложением Германии заключить двусторонние соглашения путём прямых переговоров с соседями Германии»⁶⁴⁸. По вопросу какого-либо Восточного пакта, за приверженность ему выступали лейбористы, а профессиональные дипломаты, например, Р. Ванситтарт, выступали за отказ от этой идеи⁶⁴⁹.

Исходя из обозначенных предложений, осенью 1936 г. британские дипломаты оценивали запрос Ю. Бека о возможности визита в Лондон: «нам следует подумать о том, было ли предпочтительнее с точки зрения международных отношений в целом, чтобы визит Польши состоялся до или после Конференции пяти держав. <...> последнее, вероятно, было бы безопаснее ввиду подозрений, которые могли бы возникнуть в определённых кругах при любом другом развитии событий»⁶⁵⁰.

⁶⁴⁶ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1979. – Vol. 17. – P. 183–185.

⁶⁴⁷ Cabinet Conclusions 48(36)–59(36)... – P. 98.

⁶⁴⁸ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1979. – Vol. 17. – P. 134.

⁶⁴⁹ Ibid. – P. 757–774.

⁶⁵⁰ Ibid. – P. 333–334.

Польское министерство иностранных дел, готовя визит Ю. Бека в Лондон, предполагало, что оценка Лондоном роли Польши в европейской политике перешла от уровня «Польша – объект», на уровень «Польша – субъект», причём достаточно серьёзный, чтобы добиваться отстаивания своих интересов при разработке проекта нового Западного пакта. Показателем этого считался упоминавшийся ранее визит в Варшаву Э. Идена в марте прошлого года. Поэтому Польша будет добиваться включения в проект «нового Локарно» польско-французского договора о союзе от 1921 г.⁶⁵¹

В результате польский министр иностранных дел посетил Лондон в ноябре 1936 г. После беседы с ним Э. Иден писал послу в Варшаве, что Ю. Бек пытался убедить его, будто наличие франко-польского пакта полезно для Франции и имеет «некоторое значение и для правительства Его Величества»; однако согласовать общее коммюнике обоим дипломатам не удалось⁶⁵². Но и в этих обстоятельствах советник немецкого посольства инициировал встречу с главой Форин Офис, где особо интересовался итогами встречи. По словам Э. Идена он заявил, что Великобритания считает, что «необходимо учитывать позицию польского правительства, как это делалось в прошлом»⁶⁵³, что могло быть интерпретировано неоднозначно, если вспомнить итоги Локарнской конференции.

Представляется, что эти слова действительно отражали обобщённые взгляды Форин Офис на тот момент. Для их объяснения можно обратиться ко внутриведомственной переписке, предназначавшейся для служебного пользования. В частности, в ноябре 1936 г. Р. Ванситтарт на донесении из Италии сделал пометку следующего содержания: «ничто не заставит Францию отказаться от своих существующих соглашений. Также нет никакой веской причины на земле проводить различие между её соглашениями с Чехословакией и Польшей, за исключением того, что первая обречена на агрессию в какой-то не очень отдалённый срок»⁶⁵⁴. То есть, позиция Польши представляла определённый интерес для британской дипломатии исходя из сохранявшегося статуса этого государства как союзницы Франции.

Позже польский дипломат Э. Рачиньский, оценивая ноябрьский визит Ю. Бека, вполне справедливо отметит, что в то время «Польша

⁶⁵¹ Лазько, Р. Р. Перад патопам... – С. 131–133.

⁶⁵² DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1979. – Vol. 17. – P. 530–531.

⁶⁵³ Ibid. – P. 544–546.

⁶⁵⁴ Ibid. – P. 604–605.

не пользовалась чрезмерной популярностью в Великобритании, её подозревали в слишком хороших отношениях с Германией <...> хоть с другой стороны считали сохранение Польши в Европе делом первостепенной важности»⁶⁵⁵.

В конце 1936 г. Р. Ванситтарт представил секретный меморандум для пользования Кабинета под названием «Ситуация в мире и британское перевооружение». Это был итог анализа изменений, произошедших в уходящем году, в том числе появления Антикоминтерновского пакта, и предложения по выработке дальнейшей политики Соединённого Королевства. В этом документе было уделено внимание Польше, которое определялось основным тезисом: «Германия стала признанным центром штормов на земле»⁶⁵⁶.

Как же в связи с этим постоянный заместитель главы Форин Офис видел место и роль Польши в европейских отношениях? Во-первых, она была одним из потенциальных объектов экспансии Германии: «политика создания международного антибольшевистского фронта под руководством Германии чрезвычайно реалистична, поскольку это особое средство для экспансии на восток и юго-восток (Европы – Е. Д.)». Наличие польско-германских соглашений не считалось препятствием: «заверения Гитлера Польше рассматриваются в нацистской партии всего лишь как тактика»⁶⁵⁷. Во-вторых, Польша представляет собой государство, опасно расположенное между двумя крупными державами, находящимися в условиях идеологического противостояния, названного британским дипломатом: «словесной войной, которая подобна кирпичам, благополучно брошенным двумя расчётливыми торговками рыбой из-за высокого разделительного забора Польши, которая все равно не пустит ни одного из них на свой задний двор, опасаясь трудностей с выселением»⁶⁵⁸. Роль, которую британский дипломат отводил Польше, определялась его видением задач британской политики: Германия и Италия стремятся к скорейшей войне, попытки переговоров продолжать нужно, но при условии «что мы поддерживаем и интенсифицируем наше перевооружение», «мы не можем знать наверняка, потому что Германия еще не знает, когда и куда она направит свой постоянно растущий вес», «вопрос

⁶⁵⁵ Od Genewy do Jałty... – S. 17–18.

⁶⁵⁶ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1979. – Vol. 17. – P. 775–776.

⁶⁵⁷ Ibid. – P. 792.

⁶⁵⁸ DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1979. – Vol. 17. – P. 782.

времени действительно решает все, и это главная забота Министерства иностранных дел»; необходимо сохранение «на стороне мира двух ключевых стран, Польши и Югославии <...> которые в противном случае все будут привлечены инстинктом самосохранения на сторону Германии». Из точно обозначенных сроков – «1939 год – это первый год, в котором мы сможем вздохнуть хотя бы со сравнительным облегчением»⁶⁵⁹. То есть, в его видении, ценность Польши как потенциального сторонника противостоянию экспансионистским планам Германии росла, ввиду недостаточного для сопротивления экспансии Германии уровня вооружения Соединённого Королевства.

С начала 1937 г. риторика властей Германии показывала всё более настойчивое стремление к территориально-политическим изменениям в Европе. В январе А. Гитлер, выступая в рейхстаге по случаю четвёртой годовщины прихода НСДАП к власти, призвал признать «право на самоопределение» за «германским народом». Это предполагало присоединение к Германии земель, где большинство населения составляли этнические немцы, то есть, Австрии, Судетской области Чехословакии, Данцига⁶⁶⁰. Что касается последнего, он непосредственно затрагивал интересы Польши.

Вопрос о Данциге специально рассматривался 3 февраля 1937 г. на заседании Кабинета. Глава Форин Офис проинформировал, что на заседании Лиги удовлетворительного решения найдено не было, много говорилось о том, что Лига хотела бы уйти от этого вопроса, но для этого нужно единогласное решение, а Польша на это никогда не пойдёт. Невозможно было оказать давление на нацистское по характеру правительство Данцига. «Всё, что было можно сделать, это решить, какое давление может быть оказано на Польшу, чтобы, она уладила польское население этого города»⁶⁶¹. То есть в этом случае Польша должна была играть роль государства, которое пойдёт на уступки, чтобы продлить период мирного существования, дать Великобритании время для укрепления обороноспособности. Наличие у Данцига статуса вольного города не рассматривалось как обязательное с точки

⁶⁵⁹ Ibid. – P. 794.

⁶⁶⁰ История международных отношений : в 3 тт. / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – Т. 2. Межвоенный период и Вторая мировая война. – М. : Аспект Пресс, 2012. – С. 166.

⁶⁶¹ Cabinet Conclusions 1(37)–12(37), 1937 8 Jan – 17 Mar. – P. 140 // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-87.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

зрения обеспечения безопасности Соединённого Королевства. Как писал ещё летом 1936 г. британский поверенный в Германии: «перспективы нашей возможности вмешаться в дела Прибалтики в случае войны на самом деле существенно не уменьшились бы из-за поглощения Данцига»⁶⁶².

Представители военного ведомства анализировали возможную роль Польши в случае военного конфликта. 9 февраля 1937 г. Комитетом имперской обороны был подготовлен меморандум, в котром сравнивалась текущая военная сила Великобритании и других стран. В нём моделировалась ситуация, при которой «Германия и Италия настроены враждебно, а Франция и Бельгия сотрудничают с нами. Россию следует рассматривать как альтернативу: либо нейтральную, либо сотрудничающую с нами». Обращаясь к роли польского государства, авторы отмечали, что «только в том случае, если Польша проявит дружелюбие и готовность к сотрудничеству, российское вмешательство от имени Франции и Англии может быстро превратиться в реальную угрозу для Германии. В этих условиях Россия вскоре могла бы использовать всю мощь своего воздушного нападения, а также получила бы возможность наступать на широком фронте, подходящем для развертывания её крупных армий <...> если Польша, в частности, не является союзником, развёртывание чего-либо, приближающегося к полной мощи России, против Германии является делом очень трудным»⁶⁶³. То есть, Польше отводилась роль потенциального плацдарма для развёртывания сил СССР против Германии, что предполагало важность сотрудничества с Советским союзом и рассмотрение Польши как «промежуточного государства».

Польша также продолжала играть роль фактора риска для британской безопасности, являясь союзницей Франции. Это подчёркивалось в конце февраля в меморандуме Комитета имперской обороны: «в случае акта агрессии со стороны Германии в Восточной или Центральной Европе Франция может оказаться вовлеченной от имени своих восточных союзников, тем самым распространив войну на Западную Европу. Возможность достижения Германией своих целей по территориальной экспансии в Европе в результате мирных преобразований выходит за рамки данного доклада, но мы вынуждены

⁶⁶² DBFP 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1979. – Vol. 17. – P. 179–180.

⁶⁶³ CP № 51(37)–95(37) – P. 200–210 // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-268.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

сказать, что испытываем значительные сомнения в том, что это окажется осуществимым»⁶⁶⁴. Моделировался и вариант мировой войны: «в настоящее время, если война разразится и распространится, представляется возможным, что мы, вместе с Францией и её союзниками, можем быть вовлечены в войну против Германии, Италии и Японии <...> министерство иностранных дел проинформировало нас о том, что Польша, Югославия и Турция вряд ли присоединятся к военным действиям против нас или даже будут проводить враждебную нам политику, при условии, что мы будем сильны»⁶⁶⁵. Основной тезис – британский военный интерес в Центральной и Восточной Европе носил лишь косвенный характер, «но военная экспансия Германии в восточном направлении может повлечь за собой Францию в силу договоров последней с Польшей, Чехословакией и СССР. В этих обстоятельствах Соединенному Королевству, возможно, в конечном счете не удастся остаться в стороне, если единственной альтернативой будет господство Германии в западной Европе. Только это, с военной точки зрения, могло бы оправдать наше участие в европейской войне в настоящее время, вызванной событиями в восточной Европе»⁶⁶⁶.

Таким образом, ко времени прихода 28 мая 1937 г. к власти в Лондоне правительства Нэвилла Чемберлена, взявшего определённый курс на проведение «политики умиротворения», у британской политической элиты оформилась двойственность в оценке места и роли Польши в европейской политике, связанная с «промежуточным» положением этого государства и сохранением его союзнических отношений с Францией.

⁶⁶⁴ Ibid. – P. 203.

⁶⁶⁵ Ibid. – P. 209.

⁶⁶⁶ Ibid. – P. 200–210.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В межвоенные годы представители правящей элиты Соединённого Королевства, связанные со сферой внешней политики, неоднократно высказывали своё видение роли и места Польши в межгосударственных отношениях в Европе. Такие оценки появлялись в контексте изложения ими собственных внешнеполитических взглядов в непосредственной связи со значимыми для Лондона событиями.

В 1923–1925 гг. в условиях поиска и разработки проектов, направленных на модификацию Версальской системы с целью повышения её устойчивости, интерес к польской тематике актуализировался в среде британской политической элиты в нескольких контекстах: в связи с обсуждением и решением вопроса о международном признании восточных границ Польши и его последствий для Великобритании; во время обсуждения проекта Женевского протокола о мирном урегулировании международных споров 1924 г.; в процессе подготовки Локарнской конференции и подписания локарнских солашений в 1925 г.

В эти годы Польша рассматривалась как государство, чья политика играла роль фактора, дестабилизировавшего обстановку в Центрально-Восточной Европе. Восточные границы Польши – польско-советская и польско-литовская – оценивались британскими политиками как регион повышенной опасности, что осложняло и выполнение Варшавой роли буфера между Москвой и Берлином, отведённой ей британскими дипломатами, и налаживание англо-польских экономических связей. Проблема положения национальных меньшинств в Польше – украинского и немецкого – использовалась оппозиционными британскими политиками для критики оппонентов в ходе внутривнешней борьбы. В контексте собственной внешней политики она оценивалась с точки зрения нежелательного *casus belli* в отношениях Варшавы с её восточным и западным соседями.

При обсуждении Женевского протокола в 1924 г. британские политики и дипломаты оценивали также западные границы Польши как одну из опасных зон в Европе, выступая против любой формы принятия ответственности Лондоном за ситуацию там. Польша рассматривалась как вероятный объект немецкой агрессии с целью ревизии Версальского договора. Польское государство выступало в роли части условных «восточных границ Европы». Эти территории выходили за пределы зоны непосредственных интересов национальной

безопасности Соединённого Королевства, ограниченной в Европе восточной границей государств, чьи территории прилегали к побережью пролива Ла-Манш – Франция, Бельгия, Королевство Нидерландов. Сохранялось представление и о неустойчивом положении Польши по отношению к СССР. Признавалось, что стремление Германии и СССР к пересмотру итогов Версальского мирного договора 1919 г. и Рижского мирного договора 1921 г. в Центрально-Восточной Европе могло привести к пересмотру польских границ вплоть до «раздела» Польши. Эта ситуация ослабила бы союзную Польше Францию и могла опосредованно создать угрозу безопасности Великобритании. Однако в 1924 – начале 1925 г. такая оценка не рассматривалась как достаточный повод для предоставления Лондоном гарантий, выходящих за рамки Устава Лиги Наций. Ставка была сделана на поиск возможности реализации легального способа ревизии германо-польской границы на основе 19 статьи Устава Лиги и тем самым на нормализацию отношений Польши с её западным соседом и избежание риска для британской безопасности.

В ходе подготовки и заседаний Локарнской конференции особое внимание британскими политиками и дипломатами уделялось роли Польши как союзника Франции. Этот статус вынуждал рассматривать позицию Варшавы в 1925 г. как сложность на пути реализации европейской политики Лондона по модификации Версальской системы путём урегулирования отношений с Германией. В период Локарнской конференции эта сложность оказалась преодолима благодаря компромиссной позиции Франции и Германии – «великих держав», – отношения с которыми рассматривались Лондоном в качестве основы его европейской политики. Польша же для Великобритании выступала в качестве «ведомого» по отношению к Франции, давать гарантии её безопасности политическая элита Великобритании не считала необходимым с точки зрения обеспечения безопасности Соединённого Королевства. Тогда же в связи с визитом Г. Чичерина в Варшаву ярко проявилась и оценка роли Польши как государства-буфера между Германией и СССР, которому следовало для успешного выполнения своей роли поддерживать бесконфликтные, но при этом умеренно напряжённые без признаков сближения отношения с обоими соседями.

В 1926 – мае 1929 года в условиях попыток реализации локарнских договорённостей политики и дипломаты Соединённого Королевства обращались к осмыслению роли Польши в контексте решения вопроса о принятии Германии в Лигу Наций, в связи с развитием

отношений в треугольнике «Германия–Польша–СССР», с точки зрения экономического аспекта англо-польских отношений, а также в рамках международных отношений в регионе Прибалтики.

В условиях обсуждения вопроса о принятии Германии в Лигу Наций и заявления Варшавой собственных притязаний на место постоянного члена Совета, аналогичное месту Германии, однозначно обозначилась оценка Польши как государства, не входившего в состав «великих держав». При реализации схемы изменения состава Совета Лиги Лондон учитывал прежде всего позиции Германии и Франции, что и позволило Польше получить статус «полупостоянного» члена Совета.

При анализе в Лондоне развития отношений в треугольнике «Германия–Польша–СССР» господствовал критерий соответствия локальному курсу. Польша рассматривалась как государство, чья политика была приемлема, если она не затрудняла его реализацию. В среде британской политической элиты присутствовали идеи готовности допустить мирную ревизию той части версальских соглашений, которая включала вопросы отношений по линии «Германия–Польша», так как в этом не виделось угрозы британским национальным интересам.

Обострение и разрыв британско-советских отношений во второй половине 1920-х гг. спровоцировали новый виток осмысления роли Польши в европейских отношениях со стороны британской политической элиты. При оценке потенциала Польши как британского политического и экономического партнёра в Центрально-Восточной Европе в новых международных обстоятельствах преобладал скептицизм: Польша продолжала рассматриваться как союзник Франции, уровень доверия к ней со стороны британских экономических кругов был низким, как и интерес к её военному потенциалу в связи с уверенностью в малой вероятности военных действий со стороны СССР.

Осмысление места и роли Польши в европейской политике с точки зрения экономического аспекта англо-польских отношений показывало, что неурегулированные польско-германские отношения являются препятствием на пути налаживания торговли в Европе в целом, а также закрепляют за Польшей роль конкурента для британской угольной промышленности и перечёркивают возможность использования её в качестве плацдарма для налаживания экономических отношений с СССР.

Во второй половине 1920-х гг. в условиях активизации политики Польши в Прибалтике межгосударственные отношения в этом регионе чаще становились объектом анализа британских политиков

и дипломатов. В своих оценках места Польши там они исходили из знания позиций Германии и СССР, выступавших против усиления роли Польши, а также Франции, не желавшей ослабления позиций своего польского союзника. Опасаясь, что польско-литовский конфликт спровоцирует более масштабную войну, и рассматривая Польшу и Литву как, соответственно, профранцузское и пронемецкое государства, английские дипломаты считали, что схему его преодоления должны разработать Париж и Берлин. К концу 1920-х гг. по оценкам британских дипломатов роль Польши как фактора международных отношений в регионе Прибалтики несколько выросла, хоть и не достигла уровня ключевых акторов – Германии и СССР.

В июне 1929 – 1933 году в условиях разработки механизмов обеспечения безопасности анализ места и роли Польши в Европе проводили как британские консерваторы, так и лейбористы, сформировавшие правительство и столкнувшиеся с задачей реализации внешней политики. Актуализировали такой анализ мировой экономической кризис, обостривший торговую конкуренцию между государствами, а также ход международной конференции по сокращению и ограничению вооружений в Женеве.

Второй приход к власти в Лондоне Кабинета Р. Макдональда показал, что значительной разницы в оценках места и роли Польши между представителями партий лейбористов и консерваторов нет. Эти оценки формировались преимущественно под влиянием позиции профессиональных дипломатов и военных. Польша продолжала рассматриваться как участница сети военных союзов Франции, объект ревизионистских претензий Германии, государство, чьё международное положение осложнялось внутривнутриполитической проблемой – наличием национальных меньшинств. Причём в начале 1931 г. отмечалось ухудшение и польско-германских, и польско-французских отношений.

В условиях мирового экономического кризиса оценка роли Польши дополнилась восприятием её как торгового конкурента для британской угольной промышленности. В целом, экономические и политические вопросы осмысливались как тесно взаимосвязанные: политические конфликты рассматривались как препятствия на пути к выходу из кризиса. В этом контексте Польша оказалась в роли государства, от которого могли потребоваться уступки, в то время как основные договорённости должны были быть достигнуты между ключевыми акторами международных отношений.

На Женевской конференции в 1932 г. британская дипломатия видела своей целью предотвращение обострения отношений между

Францией и Германией. Для политической элиты Великобритании Польша оказалась в роли фактора, который затруднял движение к этой цели, поскольку одним из путей к достижению выступала уступка Германии в вопросе ревизии восточных границ взамен на её отказ от бесконтрольного вооружения.

Стремление к преодолению влияния этого фактора способствовало появлению в 1933 г. идеи ограничения конференции переговорами «великих западных держав». Польше всё явственнее отводилась роль донора с целью обеспечения безопасности в Центрально-Восточной Европе и безопасности самой Великобритании. Однако усиление напряжения в польско-французских отношениях в связи с неприятием в Польше проекта «Пакта четырёх» осложняло подталкивание Польши к выполнению указанной роли, как и, хоть и в меньшей мере, дипломатические шаги Варшавы в отношении Берлина (встреча А. Высоцкого и А. Гитлера) и Москвы (подписание конвенции об определении агрессора) с целью укрепить свои позиции в Европе. Тогда же в среде британских дипломатов допускалась возможность реализации сценария международных отношений, в котором Польша будет выступать одним из элементов сдерживания экспансионистских планов Германии, но он остался на гипотетическом уровне. В рамках этой концепции Польша выступала для представителей британской политической элиты в роли маркера состояния Версальской системы и положения в ней Соединённого Королевства.

На протяжении января 1934 – мая 1937 года в условиях активизации попыток ревизии Версальских соглашений со стороны Германии британских дипломатов и политиков к анализу роли и места Польши в Европе стимулировали внешнеполитические действия Берлина, Парижа и Варшавы. В 1934–1935 годах внешнеполитические акции Польши, демонстрировавшие налаживание отношений с Германией – подписание декларации о непримении силы и протокола о прекращении таможенной войны в 1934 г., позиция по отношению к проекту «Восточное Локарно», – стали оцениваться как фактор, влияющий на моделирование перспектив политики Лондона. Польша заняла место «элемента неопределённости», её внешнеполитическая ориентация – Париж и Москва или Берлин – стала не очевидной. Внешняя политика Польши характеризовалась как попытка придерживаться политики равновесия, но её успех оценивался скептически. В то же время Польша, наряду с Германией и СССР, рассматривалась как значимый актор в Прибалтике: положение Литвы, Латвии и Эстонии рассматривалось

в Лондоне как зависящее от баланса сил между Берлином, Варшавой и Москвой. Правда, допускалось наличие тайных договорённостей между Польшей и Германией по отношению к Прибалтике, что всё же переводило Польшу на второстепенную роль в регионе. В целом же в системе европейских отношений Польша сохраняла, по мнению британских политиков и дипломатов, место звена промежуточного пояса между Германией и СССР, чья внешнеполитическая позиция не была решающей, хоть и могла поспособствовать реализации той или иной модели развития отношений между ключевыми акторами.

На рубеже 1935–1936 годов место и роль Польши в Европе осмысливались в контексте анализа британскими дипломатами вариантов политики в отношении Германии, которые могли обеспечить безопасность Великобритании. При отсутствии единства мнений о дальнейшем развитии ситуации в Европе очевидна оценка роли Польши как нестабильного элемента в системе международных отношений: допускалась возможность её блокирования как с Францией, так и с Германией. Оценивая шансы на успех использования Германией политики жесткой или мягкой силы в стремлении к ревизии в Центрально-Восточной Европе, Лондон склонялся к мнению о неизбежном успехе второго варианта. За Польшей в этом случае признавалась роль торговой площадки, тогда как в случае вооружённой экспансии Берлина – потенциального очага сопротивления.

После ремилитаризации Рейнской области появилась идея гарантий для восточных соседей Германии с целью противостояния несанкционированным насильственным территориальным изменениям в пользу Германии в Центрально-Восточной Европе. В среде британской политической элиты она была воспринята неоднозначно. Среди представителей консервативной партии формулировался тезис об отсутствии прямого интереса в Великобритании к этому региону. Представители лейбористской партии настаивали на том, что подобных тезисов следует избегать. В целом, неопределённая внешнеполитическая позиция Польши способствовала закреплению двойственности оценок её места и роли в европейской политике: «Польша-объект» и «Польша-субъект». Представителями внешнеполитического ведомства Польше отводилась роль государства, за счёт уступок со стороны которого можно выиграть время для укрепления вооружённых сил Соединённого Королевства. Представителями военных кругов Польше отводилась роль потенциального плацдарма для действия сил союзного Лондону СССР против Германии; они же

рассматривали Польшу, в силу её союза с Францией, в качестве фактора, повышавшего риск вовлечения Великобритании в войну, вызванную событиями в Центрально-Восточной Европе.

Таким образом, доминирующее влияние на оценки представителями британской правящей элиты места и роли Польши в европейской политике оказывали её представления о задачах по обеспечению национальной безопасности Великобритании, экономические интересы, а также традиция выстраивать собственную политику исключительно с учётом отношений с «великими державами». Сохранялась установка, что положение Польши, судьба её приобретений по условиям Версальского договора непосредственно не существенны для безопасности и благополучия Великобритании, но они являются маркером изменений существовавшей системы международных отношений и статуса Соединённого Королевства как одного из её создателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1 Аршинцева, О. А. Великобритания и проблема стабилизации Версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. / О. А. Аршинцева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 157–162.

2 Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика. Советско-германские отношения. 1922 – 1932 / А. А. Ахтамзян. – М. : Международные отношения, 1974. – 303 с.

3 Барабаш, В. В. «Проблема Беларуси» в политике государств антифашистской коалиции (1941–1945) / В.В. Барабаш // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія, Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2009. – № 3. – С. 24–28.

4 Барабаш, В. В. Формирование белорусско-польской границы в период второй мировой войны (1939–1945 гг.) / В.В. Барабаш // Журнал междун. права и междун. отношений. – 2008. – № 2. – С. 36–41.

5 Белорусское пресс-бюро в Ковне 1 июня 1921 г. Бюллетень № 94 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 179. – Л. 7.

6 Белорусское пресс-бюро в Ковне 12 августа 1921 г. Бюллетень № 132 // НАРБ. – Фонд 325. – Оп. 1. – Д. 125. – Л. 70.

7 Бруксон, Я. От Версаля до наших дней / Я. Бруксон. – Ленинград : Рабочее издательство Прибой, 1927. – 174 с.

8 Василенкова, А. А. Англо-советские отношения в 1918–1924 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А. А. Василенкова ; Владимир. гос. пед. ун-т. – Владимир, 2007. – 22 с.

9 Волков, Ф. Д. СССР – Англия 1929 – 1945 гг. Англо-советские отношения накануне и в период второй мировой войны / Ф. Д. Волков. – М.: Издательство «Международные отношения», 1964. – 560 с.

10 Волков, Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-Стрит / Ф. Д. Волков. – М. : Мысль, 1980. – 462 с.

11 Волос, М. Внешняя политика Польши на фоне международных событий в Европе в 1924–1932 гг. (ключевые проблемы) / М. Волос // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1. – С. 60–67.

12 Горлов, С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия) / С. А. Горлов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 352 с.

13 Демидов, С. В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами / С. В. Демидов // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков. – Рязань : Концепция, 2017. – С. 98–136.

14 Демидов, С. В. От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919–1925) / С. В. Демидов // Российский научный журнал. – 2009. – №6 (13). – С. 100–110.

15 Десятков, С. Г. Формирование и развитие английской политики попустительства и поощрения агрессии (1931–1940 гг.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.03 / С. Г. Десятков. – Москва, 1983. – 29 с.

16 Документы внешней политики СССР [сборник] / Министерство иностранных дел СССР. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 8 : 1 января – 31 декабря 1925 г. / И. К. Кобляков [и др.]. – 862 с.

17 Документы внешней политики СССР. [сборник] / Министерство иностранных дел СССР. – М. : Госполитиздат, 1965. – Т. 9 : 1 января – 31 декабря 1926 г. / Н. М. Горохов [и др.]. – 758 с.

18 Документы и материалы по истории советско-польских отношений : в 12 т. / [АН СССР, Ин-т славяноведения, Польская АН, Сектор истории польско-советских отношений] ; редкол.: сов. часть: И.А. Хренов (отв. ред.) [и др.]; польская часть: Н. Гонсеровская-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. – М. : Издательство «Наука», 1969. – Т. 6: 1933 – 1938 / С. Вроньский [и др.]. – 434 с.

19 Документы международных отношений (1917–1945 гг.) / сост. И. А. Ахтамзян. – М. : Анкил, 1999. – 150 с.

20 Друнин, В. П. Польша, Россия и СССР. Исторические очерки / В. П. Друнин. – М. ; Ленинград : Гос. издательство, 1928. – 220 с.

21 Дубровка, Е. Н. Английская «политика умиротворения» в исследованиях российских историков 2010-х годов / Е. Н. Дубровка // Гісторыя Гомельшчыны ў кантэксте падзей Вялікай Айчыннай вайны 1941–1945 гадоў (да 75-годдзя Вялікай Перамогі) : зборнік навуковых артыкулаў / Гомельскі дзярж. ўн-т імя Ф. Скарыны; рэдкал. : М. М. Мязга (гал. рэд.) [і інш.] . – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2020. – С. 11–16.

22 Жилинская, И. В. Англо-советские культурные связи в 30-е гг. XX в.: основные направления / И. В. Жилинская // Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т.63, № 1. – С. 57–68.

23 Жилинская, И. В. Научные связи СССР и Великобритании в 1931–1939 гг. / И. В. Жилинская // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2011. – № 3. – С. 80–90.

24 Жылінская, І. У. Вялікабрытанія ў знешняй культурнай палітыцы СССР у 1931–1939 гг. / І. У. Жылінская // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 3. – С. 20–27.

25 Заключительный акт Лозаннской конференции, 9 июля 1932 г. // Сборники документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению и др. – М. : НКВД, 1933. – С. 18–26.

26 Зуев, Ф. Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию, 1919–1920 / Ф. Зуев. – М. : Гос. издат. полит. литературы, 1954. – 232 с.

27 Илюхина, Р. М. Лига Наций 1919–1934 / Р. М. Илюхина. – М. : Наука, 1982. – 357 с.

28 История внешней политики СССР. 1917–1980 : в 2 т. / под. ред. А. А. Громыко и др. – Т. 1. 1917–1945. – М.: Наука, 1980. – 510 с.

29 История международных отношений : в 3 т. / Под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. – Т. 2. Межвоенный период и Вторая мировая война. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 496 с.

30 История стран Западной Европы и Америки в XXI веке (2001–2021) : курс лекций : учебное пособие / под ред. Л. С. Белоусова. – М. : Издательство Московского университета, 2024. – 694 с.

31 История Центрально-Восточной Европы / Н. Алексюн [и др.]. – Санкт-Петербург : Евразия, 2009. – 1120 с.

32 Капитонова, Н. К. История внешней политики Великобритании: учебник / Н. К. Капитонова. – М. : Международные отношения, 2016. – 838 с.

33 Кафедра ўсеагульнай гісторыі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны: людзі, падзеі, час (1947–2022 гг.) / М. М. Мязга [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2022. – 245 с.

34 Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени : в 2 т. / под. ред. С. Бродберри [и др.]. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. – Т. 2: 1870 – наши дни. – 2014. – 624 с.

35 Кен, О. Н. Великобритания и европейская безопасность 1933–1935 гг. : автореф. дис. ... канд. ист наук. : 07.00.03 / О. Н. Кен. – Ленинград, 1990. – 17 с.

36 Кертман, Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья / Л. Е. Кертман. – М. : Мысль, 1990. – 546 с.

37 Климовский, Д. С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений (Из истории зарождения Второй мировой войны) / Д. С. Климовский. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 288 с.

38 Колмагоров, К. Н. Польский вопрос во внешней политике Англии (1914–1921 гг.) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / К. Н. Колмагоров ; Калининградский гос. университет. – Калининград, 2004. – 240 л.

39 Кузьмин, Н. Ф. Крушение последнего похода Антанты / Н. Ф. Кузьмин. – М. : Гос. издат. полит. литературы, 1958. – 344 с.

40 Кузьмичёва, А. Е. Польско-французские отношения в 1933–1935 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.2 / А. Е. Кузьмичёва. – М., 2023. – 344 л.

41 Лазько, Р. Пытанне аб “рыжскай” граніцы ў англа-польска-савецкіх адносінах (верасень 1939 – ліпень 1941 г.) / Р. Лазько. // Великая Победа: героизм и подвиг народов: материалы междунар. науч. конф. 28–29 апреля 2005 / отв. ред. А. М. Литвин : в 2 т. – Т. 1. – Минск : Институт Истории НАН Беларуси, 2006. – С. 66–70.

42 Лазько, Р. Р. Перад патопам (Еўрапейская палітыка Польшчы 1932–1939 гг.) / Р. Р. Лазько. – Мінск : БДУ, 2000. – 354 с.

43 Лемин, И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919–1925 / И. М. Лемин. – М. : ОГИЗ, 1947. – 488 с.

44 Локарнская конференция 1925 г. Документы. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Госполитиздат, 1959. – 512 с.

45 Магадеев, И. Э. Первая мировая война и трансформация представлений о мировой политике: взгляд французских и британских государственных деятелей в 1920-е годы / И. Э. Магадеев // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. ст. – Вып. 3. / Отв. ред. А. Ю. Павлов [и др.] . – Санкт-Петербург : Русская Христианская гуманитарная академия (РХГА), 2015 . – С. 355–368.

46 Магадеев, И. Э. «Тень империй»: проблемы стабильности в Центральной и Восточной Европе в оценках британских дипломатов и политиков (1920-е годы) / И. Э. Мгадеев // Новая и новейшая история. – 2021. – № 4. – С. 82–96.

47 Майский, И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. / И. М. Майский. – М. : Наука, 1971. – 712 с.

48 Маккиндер, Х. Демократические идеалы и реальность // Маккиндер, Х. Географическая ось истории / Х. Маккиндер. – М. : Издательство АСТ, 2024. – С. 103–326.

49 Мезга, Н. Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н. Н. Мезга. – Гомель: УО “ГГУ им. Ф. Скорины”, 2010. – 198 с.

50 Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния / Н. Н. Мезга. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 229 с.

51 Мельтюхов, М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.) / М. И. Мельтюхов. – М.: Алгоритм, 2015. – 608 с.

52 Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918 – 1939 гг. / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2001. – 460 с.

53 Никольсон, Г. Дипломатия / Г. Никольсон. – М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – 154 с.

54 Осипович, А. И. БССР и Великобритания: пролетарская солидарность и гуманитарные контакты, экономические, научные и культурные связи в 1921 – 1938 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / А. И. Осипович. – Минск, 2004. – 130 л.

55 Осипович, А. И. Научно-технический и информационный обмена между Великобританией и БССР в 1924–1939 гг. / А. И. Осипович // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2004. – N 3 (33). – С. 30–35.

56 Осипович, А. И. Британские делегации в БССР в 1924 – 1930-е гг. XX в. / А. И. Осипович // Актуальные проблемы и перспективы изучения новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. 75-летию образования каф. истории Нового и Новейшего времени / редкол. : В. С. Кошелев (пред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2012. – С. 148–151.

57 Офицеров, Д. В. Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши / Д. В. Офицеров // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2003. – №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokarnskaya-asimetriya-evropeyskoj-bezopasnosti-i-polozhenie-polshi>. – Дата доступа: 20.04.2025.

58 Поздеева, Л. В. Англия и ремилитаризация Германии 1933–1936 / Л. В. Поздеева. – М. : Издательство Академии наук, 1956. – 270 с.

59 Попов, А. А. Пути развития угледобычи в Верхней Силезии в 1922–1945 гг. / А.А. Попов. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2016. – № 2. – С. 127–133.

60 Почс, К. Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929) / К. Я. Почс. – Рига : Знание, 1985. – 176 с.

61 Прокопов А. Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х годах / А. Ю. Прокопов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №2.– С. 112–119.

62 Пруцкова, А. В. Политика Великобритании в Прибалтике в период между мировыми войнами : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / А. В. Пруцкова ; СПбГУ. – СПб., 2000. – 344 л.

63 Родин, Д. В. Берлинский договор 1926 г. как противовес «Западному» и «Восточному Локарно» / Д. В. Родин // Внешнеполитические интересы России: история и современность : материалы IX Всероссийской научн. конф., Самара, 30 апр. 2021 г. / Отв. ред. А.Н. Сквозников. – Самара, 2021. – С. 176–183.

64 Родин, Д. В. Проекты «новых Локарно» в англо-германских отношениях во второй половине 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.03 / Д. В. Родин ; МГУ имени М. В. Ломоносова. – М., 2021. – 30 с.

65 Родин, Д. В. Дискуссия вокруг польского проекта «Восточного Локарно» на VIII сессии ассамблеи Лиги Наций (сентябрь 1927 г.) / Д. В. Родин // Вестник Брянского государственного университета. – 2019. – №1. – С. 108 – 116.

66 Романова, Е. В. Перспективы торгово-экономического взаимодействия в Советской Россией/СССР в оценке британских правящих кругов (первая половина – середина 1920-х гг.) / Е. В. Романова // Чичеринские чтения. СССР на мировой арене: самоидентификация и восприятие : материалы междунар. науч. конф. 24–26 ноября 2022 г. / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.] ; отв. ред. В. В. Романов. – Тамбов, 2023. – С. 53–65.

67 Рыбаков, С. В. Действия и мотивация британской дипломатии в период между двумя мировыми войнами / С. В. Рыбаков // Вестник Брянского госуниверситета. – 2016. – № 3. –С. 54–59.

68 Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – Вып. VIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 года / Народ. комиссариат по иностр. делам СССР; Сост. А.В. Сабанин, В.О. Броун. – М.: НКВД, 1935. – 362 с.

69 Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению Признание Маньчжоу-ГО и др. / под. Ред. К. В. Антонова. – М. : Изд-во НКВД, 1933 . – 200 с.

70 Сборник документов по международной политике и международному праву. – Вып. X. Разоружение, 1933–1936 / Наркомат по иностранным делам СССР. – М.: Изд-во НКВД, 1936. – 290 с.

71 Секреты польской политики. 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л.Ф. Соцков. – М. : РИПОЛ классик, 2010. – 512 с.

72 Сергеев, Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию / Е. Ю. Сергеев. – Санкт-Петербург: Наука, 2019. – 831 с.

73 Сергеев, Е. Ю. Обманчивый рассвет. Советский Союз и Великобритания в 1925 – 1932 гг. / Е. Ю. Сергеев. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2024. – 397 с.

74 Сергеев, Е. Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919–1922 гг. / Е. Ю. Сергеев // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений) : материалы междунар. науч. конф., Тамбов, 11–12 ноября 2008 г. – Тамбов, 2009. – С. 47–50.

75 Снапкоўскі, У. Е. Традыцы і навацыі ў знешнепалітычных даследаваннях Беларусі : дапаможнік / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2020. – 295 с.

76 Суслопарова, Е. А. Британские лейбористы: испытание кризисом 1931 г. / Е. А. Суслопарова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2009. – № 1. – С. 5–23.

77 Табуи, Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы / Ж. Табуи. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – 464 с.

78 Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.

79 Устав Лиги Наций. 10 января 1920 года // Документы XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://doc20vek.ru/node/451>. – Дата доступа : 29.04.2025.

80 Фомин, А. М. Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны / А. М. Фомин // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 72–91.

81 Хахалкина, Е. В. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации версальской системы: взгляд из Лондона / Е. В. Хахалкина, В. С. Дзюба // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2021. – №1. – С. 157–195.

82 Ціхаміраў, А. Беларусь у палітыцы вядучых дзяржаў Захаду (1914–1945 гг.) / А. Ціхаміраў // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2001. – Т. 15. – S. 168–188.

83 Ціхаміраў, А. В. Беларусь у палітыцы дзяржаў Антанты 1914 – 1921 / А. В. Ціхаміраў // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы : матэрыялы міжнар. навук.- тэарэт. канф. Мінск, 16–17 сакавіка 2001 г. / Белдзяржуніверсітэт ; навук. рэд. У. Ф. Ладысеў. – Мінск, 2001. – С. 27–33.

84 Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін пасляваеннага ўладкавання Еўропы і перыяду савецка-польскай вайны (1918–1921 гг) / А. В. Ціхаміраў. – Мінск : Экаперспектыва, 2003. – 400 с.

85 Цыплин, В. Г. Дипломатическое противостояние в период англо-советского разрыва (1927–1929 гг.) / В. Г. Цыплин // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. – 2015. – Т. 15. Вып. 2. – С. 88–93.

86 Штейн, Б. Е. «Русский вопрос» в 1920–1921 гг. / Б. Е. Штейн. – М. : Гос. издат. полит. литературы, 1958. – 334 с.

87 Anglo-russian relations. 3 March, 1927 // House of lords debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1927/mar/03/anglo-russian-relations>. – Date of access : 18.04.2025.

88 Batonyi, G. Britain and Central Europe / G. Batonyi. – Oxford : Clarendon Press, 1999. – 240 p.

89 Batowski, H. Między dwiema wojnami 1919–1939, zarys historii dyplomatycznej / H. Batowski. – Kraków : Wyd-wo literackie, 2001. – 574 s.

90 Beloff, M. Wars and welfare: Britain, 1914–1945 / M. Beloff. – London : Edward Arnold Ltd, 1984. – 281 p.

91 British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. : From the First to the Second World War. – Ser. F. Europe, 1919–1939. – Bethesda : University Publications of America, 1993. – Vol. 37. Germany, 1926 / ed. J. Noaks. – 382 p.

92 British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. : From the First to the Second World War. – Ser. F. Europe, 1919–1939. – Bethesda : University Publications of America, 1993. – Vol. 38. Germany, 1927 / ed. J. Noakes. – 410 p.

93 British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. : From the First to the Second World War. – Ser. F. Europe, 1919–1939. – Bethesda : University Publications of America, 1993. – Vol. 39. Germany, 1928 / ed. J. Noakes. – 308 p.

94 British documents on foreign affairs: reports and papers from the Foreign office confidential print. Part 2. : From the First to the Second World War. – Ser. F. Europe, 1919–1939. – Bethesda : University Publications of America, 1993. – Vol. 45. Germany, 1934 / ed. J. Noakes. – 412 p.

95 British policy. 5 March, 1925 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/british-policy>. – Date of access : 28.04.2025.

96 Bruce, M. British foreign policy. Isolation or intervention? / M. Bruce. – London : Thomas Nelson and sons Ltd, 1939. – 158 p.

97 Budecki, Zd. Stosunki polsko-litewskie po wojnie światowej, 1918–1928 / Zd. Budecki. – Warszawa : Nakładem koła naukowego szkoły nauk politycznych, 1928. – 93 s.

98 CAB 24/155 Original Reference Foreign Countries Reports 41–80, 1921 20 Apr. – 1922 18 Oct. – P. 138. // The National Archives (The NA) [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf. – Date of access : 16.04.2025.

99 Cabinet Conclusions 1(26)–30(26), 1926 19 January – 12 May. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-52.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

100 Cabinet Conclusions 1(33)–28(33), 1933 19 January – 13 April. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-75.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

101 Cabinet Conclusions 1(34)–15(34), 1934 16 Jan – 16 Apr. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-78.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

102 Cabinet Conclusions 1(35)–32(35), 1935 9 Jan – 6 Jun. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-81.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

103 Cabinet Conclusions 1(35)–35(35), 1935, 9 January – 7 June. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-81.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

104 Cabinet Conclusions 1(37)–12(37), 1937 8 Jan – 17 Mar. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-87.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

105 Cabinet Conclusions 16(34)–32(34), 1934 18 Apr – 25 Sep. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-79.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

106 Cabinet Conclusions 26(31)–47(31), 1931 29 April – 24 August. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-67.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

107 Cabinet Conclusions 30(36)–47(36), 1936 22 Apr – 29 Jun. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-84.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

108 Cabinet Conclusions 31(27)–64(27), 1927 11 May – 22 December. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-55.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

109 Cabinet Conclusions 33(35)–56(35), 1935 19 Jun – 18 Dec. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-82.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

110 Cabinet Conclusions 41(32)–60(32), 1932 30 June – 9 November. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-72.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

111 Cabinet Conclusions 47(25)–61(25), 1925 7 October – 22 December. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-51.pdf. – Date of access : 20.04.2025.

112 Cabinet Conclusions 48(36)–59(36), 1936 1 Jul – 27 Oct. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-85.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

113 Cabinet Conclusions 72(31)–93(31), 1931 29 October – 16 December. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-69.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

114 Cabinet. List of CP. Papers. Nos 4201 –4300 Inclusive. – P. 92–93. // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-139.pdf. – Date of access : 16.04.2025.

115 Carr, E. H. International relations between the two World wars (1919–1939) / E. H. Carr. – London : Macmillan&Co. Ltd, 1948. – 302 p.

116 Carr, E. H. Britain. A study of foreign policy from the Versailles treaty to the outbreak of war / E. H. Carr. – London-New York-Toronto : Longmans, Green and Co, 1939. – 196 p.

117 Cesarz, Z. K. Polska a Liga Narodów. Kwestie terytorialne w latach 1919–1925 / Z. K. Cesarz. – Wrocław : Wydawn. Uniwersytetu Wrocławskiego, 1993. – 216 s.

118 Cieślak, T. Poland in Britain's inter-war policy / T. Cieślak // Polish western affairs. – 1979. – Vol. XX. – № 1. – S. 26–43.

119 Conclusions of the meetings of the Cabinet. Nov. 12th 1924 to Apr. 8th 1925 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access : <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-49.pdf>. – Date of access : 29.04.2025.

120 Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents / League of Nations. – Vol. 1. – Geneva, 1932. – 281 p.

121 Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Conference Documents / League of Nations. – Vol. 2. – Geneva, 1935. – 736 p.

122 CP № 1(26)–100(26) // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-178.pdf. – Date of access : 20.04.2025.

123 CP № 1(27)–50(27) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-184.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

124 CP № 1(28)–50(28) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-192.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

125 CP № 1(31)–50(31) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-219.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

126 CP № 1(32)–50(32) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-227.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

127 CP № 1(33)–30(33) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-237.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

128 CP № 1(34)–65(34) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-248.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

129 CP № 1(35)–45(35) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-253.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

130 CP № 1(36)–35(36) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-259.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

131 CP № 101(25)–200(25) // The NA [Electronic resource]. –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-172.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

132 CP № 101(26)–200(26) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-179.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

133 CP № 101(27)–150(27) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-186.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

134 CP № 101(29)–150(29) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-203.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

135 CP № 101(30)–150(30) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-211.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

136 CP № 101(32)–150(32) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-229.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

137 CP № 111(36)–170(36) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-262.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

138 CP № 112(34)–176(34) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-249.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

139 CP № 121(33)–150(33) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-241.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

140 CP № 141(35)–180(35) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-256.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

141 CP № 151(27)–200(27) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-187.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

142 CP № 151(29)–200(29) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-204.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

143 CP № 151(30)–200(30) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-212.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

144 CP № 151(32)–200(32) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-230.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

145 CP № 151(33)–200(33) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-242.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

146 CP № 177(34)–225(34) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-250.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

147 CP № 201(25)–300(25) // The NA [Electronic resource]. –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-173.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

148 CP № 201(26)–300(26) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-180.pdf. – Date of access : 21.04.2025.

149 CP № 201(27)–250(27) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-188.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

150 CP № 201(29)–250(29) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-205.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

151 CP № 201(33)–250(33) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-243.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

152 CP № 226(34)–305(34) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-251.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

153 CP № 301(24)–400(24) // The NA [Electronic resource]. –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-167.pdf. – Date of access : 16.04.2025.

154 CP № 301(26)–375(26) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-181.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

155 CP № 301(27)–327(27) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-190.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

156 CP № 301(28)–350(28) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-198.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

157 CP № 301(30)–350(30) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-215.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

158 CP № 301(31)–331(31) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-225.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

159 CP № 301(32)–350(32) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-233.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

160 CP № 31(33)–33(33) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-238.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

161 CP № 311(29)–371(29) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-207.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

162 CP № 351(28)–415(28) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-199.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

163 CP № 351(32)–400(32) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-234.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

164 CP № 36(36)–70(36) // The NA [Electronic resource] –
Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-260.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

165 CP № 401(24)–500(24) // The NA [Electronic resource]. – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-168.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

166 CP № 46(35)–85(35) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-254.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

167 CP № 51(29)–100(29) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-202.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

168 CP № 51(30)–100(30) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-210.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

169 CP № 51(31)–100(31) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-220.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

170 CP № 51(32)–100(32) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-228.pdf. – Date of access : 22.04.2025.

171 CP № 51(37)–95(37) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-268.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

172 CP № 66(34)–111(34) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-247.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

173 CP № 71(36)–110(36) // The NA [Electronic resource] – Mode of access : https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-261.pdf. – Date of access : 30.04.2025.

174 Daily mail. – 1925. – March, the 7th.

175 Danzig. 5 March, 1925 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/danzig>. – Date of access : 28.04.2025.

176 Davies, N. Boże igrzysko. Historia Polski : w 2 t. / N. Davies. – Kraków : Znak, 1992. – T. 2. – 906 s.

177 Depesze Poselstwa Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie / opr. Rojek W. [i inn.]. – Kraków : PAU, 2019. – T. 2. – 636 s.

178 Dmowski, R. Polityka polska a odbudowanie państwa. Z dodaniem memorjału «Zagadnienia środkowo- i wschodnio-europejskie» i innych dokumentów z lat 1914–1919 / R. Dmowski. – Warszawa : Nakładem księgarni Perzyński, Niklewicz i Ska, 1926. – 533 s.

179 Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. [1919–1925] / ed. by R. Butler [etc.]. – London : Her Majesty's stationary office, 1961. – Vol. 11. – 748 p.

180 Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1986. – Vol. 27. – 1175 p.

181 Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London: Her Majesty's stationary office, 1984. – Vol. 25. – 970 p.

182 Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : Her Majesty's stationary office, 1981. – Vol. 23. – 1026 p.

183 Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1966. – Vol. 1. The Aftermath of Locarno 1925–1926. – 881 p.

184 Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1970. – Vol. 3. European and naval questions. 1927. – 802 p.

185 Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1971. – Vol. 4. European and security questions. 1927–1928. – 668 p.

186 Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1973. – Vol. 5. European and security questions. 1928. – 928 p.

187 Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st A Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1975. – Vol. 6. – 880 p.

188 Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1958. – Vol. 7. – 808 p.

189 Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1976. – Vol. 15. – 791 p.

190 Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1977. – Vol. 16. – 811 p.

191 Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1979. – Vol. 17. – 801 p.

192 Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : His Majesty's Stationery Office, 1946. – Vol. 1. – 603 p.

193 Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : His Majesty's Stationery Office, 1947. – Vol. 2. – 525 p.

194 Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1956. – Vol. 5. – 908 p.

195 Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1957. – Vol. 6. – 996 p.

196 Documents on British foreign policy 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1972. – Vol. 12. – 929 p.

197 Dubrouka, A. M. The Belarusian People's Republic in the politics of the UK (December 1919 – July 1920): based on documents from the National Archives in London / A. M. Dubrouka, Ul. E. Snapkouski // The Journal of Belarusian Studies. – Vol. 13. – 2023. – P. 1–39.

198 Eastern frontiers of Poland. 16 May, 1923 // House of lords debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/lords/1923/may/16/eastern-frontiers-of-poland>. – Date of access : 16.04.2025.

199 Eden, A. The Eden memoirs: Facing the Dictators / A. Eden. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1962. – 746 p.

200 Elcock, H.J. Britain and the russo-polish frontier, 1919–1921 / H.J. Elcock // The Historical journal. – 1969. – Vol. 12. – № 1. – P. 137–154.

201 European Situation. 23 March, 1933 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://web.archive.org/web/20161013064756/http://hansard.millbanksystems.com/commons/1933/mar/23/european-situation>. – Date of access : 03.05.2025.

202 European situation. 26 March, 1936 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1936/mar/26/european-situation>. – Date of access : 02.05.2025.

203 Ferris, J. R. The evolution of British strategic policy, 1919–1926 / J. R. Ferris. – London : Macmillan Press, 1989 – 235 p.

204 Fleming, N. C. Cabinet Government, British Imperial Security, and the World Disarmament Conference, 1932–1934 / N. C. Fleming // *War in History*. – 2011. – Vol. 18, no. 1. – P. 62–84.

205 Ford, S. The New Cold War with China and Russia: Same as the Old Cold War? / S. Ford // *Case Western Reserve Journal of International Law* – 2023. – Vol. 55. – Iss. 11. – P. 423–477.

206 Foreign Affairs. 13 April, 1933 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1933/apr/13/foreign-affairs>. – Date of access : 02.05.2025.

207 Foreign Affairs. 30 March, 1933 // House of lords debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://web.archive.org/web/20121226082208/http://hansard.millbanksystems.com/lords/1933/mar/30/foreign-affairs>. – Date of access : 03.05.2025.

208 Foreign affairs. 5 March, 1925 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/05/foreign-affairs>. – Date of access : 28.04.2025.

209 Germany and Russia (Proposed Treaty). 21 April, 1926 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1926/apr/21/germany-and-russia-proposed-treaty>. – Date of access : 21.04.2025.

210 Henderson, A. The character and policy of the British Labour party / A. Henderson // *The international journal of ethics* – 1922. – January. – P. 119–123.

211 Hiden, J. British policy towards the Baltic states: 1939–1945 / J. Hiden // *Lithuanian historical studies*. – 2004. – № 9. – P. 75–87.

212 Jeziorny, D. Dyplomacja brytyjska wobec koncepcji paktu wschodniego (1933–1935) / D. Jeziorny. – Łódź : Wyd-wo Uniw. Łódzkiego, 2011. – 635 s.

213 Johnson, G. Austen Chamberlain and Britain's relationship with France, 1924–1929 / G. Johnson // *Diplomacy and Statecraft*. – 2006. – Vol. 17. – Issue 4. – P. 1–26.

214 Kamiński, M. K. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939 / M. K. Kamiński, M. J. Zacharias.– Warszawa : Wyd-wo LTW, 1998. – 315 s.

215 Kania, K. Stosunki handlowe polsko-angielskie w latach 1918–1939 / K. Kania // *Krakowskie Studia Małopolskie*. – 2006. – № 10. – S. 7–33.

216 Kania, K. Wielka Brytania 1918–1939 w świetle polskich źródeł dyplomatycznych. – Toruń: A. Marszałek, 2007. – 294 s.

217 Karski, J. The great powers and Poland, 1919–1945. From Versailles to Yalta / J. Karski. – New-York; London : University Press of America, 1985. – 698 p.

218 Kitching C. J. Britain and the Problem of International Disarmament 1919–1934 / C. J. Kitching. – London & New York : Routledge, 2003. – 232 p.

219 Kowalski, Wl. Zachód a Polska (XVIII–XX) / Wl. Kowalski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1984. – 218 s.

220 Krasuski, J. Między wojnami. Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej / J. Krasuski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. – 215 s.

221 Latawski, P. Lewis Namier on chechoslovak and polish political culture / P. Latawski // Eastern Europe and the West. Selected papers from the Forth world congress for soviet and East European studies. Harrogate, 1990 / ed. by J. Morison. – London, 1992. – P. 251–264.

222 Łossowski, P. Polska w Europie i świecie, 1918–1939 / P. Łossowski. – Warszawa : Książka i wiedza, 1990. – 302 s.

223 Macartney, C. A. A Survey of International affairs 1925 / C. A. Macartney : in 2 vol. – London : Oxford University Press, 1928. – Vol. II. – 486 p.

224 Mazurczak, W. Polska między Niemcami a ZSSR w polityce Londynu w latach 1918–1925 / W. Mazurczak // Polska między Niemcami a Rosją : pr. zbior. / Uniwersytet im. A. Mickiewicza ; red. W. Mazurczak. – Poznań, 1999. – S. 23–40.

225 Medlicott, W. N. British foreign policy since Versailles / W. N. Medlicott. – London : Methuen and Co. Ltd, 1940. – 316 p.

226 Meysztowicz, J. Czas przeszły dokonany : wspomnienia ze służby w Ministerstwie Spraw Zagranicznych w latach 1932 – 1939 / J. Meysztowicz. – Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1984. – 338 s.

227 Minutes of the meetings of the Executive Council of the LNU 1925–1926 // The London School of Economics and Political Science digital library [Electronic resource]. – Mode of access : <https://digital.library.lse.ac.uk/Documents/Detail/minutes-of-the-meetings-of-the-executive-council-of-the-lnu-1925-1926/292381?item=292385>. – Date of access : 21.04.2025.

228 Mowat, Ch. L. Britain between the wars, 1918–1940 / Ch. L. Mowat. – London : Methuen&Co Ltd, 1955. – 694 p.

229 Mr. Chamberlain's motion. Treaty of mutual guarantee. 18 November, 1925 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/nov/18/treaty-of-mutual-guarantee>. – Date of access : 20.04.2025.

230 Naczelne dowództwo WP. Referat informacyjny z dnia 1 listopada 1920, Anglia // Archiwum Act Nowych. – Zespół 322. – Sygn. 229. – S. 44–53.

231 Neilson, K. Britain, Soviet Russia and the collapse of the Versailles order, 1919–1939 / K. Neilson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 379 p.

232 Noel Baker, P. J. The Geneva Protocol / P. J. Noel Baker. – London : P. S. King & Son, Ltd., 1925. – 228 p.

233 Nowak-Kiełbikowa, M. Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937 / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989. – 587 s.

234 Nurek, M. Polska w polityce Wielkiej Brytanii w latach 1936 – 1941 / M. Nurek. – Warszawa, 1983. – 341 s.

235 Od Genewy do Jałty. Rozmowy radiowe / E. Raczyński, T. Żenczykowski. – Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 1991. – 152 s.

236 Petrie, Ch. A. The Life and Letters of the Right Hon. Sir Austen Chamberlain / Ch. A. Petrie : in 2 vol. – London : Cassell, Limited, 1939. – Vol. 1. – 432 p.

237 Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.

238 Pobóg-Malinowski, Wł. Najnowsza historia polityczna Polski : w 3 t. / Wł. Pobóg-Malinowski. – 3-e wyd. – Londyn : [s.n.], 1985. – T. 2: 1914–1939. – 900 s.

239 Poland (German minority). 13 November, 1929 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1929/nov/13/poland-german-minority>. – Date of access : 28.04.2025.

240 Poland (military preparations). 25 April, 1928 // House of commons debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1928/apr/25/poland-military-preparations>. – Date of access : 18.04.2025.

241 Poland (treatment of Ukranians). 13 May, 1925 // House of Commons Debates [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/may/13/poland-treatment-of-ukranians>. – Date of access : 13.04.2025.

242 Poland. 6 April, 1927 // House of commons debates. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1927/apr/06/poland>. – Date of access : 18.04.2025.

243 Protocol for the Pacific Settlement of International disputes / League of Nations // Library of Congress [Electronic resource]. – Mode of access : <https://dl.wdl.org/11582/service/11582.pdf>. – Date of access : 17.04.2025.

244 Raczyński, Ed. In allied London / Ed. Raczyński. – London : Wiedenfeld and Nicolson, 1962. – 381 p.

245 Retreat from power. Studies in Britain's foreign policy of the twenties century : in 2 vol. / ed. by Dilks D. – London : The Macmillan press Ltd, 1981. – Vol. 1: 1906–1939. – 214 p.

246 Rodzik, M. Polska a Wielka Brytania od kryzysu sudeckiego do 15 Marca 1939 roku / M. Rodzik. – Warszawa : Instytut pamięci narodowej, 2019. – 176 s.

247 Seton-Watson, R. W. Britain and the dictators. A survey of post-war British policy / R. W. Seton-Watson. – 3d ed. – Cambridge : The University Press, 1939. – 460 p.

248 Temperley, A. C. The whispering gallery of Europe / A. C. Temperley. – London : Collins, 1938. – 259 p.

249 The Austen Chamberlain diary letters. The correspondence of sir Austin Chamberlain with his sisters Hilda and Ida, 1916–1927. – Cambridge: University Press, 1995. – 548 p.

250 The Manchester Guardian. – 1925. – March, the 23d.

251 The Manchester Guardian. – 1925. – March, the 3d.

252 The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 27th.

253 The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 6th.

254 The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 7th.

255 The Manchester Guardian. – 1925. – October, the 8th.

256 The Manchester Guardian. – 1925. – September, the 30th.

257 Tomaszewski, J. Polska w Europie i świecie, 1918–1939 / J. Tomaszewski, Z. Landau. – Warszawa : Warszawa TRIO, 2005. – 336 s.

258 Toynbee, A. J. A Survey of International affairs 1924 / A. J. Toynbee. – London : Oxford University Press, 1928. – 528 p.

259 Wasilewski L. Józef Piłsudski. Jakim go znałem. – Warszawa : Towarzystwo wydawnicze “Rój”, 1935. – 235 s.

260 Wedgwood, J. C. The future of the Indo-British commonwealth / J. C. Wedgwood. – London: Theosophical Publishing House, 1921. – 251 p.

261 Żochowski, St. Brytyjska polityka wobec Polski, 1916–1948 / St. Żochowski. – Lublin : Wyd-wo Retro, 1994 – 360 s.

262 Zurowski, M. The British Foreign office and Poland's Eastern minorities, 1918 – 1941 / M. Zurowski // The Ukrainian Quarterly. – 1990. – № 3. – S. 262–281.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1 «Признать, но не гарантировать» (1923–1925 годы)	20
1.1 Признание восточных границ Польши.....	20
1.2 Обсуждение Женевского протокола (конец 1924 года – начало 1925 года).....	28
1.3 Канун Локарнской конференции 1925 года.....	35
1.4 Позиция Дж. О. Чемберлена в середине 1920-х годов	44
1.5 Подписание локарнских соглашений	51
2 «Полувеликая» региональная держава (1926 – май 1929 года).....	60
2.1 Принятие Германии в Лигу Наций	60
2.2 Берлинский договор 1926 года.....	70
2.3 Сложности в польско-германских отношениях второй половины 1920-х годов	79
2.4 Обострение британско-советских отношений в 1927– 1929 годах	89
2.5 Экономический аспект англо-польских отношений во второй половине 1920-х годов	99
2.6 Балтийский вектор польской политики во второй поло- вине 1920-х годов.....	108
3 «Одна из величайших трудностей в связи с общей пробле- мой безопасности» (июнь 1929 года – 1933 год).....	118
3.1 Приход второго лейбористского Кабинета.....	118
3.2 Британско-польская конкуренция в сфере торговли уг- лём на рубеже 1920-х – 1930-х годов	124
3.3 Экономический кризис в первой половине 1930-х годов ..	128
3.4 Женевская конференция (1932 год).....	140
3.5 «Пакт четырёх»	150
4 «Промежуточное» государство в «сложном уголке Европы» (январь 1934 года – май 1937 года).....	161
4.1 Германско-польская декларация о неприменении силы от 26 января 1934 года	161
4.2 Проект «Восточное Локарно»	164
4.3 «Германская проблема» на рубеже 1935–1936 годов	184
4.4 Ремилитаризация Рейнской зоны и анализ её последствий ...	189
Заключение	202
Список источников и литературы.....	209

Научное издание

Дубровко Елена Николаевна

**ПОЛЬША В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
1923–1937 ГОДОВ В ОЦЕНКАХ
БРИТАНСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ**

Подписано в печать 11.05.2026. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 13,48. Уч.-изд. л. 14,74.

Тираж 50 экз. Заказ 254.

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,

распространителя печатных изданий в качестве:

издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;

распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.

Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.